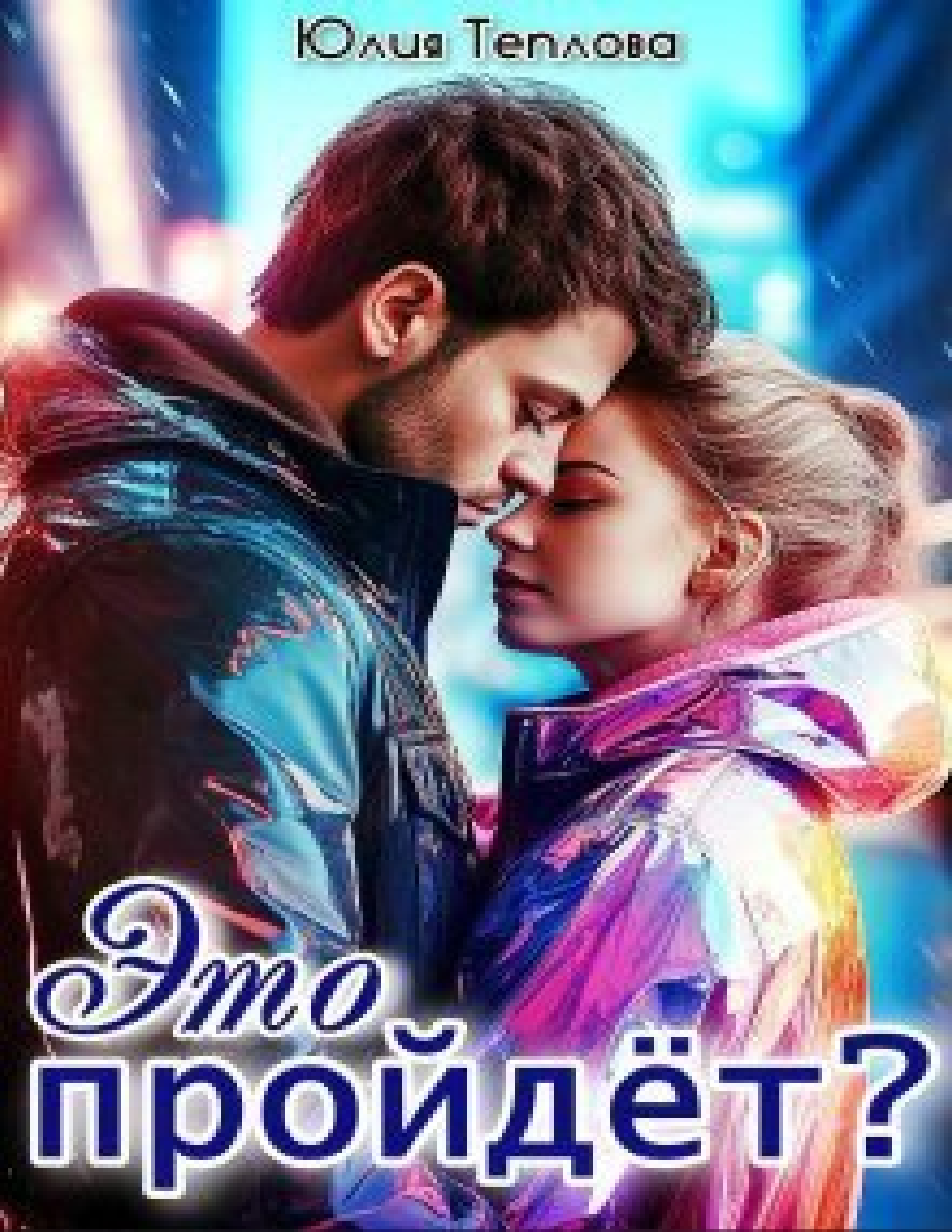

Юлия Теплова

Это
пройдёт?

— Гриша, — протягивает руку. У него красивая, широкая ладонь с винтажной печаткой в форме треугольника на указательном пальце. — Давай «на ты». У нас здесь плоская иерархия. Ты хоть посуду мне не побьёшь, Вера? — Я ловкая как кошка. Гриша весело хмыкает. — Приходи в понедельник после обеда. Кира тебя оформит и все объяснит. Обговорите с ней график работы и зарплату. Пока с испытательным сроком. Посмотрим на твою ловкость, кошка, — его глаза смеются. — Я приду. Спасибо. Кажется, я только что устроилась в бар к сыну папиной любовницы. И думаю, ни к чему хорошему это не приведёт.

— Нет, дорогая, зря надеешься, друзьями мы с тобой не останемся. — он скалится. — Я предлагал тебе свою любовь, но она тебе на хрен не сдалась. Так что теперь не обессудь. У тебя получилось вытоптать мне всю душу. До тебя ни у кого не выходило.

Внутри все обрывается. Господи, ну что я за дура. Делаю шаг к нему на встречу. Он смотрит не в глаза, а прямо в душу. Я знаю, что за злостью скрывается боль и отчаяние.

— Прости. — пытаюсь дотронуться до его щеки.

— Пошла на хрен отсюда. — выговаривает по слогам, как будто я умственно отсталая.

Меня накрывает паника. Сердце подпрыгивает к горлу, срывается и летит вниз. Я понимаю его и сожалею. Меньше всего я хотела сделать ему больно.

По иронии судьбы чёрная полоса началась в канун Нового года. На носу зимняя сессия. В воздухе парит предвкушение чуда. Кажется, что именно в этом году сбудутся самые заветные желания

Я благополучно прогуливаю философию, слоняясь по центру. Кончик носа покалывает от холода. В наушниках щебечет Александра:

— Не, ну ты представляешь, он попросил меня за него заплатить. На первом свидании! Нормально вообще? — голос звенит отвозмущения. — Я чуть челюсть на стол не уронила. Я заказала только кофе, а он — половину меню. Если бы там поросенка на вертеле подавали, то он бы и его заточил. Сам такой симпатичный, темненький, как я люблю. — грустно вздыхает Вика.

— Он хоть жив после такого предложения? — смеюсь, представляя, как она забавно раздувала ноздри.

Впереди вижу зеленую вывеску с кофейными зернами. Стягиваю на ходу шерстяной шарф. Прикидываю, стоит ли взять кофе на обычном молоке или кокосовом. И вдруг, что-то заставляет меня повернуть голову. Свербящее ощущение, которому невозможно противиться. Наверное, это и называют предчувствием.

Улыбка сползает с лица. Я больше не слышу, что говорит мне Вика.

В ресторане через дорогу, прямо у окна, сидит отец в обществе какой-то блондинки. Мозг судорожно ищет оправдания их посиделкам. Сидят и сидят, тебе то что?

— Александра, прости. Я перезвоню. — резко обрываю ее на середине фразы и щелкаю по наушнику. Наплевав на светофор и оживленное движение, я бешеным зайцем петляю через дорогу.

Они так увлечены друг другом, что не замечают ничего вокруг.

Отец в черной рубашке, волосы красиво уложены назад. Женщина на вид ровесница мамы: довольно пышная, ухоженная, с крупными локонами. Я никогда не видела ее в родительском окружении.

Да, возможно, это деловая встреча. Они ведь просто разговаривают, ничего предосудительного. Но уже я знаю, что это не так. Она слишком сексуально отбрасывает волосы назад. Отец слишком поддался вперед. Гораздо ближе, чем позволяет социальная дистанция. Колени под столом слишком касаются друг друга. Все между ними — слишком.

Желая остаться незамеченной, несусь назад в кофейню. Выгляжу, наверняка, как идиотка.

Заказываю обычный кофе и занимаю высокий стул у окна.

Играет приятная музыка, посетителей всего несколько человек. Сейчас разгар рабочего дня. Мама, наверное, в офисе. Я не удивлюсь, если она даже не заметит отсутствия отца на месте. Когда они последний раз нормально разговаривали? Когда передвигались на одной машине?

Родители вместе учились на юридическом. Около десяти лет назад они открыли свою фирму. Дела быстро пошли в гору. Они даже вели дело какой-то известной спортсменки из нашего города. Что-то связанное с допингом. Оно вышло громким и резонансным.

К нашей семье больше нельзя употребить слово родные, но факт наличия у отца любовницы стал для меня полной неожиданностью. Как будто я открыла крышку зловонной ямы. Вроде всегда знала, что воняет, но не чувствовала. А сейчас меня ткнули в это мордой.

Делаю глоток кофе и ловлю себя на том, что шурюсь, как хищная птица.

Проходит минут двадцать, прежде чем они выходят на улицу. Вика успела закидать меня сообщениями из разряда — «*Маслова, что за фигня?*». Откладываю телефон. Сейчас все моё внимание приковано к происходящему на улице.

На блондинке белое пальто. Отец — в черном нараспашку. Рядом с ними останавливается такси, и несколько минут они самозабвенно целуются, как подростки в подъезде. Он что-то говорит ей на прощание. Она смеется, запрокинув голову. Локоны мягко рассыпаются по спине. В этот момент я испытываю чистую, жгучую, ничем не разбавленную ярость.

Открыв дверь машины, отец помогает ей сесть. А потом еще какое-то время смотрит вслед удаляющемуся такси, сунув руки в карманы пальто.

Мне хочется материться и переворачивать столы.

Отец засунул меня на юрфак, который я ненавижу всем сердцем. Все мое окружение подвергалось ежедневной критике, а мои интересы и вкусы — сомнениям. Про парней я вообще молчу. Ночевки у Александровой я отвоевала два года назад таким скандалом, что вспоминать не хочется.

А мой отец, оказывается, ни в чем себе не отказывает, наслаждаясь жизнью.

И что мне теперь делать? Вмешаться или остаться стоять в стороне?

Еду домой и весь день жду отца.

Не могу заставить себя переключиться. Воспроизвожу в голове увиденное, а потом мысленно сотавляю уличительный монолог для отца. Убеждаю себя, что имею право на честность.

К вечеру выпал снег. Стою у окна, наблюдая за кружащимися снежинками.

Когда все стало вот так? В какой момент дом перестал быть местом любви и принятия? И был ли вообще? Почему я так упорно закрывала глаза. Почему нам лучше живется в болезненном неведении?

Во двор въезжает черная ауди. Сердце, как по команде, начинает стучать быстрее. Закрываю шторы и меряю шагами комнату. У меня уходит час, чтобы собраться с духом.

«Я имею право на честность», — снова твержу себе.

Когда я спускаюсь по лестнице, у меня пересыхает во рту и потеют ладони. Чем больше себя убеждаю, тем больше мне хочется сбежать обратно к себе в комнату.

Отец сидит в столовой с ноутбуком. В комнате горит только нижний свет, создавая иллюзию уюта и доверия. Он уже успел переодеться в хлопковый костюм, волосы влажные.

— Кофе мне сделай. — бросает, не отрывая глаз от монитора, едва я сажусь напротив.

Сжав кулаки, я поднимаюсь и иду на кухню. Возвращаюсь с черной чашкой эспрессо. Этот небольшой сервиз мама купила на рынке в Марокко. Около двух часов она торговалась на ломанном французском, а потом с горящими глазами показывала нам изящные чашечки.

Осторожно ставлю чашку на стол и снова сажусь напротив. Вытираю влажные ладони о штаны.

— Где мама?

— Не знаю. Вера не мешай. У меня завтра слушание по делу Зайцева. Надс подготовиться. — отец делает глоток кофе и морщится. — Сахара мало положила.

— Если бы ты сегодня днем не сидел в «Лаборатории вкуса», то, возможно, успел бы подготовиться к делу Зайцева. — замерев лишь на пару секунд с чашкой в руке, он возвращает ее на место и смотрит мне в глаза.

Усилим воли заставляю себя выдержать его взгляд. Глядя на него, думаю, что у меня папины глаза. Мы похожи больше, чем мне хотелось бы.

— Что ты имеешь в виду? — закрывает ноутбук и складывает руки перед собой.

— Я вас видела. — не хочу ходить кругами.

— И что? — он откидывается на спинку стула и продолжает сверлить меня взглядом.

— Ты даже не будешь отрицать? — подаюсь вперед. — Пытаться что-то объяснить?

— Тебя это не касается.

Вот так, мне врезали по лицу одним предложением. Злые слезы сдавливают горло. Молчу пару секунд, чтобы успокоиться.

— Хорошо, меня — нет, а маму? Она знает про твою шлюху? — голос звенит от обиды.

Отец резко вскакивает, роняя стул. Он никогда не поднимал на меня руку, но в этот раз я уверена, что ударит. Сжимаю зубы в ожидании пощечины.

Он шарахает по столу кулаком. От неожиданности дергаюсь.

— Не смей ее так называть. — еще раз бьет по столу.

Чашка подпрыгивает и катится к краю стола. Делаю рывок вперед, но не успеваю ее

поймать. Она падает на паркет, расплескивая кофе, и разбивается на несколько крупных частей. Это вызывает досаду и... боль?

— То есть, ты планируешь дальше врать и лицемерить?

— Не смей меня учить! — теперь он переходит на крик. — Ты живешь в моем доме, получаешь лучшее в городе образование на мои деньги. Не смей мешать меня с дерьмом, поняла?!

Хлопает входная дверь. Стук каблуков по паркету. Звон брошенных на комод ключей. Через минуту в столовую заходит мама. Она мимоходом целует меня в щеку в знак приветствия и молча идет на кухню.

Отец поднимает стул, открывает ноутбук и снова принимается за работу.

— Убери. — кивает на пол.

В этот момент мне хочется послать его подальше. Я собираю осколки, вытираю липкую лужу бумажными салфетками и выкидываю чашку.

Я не хочу семью. Семья — это не казарма. Не общежитие, где чужие друг другу люди вынуждены существовать под одной крышей.

Дом там, где не нужно держать оборону. Это место, где любят безусловно. Просто так, потому что ты — это ты.

Разговора не вышло.

Мама возвращается с бокалом вина и закуривает, открыв окно. Последнее время она сильно похудела.

— Света, иди на террасу. По ногам тянет. — говорит раздраженно и продолжает стучать по клавишам.

Обернувшись, мама внимательно смотрит на него. Выбрасывает сигарету, закрывает окно и выходит из комнаты. Хлопает входная дверь.

Смотрю на отца. На что я надеялась?

Иду следом за мамой, чтобы вынести ей пальто. Опять будет раздетая курить на улице, а потом мучиться простудой. Снимаю пальто с вешалки и нечаянно задеваю сумку на комод. Наружу высыпается содержимое: телефон, помада, красная папка с документами, пластиковый пузырек таблеток. Одновременно собирая содержимое назад в сумку, я ввожу название таблеток в поисковую строчку и получаю неутешительный ответ— антидепрессанты. Приехали.

Первая капля срывается с щеки и падает на свитер. Беззвучно плачу, скривив лицо. Сажу какое-то время на полу в коридоре, затем ставлю сумку на место и вешаю пальто обратно. Утро вечера мудренее. Не зря умные люди так говорят.

Утро началось с головной боли. Мудрости оно мне, увы, не принесло. Нужно время, чтобы навести порядок в мыслях и понять, что делать дальше.

На входе в старый корпус меня уже ждёт Александрова.

— Маслова, ты чего трубки бросаешь? Сообщения игноришь, что за свинство? — она целует меня в щеку и сверлит укоризненным взглядом.

— Прости, Викусь. — мне очень хочется поделиться с ней своими страхами и сомнениями, но я не могу.

Во-первых, это эгоистично: сливать боль на близкого человека. А во-вторых, если расскажу — предам отца. Да, он не святой, но я не могу выставить его в дурном свете, поэтому придаю голосу беззаботности. — Я получила результаты теста по экономике по электронке, когда с тобой болтала. Отец случайно увидел и понеслась. Ты же его знаешь. А вечером совсем забыла тебе позвонить.

«Что ты несешь?», — думаю про себя и тороплюсь сменить тему:

— Но я планирую вымолить твоё прощение большой чашкой капучино после второй пары, идёт? — надеюсь, моя улыбка не похожа на оскал.

Викино лицо расслабляется.

— Нет, дорогуша, кофе ты не отделаешься. После занятий идем с тобой в новый бар на Советской. Оля нам столик забронировала. Там записать на два месяца вперед. Я тебе писала, между прочим, но ты же не читала мои сообщения. И не закатывай мне глаза тут. — поправляет ремешок сумки и продолжает. — Ксюхин парень его месяц назад открыл, а мы с тобой туда никак не дойдём. У тебя то спорт, то репетиторы. В десять ты уже дрыхнешь как пенсионерка.

— Вик, но я сегодня закончу поздно. У меня пар сегодня до фига.

— Не викай мне. Когда мы с тобой последний раз куда-то вместе выходили? — она смешно заходит вперед меня и ставит руки в боки.

— Идёт. — сдаюсь под ее грозным взглядом. — Я угощаю в качестве извинений. Не сердись, Викусь. — шутливо толкаю ее плечом.

— Само собой. — бурчит Вика.

— А ты чего с Олей не пошла, раз там так классно?

— Они же на открытие были. Вход для ограниченного количества человек. Какой-то крутой техно-диджей играл. Короче, Оле очень зашло.

Мы договариваемся о встрече после занятий. Вика идёт в библиотеку, а я плетусь в сторону своей аудитории. По дороге покупаю отвратительный кофе в автомате и опаздываю на десять минут. Тяну ручку массивной двери на себя.

— Маслова, Вы бы хоть раз пришли вовремя. Может нам всей группой скинуться и часы Вам подарить? — Алевтина Ивановна стучит по запястью, имитируя наручные часы.

Около восьмидесяти пар глаз уставляются на меня. Неприятное ощущение. Снимаю рюкзак с плеч и приношу извинения, хотя делать мне этого совсем не хочется. Алевтина Ивановна — психологический террорист, почему-то невзлюбила меня с первых дней. Я — не самый прилежный студент, но у нас есть и похуже, но ее навязчивое внимание полностью досталось мне.

— Садитесь уже. — она указывает на свободное место в первом ряду. — Вам бы

пораньше приходить и побольше слушать. Вы у нас не самая успевающая мадам в группе. — презрительно следит за тем, как я достаю необходимое, и молчит, концентрируя на мне все внимание нескольких групп.

Начинаю конспектировать. Большинство преподавателей против гаджетов на уроках. Каменный век, честное слово.

Концентрация быстро ускользает от меня, и мысли возвращаются к вчерашней ситуации.

Мама всегда была закрытым человеком. Когда я была маленькой, она была много смеялась и красила губы красной помадой. У неё был заразительный смех. Хватало пустяка, чтобы рассмешить ее до слез.

Когда родители открыли фирму, им приходилось очень много работать. Иногда они пахали по двенадцать часов и могли остаться ночевать в маленькой комнатухе, разгребая дела. Штат сотрудников появился у них далеко не сразу.

Когда мне исполнилось четырнадцать, мы переехали в закрытый частный посёлок за городом. У меня появилась косметика, брендовые вещи, гаджеты. Поездки на языковые курсы в Лондон на летних каникулах. Отец видел во мне проект, в который нужно хорошенько вложиться, чтобы получить результат. Поэтому, я, собственно, и сижу сейчас в душной аудитории.

Три года назад отношения родителей испортились. Скандалы плавно перетекали в бойкоты, бойкоты — в скандалы. Я не верю, что причиной этому стали деньги. Деньги не портят человека, они раскрывают его истинную сущность, давая больше свободы.

— Маслова... Маслова. — чувствую тычок в спину. Кира протягивает мне свернутый листик в клетку.

Записка от Лебедева «ты + я = свидание?». Внизу он зачем-то пририсовал член. То ли претензия на оригинальность, то ли спермотоксикоз. Идиот, хоть бы вместо него сердечко нарисовал. Оборачиваюсь и прохожусь глазами по рядам. Он сидит слева у стенки с Логуновым и Митрошенко. Ржут, смотрят на меня. Рисую фак и отправляю записку назад.

— Маслова, я вижу Вам не до моей лекции. Вряд ли у вашего отца будет время объяснять Вам упущенный материал. Пожалейте его деньги, потраченные на Ваше обучение впустую. — Алевтина Ивановна сложила ярко-бордовые губы куриной попкой.

Сука. Ну зачем переходить на личности. Чего она ко мне прицепилась? Я ведь не шумлю, тихо царапаю себе конспект в тетради. Надо действительно раньше приходить и занимать места на галёрке, надеюсь, что она туда не доберётся.

— Простите, Алевтина Ивановна. Спасибо, что считаете папины деньги. Я ему обязательно передам. Если его бухгалтер заболеет, то он обязательно обратится к Вам. — делает вид, что не слышит и отворачивается к экрану.

Поздравляю, Вера, ты только что обеспечила себе пересдачу.

Лекция длится целую вечность, а за ней ещё три. Четыре круга ада плюс семинар.

Надеваю куртку и выхожу на улицу. Глубоко вдыхаю морозный воздух. На улице начинает смеркаться. Вика задерживается. Успеваю притоптать выпавший снег на аллейке. Мимо проходит Лебедев с друзьями и подмигивает мне. Из-под шапки смешно торчит кудрявая челка. Хочется улыбнуться, но я сдерживаю порыв. Ещё примет улыбку за флирт, потом не отделаюсь. Кто знает, где он ещё член нарисует.

— Пока, малышка! Не забывай я настойчивый. — его дружки снова ржут и улюлюкают как стадо орангутанов.

Александрова появляется, когда я окончательно околела. Нужно было ждать её внутри, но старый корпус вызывает во мне отторжение. Глядя на него, я думаю, что иду не своей дорогой.

— Нас опять задержали, прости. Замёрзла совсем? — Вика берет меня за руку. — Почему перчатки не носишь? Руки ледяные

— Забыла. — улыбаюсь. В груди становится тепло. — Снег снова пошёл. Как думаешь, Новый год такой же снежный будет как в прошлом году? — на душе стало спокойнее, хочется беззаботно ловить снежинки, высунув язык, как в детстве.

— Вряд-ли. Скорее всего все растает. — мы шагаем в сторону остановки. — Что замутим? Ты же не будешь дома праздновать? У твоих же наверняка до последнего корпоративы, деловые ужины. Прикинь, ты такая же станешь.

— Сплюнь. Может в клуб пойдём? Теперь нас точно пустят. — смеёмся, вспоминаем, как на прошлое восьмое марта нас не пустили. Не помогли ни шпильки, ни слишком яркий макияж. Мы ели шаурму в ларьке за углом и придумывали обидные прозвища охраннику.

Только в моей памяти это воспоминание омрачено. Не знаю, помнит ли Вика. Мне неловко спрашивать.

Тогда отец вернулся домой на день раньше из командировки, обнаружил моё отсутствие и приехал за мной. Чуть ли не за шиворот засунул в машину. Позвонил родителям Вики и высокомерно отчитал их, за то, что они плохо ее воспитывают.

Это было ужасно. Потом я плакала, звонила Александровой, просила прощения. Отец настаивал на прекращении дружбы. Но тут я, наконец, проявила твёрдость. Викуся — мой подарок свыше. Она единственная, кто любит меня безусловно, и мама ещё, наверное.

Две остановки на метро, и мы стоим перед вывеской «Your fucking bar».

— Креативненько.

— А то. Я голодная как волк. — Вика смешно потирает ладони и пританцовывает на месте.

Зал все заполнен наполовину. На остальных столах стоят таблички «reserved». Девушка в чёрной рубашке указывает нам на небольшой круглый столик у окна. Довольно уютно, но слишком уж старательно пытались придать небрежности интерьеру. В Европе подобная обстановка выглядит менее нарочито. Мы были с родителями в Амстердаме в похожем месте.

Кухне могу поставить уверенную пятёрку. Очень вкусно.

— Теперь моё внимание полностью принадлежит тебе. Рассказывай про своего обжору. Ты где его подцепить успела?

Вика указывает на набитый рот. Жуёт. Делает глоток сока и приступает к рассказу. В этот момент я почти счастлива. Приятно расслабляюсь в тепле после мороза. Ем ароматный стейк с розмарином и хрустящим салатом. Потом мне принесут черничный пирог. Завтра суббота, и у меня только один семинар по английскому. Легкотня.

Пока Вика выбирает десерт, я отправляюсь в уборную.

Прохожу мимо барной стойки из тёмного дерева. Рядом с кассовым аппаратом висят пара милых постеров и несколько больших фотографий с открытия. Светловолосый парень рядом с Ксюшей, лучшей подругой Викиной сестры, — видимо владелец бара. Он обнимает её собственническим жестом за талию.

Я, почему-то, думала, что он старше. Он же рядом с довольно известным блогером. Чуть ниже висит фото компании молодых парней. Они дурачатся и улыбаются. Моё внимание

привлекает небольшая фотография взрослой блондинки в серебряной рамке. Я замедляюсь и рассматриваю снимок. Волосы подколоты вверх, светлая кожа, зелёные глаза. На мой взгляд, не стоило ей надевать настолько открытое платье. Оно невыгодно подчёркивает полноватые плечи. Она сидит за барной стойкой и улыбается в камеру, приподняв бокал шампанского. Я почти уверена, это — любовница отца.

Пользуясь тем, что бармена нет на месте, а официанты находятся в зале, я подхожу очень близко и продолжаю рассматривать фотографию. Мама совершенно противоположный типаж — миниатюрная шатенка с темными глазами. Она почти всегда носит деловые костюмы и уже лет семь стрижется под каре. Я всегда хотела быть такой же утонченной как она, но, наверное, с этим можно только родиться.

— Я могу Вам чем-то помочь? — в дверях, ведущих на кухню, стоит блондин с фотографии.

Он высокий, в темной футболке и джинсах. На правом предплечье крупная татуировка. В зале приглушенный свет, поэтому не могу рассмотреть ее.

Отступаю от тумбы с кассовым аппаратом..

— Я снимки рассматривала. — поясняю очевидное. — Вот эта фотография очень красивая. — указываю на снимок в серебряной рамке.

— Это моя мама. — он делает несколько шагов вперед, и я могу лучше рассмотреть его: светлые глаза, широкие брови, нижняя челюсть немного тяжеловата.

— У вас симпатично. И вкусно. — неловко отступаю, чтобы пропустить появившегося с ящиком пива бармена. — Спасибо. — резко прервав диалог, разворачиваюсь и быстро иду сторону таблички, указывающей направление уборной.

«Ничего, он просто решит, что я странная», успокаиваю я себя. Мало ли сколько странных людей, ткнувшихся почти носом в чужие снимки. Может у меня зрение минус десять.

Правда говорят, что наши мысли материальны. Какова была вероятность забрести в нашем небольшом городе в бар, принадлежащий сыну любовницы моего отца. Санта-Барбара просто.

Долго мою руки. На ум не идет ничего полезного.

Когда я возвращаюсь в зал, Вика уже ест тирамису. Я жую свой пирог не чувствуя вкуса. Вяло обсуждаю предстоящую сессию. Готовилась я к ней плохо, а значит меня ждет новая порция позора.

Вика хочет разделить счет. Говорит, что пошутила про приглашение, но я оставляю деньги в кожаной папке за двоих. В глубине души чувствую вину, за то, что не до конца откровенна с ней. Не думаю, что она сможет до конца понять мои чувства.

Выходим на улицу. Целую Вику на прощание. Она идет к остановке. Я вызываю такси. Надеюсь, что пробок не будет, и я быстро доберусь домой. Приложение показывает, что водитель будет через пятнадцать минут. Ветер пробирается под куртку.

Дверь бара хлопает, и на улице появляется сын отцовской пассии. Интересно, кто его отец? Мать тоже ему изменяет?

На нем черная куртка, из-под нее торчит капюшон зеленой толстовки. Слышу щелчок зажигалки. Смотрю как падает снег, и повинуясь необъяснимому порыву, говорю прежде, чем успеваю подумать:

— Можно к Вам на подработку устроиться?

Он делает затяжку. Светлую чёлку моментально присыпает снегом.

— А тебе нужна работа? — он выразительно смотрит на мои ботинки.

— Хочу на каникулах подзаработать. Не все же мне родительские деньги тратить.

— Восемнадцать есть тебе? — он улыбается. На одной щеке появляется ямочка.

— Обижаете, мой будущий шеф. — улыбаюсь в ответ.

— Нам нужны официанты. — он оценивающе осматривает меня — Скоро праздники, бронь на два месяца вперёд. А почему ты решила, что я — шеф?

— Моя лучшая подруга — сестра лучшей подруги Вашей девушки.

— Сложная схема. Ольги или Киры?

— Оли Александровой. Меня Вера зовут.

— Гриша. — протягивает руку. У него красивая широкая ладонь с винтажной печаткой в форме треугольника на указательном пальце. — Давай на ты. У нас здесь плоская иерархия. Ты хоть посуду мне не побьёшь, Вера?

— Я ловкая как кошка.

Гриша весело хмыкает.

— Приходи в понедельник после обеда. Кира тебя оформит и все объяснит. Обговорите с ней график работы и зарплату. Пока с испытательным сроком. Посмотрим на твою ловкость, кошка. — его глаза смеются.

— Я приду. Спасибо.

Прощаюсь и иду в сторону такси. Нетерпеливый волитель уже во всю мне сигналиит.

По дороге я ещё раз прокручиваю наш диалог. Чего я хочу добиться, устроившись к нему в бар? Если отец узнает — меня ждёт настоящая истерика. Его дочь — будущий юрист бежит в забегаловке с подносом среди сомнительной публики. Ну или в притоне. Смотря какое настроение у него будет, такая метафора и подъедет. У него свое понимание мира.

Не вижу в этой работе ничего плохого, кроме того, что я ни дня в своей жизни нигде не работала. И слабо себе представляю, как я буду это делать. Попутно пытаюсь вспомнить, рассказывала ли Вике Оля что-то про Гришу. Ничего не могу вспомнить.

Интересно, сколько ему лет. Оле вроде двадцать пять, они с Ксюшей в одной группе учились в университете. Думаю, ему примерно столько же. Он производит приятное впечатление уверенного и дружелюбного человека. Жаль, что мать у него лживая тварь.

Оказавшись в своей комнате, сажусь за ноутбук и ввожу название бара в поисковую строку. Просматриваю социальные сети. Сразу видно, что Гриша вложил в оформление: выдержан общий цвет и стилистика страницы. Я думала, что неон больше не в моде, но красная вывеска, бросающая блики на снежную улицу, смотрится атмосферно. Хочется завернуть в бар дождливым вечером после неудачного дня, чтобы пропустить бокальчик чего-нибудь крепкого.

Под фотографиями много лайков, репостов, комментариев. Открытие вышло ярким.

Без труда нахожу страницу Гриши.

Они с Ксюшей на фоне моря. Гриша в одних синих шортах демонстрирует пресс. Ксюша в белом купальнике прижимается к нему. На следующем снимке Гриша на какой-то вечеринке салютует бокалом виски. Пара красивых видов из путешествий. То ли Италия, то ли Португалия. Все просто. Никаких глубокомысленных подписей под фотографиями или миллиона фотографий из спортзала.

Делаю ещё несколько кликов и вуаля — я смотрю на фото его матери. Ну здравствуй, Ильяшенко Нина, 1981 года рождения.

В повседневной жизни она предпочитает платья, мягкие локоны и маленькие сумочки. Как сказала бы Вика — «девочка-девочка». Лишние килограммы ее при этом совершенно не смущают. У неё свой цветочный магазин на пересечении Советской и Ленина, недалеко от

«Лаборатории вкуса», где они недавно встречались с отцом.

У нее на станции есть один снимок с открытия бара. Она стоит между Гришей и Ксюшей, обнимает их и счастливо улыбается в объектив. Как же я ее ненавижу.

Ксюшу я видела довольно давно. Она перекрасилась в блондинку. На открытие она предпочла широкие брюки и укороченную белую водолазку, дополнив образ крупными серьгами.

По тому, как эта стерва обнимает Ксюшу, видно, что она ее очень любит. Фотография передаёт атмосферу праздника и веселья. На заднем фоне видно танцующих людей. Закрытая вечерика для своих.

Никого похожего на мужа не мелькает в ее ленте, но это ни о чем не говорит. Может человек не хочет светиться.

И что мне даёт вся эта информация?

Закрываю ноутбук, убираю его на прикроватную тумбочку и накрываюсь с головой. Пытаюсь понять, что чувствую и проваливаюсь в сон.

На следующее утро я снова прогуливаю единственный семинар. Надеюсь, отцу не позвонят с кафедры. С английским у меня проблем нет. Я всю американскую попсу, начиная с конца девяностых, знаю. Вернее все тексты.

Я всегда мечтала петь. В своих детских, незнающих границ, фантазиях, я неизменно стояла на сцене перед огромным залом. На мне красивое блестящее платье, мерцающее в свете софитов. Я пою как сирена. Моя музыка — лекарство от всех невзгод. Став подростком, я представляла себя дерзкой рок-певицей в кожаных штанах с черным смоки айс.

Я слушала все подряд с тех пор, как у нас появился магнитофон. В семь я попросила маму записать меня музыкальную школу, но родители были против. В данном случае — единогласно. Нечего забивать голову ерундой, сосредоточься на учебе. Вместо музыки я получила тренировки по плаванию и легкой атлетике. Родители считали, что спорт дисциплинирует и закаляет волю. Плавать мне нравилось. Анна Петровна была хорошим инструктором и приятным человеком. А вот остальные виды спорта я просто ненавидела. До сих пор терпеть не могу. Мой предел — ходьба: приятно и здорово прочищает мозги.

Вместо юридического я хотела поступить на эстрадно-джазовый вокал, но имела глупость рассказать о своих планах. Хотя молчание бы ничего не изменило. С начальной школы я знала, что стану юристом. Мне искренне непонятно, зачем миру еще один плохой специалист? Их и так навалом в любой сфере.

Родители считают, что добиться чего-то можно только со связями, хотя сами заслужили свое место под солнцем тяжелым трудом. Если бы была жива бабушка, то она бы непременно добавила, что на сцене одни шаболды и все через постель. То, что мы живем в эпоху интернета, конечно, не аргумент.

Под гнетом чужих ожиданий, возложенных на меня без спроса, моя мечта постепенно угасала пока совсем не потухла. Остались только искорки сожаления, что все закончилось, так и не успев начаться.

Я иду по заледеневшему проспекту в сторону цветочного магазина. У меня нет плана. Ядовитая ярость прошла, осталось отвращение с примесью горечи. Что бы я почувствовала, если бы отец открыто сообщил, что у него другая? Если бы честно подал на развод?

Звон колокольчика отрезает меня от шума проезжей части. Скидываю капюшон пальто. В магазине чисто, светло и пахнет весной. Из-за стойки меня приветствует Ильяшенко Нина Шлюховна собственной персоной.

— Доброе утро, Вам помочь с выбором или хотите самостоятельно ознакомиться с ассортиментом? — на ней белое вязаное платье, слегка оголяющее плечо, и бежевый льняной фартук. Волосы снова подколоты наверх, у лица выпущены пара игривых локонов.

— Здравствуйте. Мне нужен красивый букет в пастельных тонах. — с трудом заставляю себя подойти ближе к стойке. Ноги будто приклеены к полу, каждое движение требует усилий. Сердце истерично бьётся в груди: не от волнения, а от злости.

— Давайте вместе посмотрим. — она выходит из-за стойки и идет в сторону больших вазонов с розами.

В магазине мы только вдвоём. Нет ни покупателей, ни персонала. Сверлю взглядом спину. Она осторожно перебирает нежные бутоны.

— Как Вам кремовые розы? — поворачивается с улыбкой.

Замираю и заставляю себя кивнуть в ответ. Она берет ещё несколько маленьких соцветий и возвращается за стойку. У неё ухоженные руки без украшений, длинные пальцы с бордовым маникюром. При дневном освещении я вижу зелень ее глаз. Они настолько светлые, что показались мне голубыми на фотографии.

Существует множество теорий на просторах интернета. Где-то пишут, что зеленоглазые люди обладают самой гармоничной энергетикой, а где-то говорится о их мстительной натуре.

Мне хочется назвать ее глаза лживыми, но я почему-то вспоминаю о Грише. Передо мной возникает его лицо: прямой нос, чистая кожа, тёплый взгляд, заразительная улыбка. У него глаза матери.

Снова смотрю на ее руки и представляю, как она сжимает этими пальцами щеки отца и глубоко целует. К горлу поднимается тошнота.

Она подрезает секатором цветы, формирует букет. В движениях нет торопливости наёмных работников. Она наслаждается процессом, а затем любителю результатом.

— Вам нравится? — разворачивает букет ко мне и снова улыбается.

— Эвкалипта добавьте. — жадно продолжаю следить за каждым ее движением.

— Для кого букет, если не секрет? — она заворачивает его в крафтовую бумагу.

— Для женщины, с чьим мужем вы спите — моей матери. — она замирает, совсем как отец последний раз, и поднимет на меня глаза. Они потемнели. Стали почти изумрудными. Я с маниакальной жадностью впиваюсь взглядом в её лицо. Стараюсь рассмотреть любую эмоцию, микроскопическое изменение.

— Ты дочь Андрея?

— А Вы ещё с кем-то спите? — меня раздражает ее растерянность.

Сейчас мне хочется биться, не щадя, до первой крови. Хочу растоптать её, но она — неравный соперник, потому что не готова держать удар.

Перед собой я вижу обычную женщину. Нина молчит. Заклеивает бумагу скотчем и снова смотрит на меня.

— Мне жаль, что все так вышло. — делает паузу и добавляет. — Я люблю его ещё со старших классов. — раздражение мгновенно превращается в бурлящую ярость. Я впиваюсь пальцами в прилавок и, как кобра, делаю бросок вперед:

— Так и женились бы после старших классов и не ломали бы судьбы. Тогда бы не родилась я, и мне не пришлось бы стать свидетелем морального разложения моего отца. — агрессивно тычу в нее пальцем. — И если бы тебе было по-настоящему жаль, то ты бы поступила честно, а не жалась с моим отцом по углам. И моя мать не была бы смешана с дерьмом. И я бы не потеряла остатки уважения к своему отцу. Я бы... — не выдерживаю давления эмоций, рухнувших на меня, как бетонная плита, и начинаю плакать. Я ненавижу себя за это. Ненавижу за то, что это я не могу держать удар, а — не она.

— Мне правда жаль, детка. — произносит еле слышно. Я не была готова к её жалости. Это просто невыносимо.

— Да пошла ты!

На понимание, эмпатию и признание ошибок способен только сильный человек, у которого все в порядке. У Нины прекрасный сын, у которого есть Ксюша, свое дело, и чего уж таить, мой отец, который любит её. Я не слепая. То, как он защищал её, говорит обо всем.

А у меня в восемнадцать лет разбитые мечты, рухнувшая иллюзия семьи и отсутствие

права выбора.

Не могу остановить поток слез. Достāju деньги и кладу на стол. Она хочет что-то сказать, но я останавливаю её жестом. Желание приложить её о стол пропало. Ненависть затаилась и отошла немного в сторону. Забираю действительно красивый букет и стремительно выхожу на улицу. Ледяной ветер треплет волосы. Рукавом пальто вытирают нос. Сую букет в руки проходящей мимо женщины, игнорируя её недоуменный взгляд, иду в сторону набережной. Зачем я пришла? Посмотреть на неё? Посмотрела? Тебе фотографии не хватило? Что за необъяснимое желание помучить себя. Облегчения не наступило. Я иду ещё быстрее и, наконец, срываюсь на бег.

Кира — милостивая блондинка с отвратительным характером. А может воспитанием, я пока не разобралась.

— Волосы на работе так носить нельзя. — рассматривает меня как таракана, который случайно забежал в ресторан.

— А как можно?

— Назад их нужно убирать. — раздражённо дергает рукой, имитируя гладкую укладку. — Официанты работают в черном. Внизу можешь носить джинсы, брюки не обязательны, но сверху должна быть рубашка.

— Бармен вон в футболке. — киваю в сторону высокого парня, который делает какой-то замысловатый коктейль. — А у той девушки наполовину собранное каре. Волосы внизу висят.

Кира шумно выдыхает, словно призывает себя к терпению, голос звучит с нажимом:

— Волосы убрать, рубашку надеть, тупых вопросов не задавать. Домой возьми меню, изучишь.

— То есть Вы сами решаете, кому и как одеваться? Субъективно? — намеренно обращаюсь к ней на вы, хотя Гриша предупреждал о плоской иерархии.

Мои волосы убраны в небрежную французскую косу, ничего не висит и не представляют никакой угрозы для тарелок посетителей.

— Слушай, — она понижает голос. — Я беру тебя на работу, только потому что Гриша так сказал. Мне здесь богатенькие косорукие соплячки не нужны. Разгребать за тобой потом косяки мне придётся. Работаешь здесь до первого замечания, первая жалоба — вылетишь как пробка. — она протягивает мне меню в кожаной обложке с именным логотипом. — И чтобы ты знала, я иногда делаю сотрудникам поблажки, если они прекрасно работают и всегда готовы выйти на замену.

— А если её волосы в суп гостю попадут, то Вы им тоже про поблажки расскажете или скидку предложите? — если честно, то мне плевать кто и как ходит. Но и хамство я терпеть не собираюсь. Она сама навесила на меня ярлык, не разбираясь, и тут же возненавидела. К тому же я совершенно не боюсь, что меня погонят. Терять мне нечего.

— Меню должно от зубов отскакивать. — чеканит злобно. — Начинаешь работать со следующей недели. И чтобы без опозданий, поняла?

Молча салютую ей рукой. Кирино лицо перекашивается. Беру меню, куртку и иду на выход. Хорошо, что я могу послать её в любой момент.

Поброжу недельку по залу, раз уж меня кто-то за язык тянул.

Я до сих пор не понимаю зачем мне эта работа. Сын ведь не виноват в непорядочности матери. Не мстить же мне ему, тайком пробилась на кухню, чтобы подкинуть в блюда слабительное и уничтожить репутацию бара.

Совру отцу, что работаю где-нибудь в нотариальной конторе. Копирую бумаги, веду запись клиентов и всячески беру ответственность за свою жизнь.

Вечером вяло готовлюсь к сессии и снова листаю социальные сети.

Оказывается, Кира дружит с Ксюшей и Викусиной сестрой Олей. Точно, Гриша же спрашивал меня при знакомстве о какой подруге я говорю. Кирина страница пестрит их совместными фотографиями из спортзала, кафешек и совместных вылазок в город:

«Люблю своих девочек»

«Вышли с девочками украсить город»

Ну и, конечно, фото с рабочего места. На фотографии чёрная чашка с логотипом бара, синий блокнот в кожаной обложке и красный маникюр. Подпись внизу: «Планирование — залог успеха».

Насколько я поняла, Кира ведёт бухгалтерию и занимается персоналом.

На самом деле, у меня складывается впечатление, что Грише не так уж и важно, как его сотрудники закалывают волосы и какой носят вверх на рабочем месте. У одной из девушек в зале были синие волосы, а у бармена забита вся шея. Посыл бара — неформальность, свобода, отдых и хорошая музыка.

Я лежу в наушниках и пропускаю момент, как открывается дверь в мою комнату. Отец стремительно подходит к кровати и срывает с меня наушники.

— Ты вообще оборзела! — орёт на меня. Он залетел ко мне в комнату прямо в пальто и ботинках. Снег на плечах растаял, оставив влажный блеск. — Кто дал тебе право лезть в мою жизнь! Я мало для тебя сделал?! Мало? — он больно хватает меня за плечи и рывком сажает.

До меня моментально доходит причина его бешенства. Нина пожаловалась.

— Чего ты глазами хлопаешь? Вот это тряпье я тебе купил! — он хватает шелковую рубашку со спинки кровати и дергает рукав. Слышу треск ткани. Он швыряет ее мне в лицо. Инстинктивно отворачиваюсь. — Обучение я тебе оплачиваю. Мозгов не хватило на бюджет поступить. На меня смотри! Потребительский образ жизни ведёшь и думаешь, что тебе все до хрена должны. — Он начинает метаться по комнате, как бешенный зверь. Сжимаюсь в комок.

— Это я виноват, что ты выросла эгоисткой. Не имеешь ни малейшего понятия о жизни, но лезешь со своими куриными мозгами, куда тебя не просят. — говорит, немного успокоившись.

Во мне что-то мелко дрожит от боли и унижения. Отец часто переходил границу. Мог обесценивать, повышать голос, но такое он позволил себе впервые.

Как я могу доверять этому миру, людям, если я не могу довериться своему отцу? Если он не видит во мне человека со слабостями и не принимает с недостатками. Я всегда буду для него неудачницей, потому что никогда не смогу реализоваться в его сфере. Там лежит его душа — не моя.

— Что ревешь теперь? — я касаюсь рукой мокрой щеки. Плечи ноют.

Он садится на компьютерный стул.

— Значит так. Теперь университет — дом. Буду сам тебя возить. Карту мне отдаёшь. О подругах своих на ближайшее время можешь забыть.

Хочется сказать, что у меня нет никого кроме Александровой, потому что мне страшно показывать людям свою уязвимость, а без этого не существует дружбы и любви.

Я все время боюсь, что мне причинят боль, как это делает он. А ещё у меня нет на это времени. Я ведь нахожусь под вечным контролем.

— Что она тебе сказала? — мне совсем не интересно. Я просто хочу понять, что именно стало точкой отчёта, после которой, между нами, ничего больше нельзя исправить. Отец оборвал последнюю нить.

— Она прекратила отношения, пока я не разведусь. — отец поднимается и идет на выход, оставляя на полу мокрые следы. — Утром карту мне отдашь. В восемь жду тебя внизу.

— У меня в десять семинар.

— Значит посидишь в библиотеке. Без денег сильно не разгуляешься. — закрывает за собой дверь.

Вытираю щеки. Подхожу к окну. Маминой машины все ещё нет.

Беру спортивную сумку и бросаю в нее все самое необходимое: джинсы, пару свитеров, несколько футболок, спортивный костюм, белье. Следом идут документы, ноутбук, зарядки. Подумав, лезу в шкаф. В коробке из-под босоножек с выпускного хранится старая общая тетрадь с моими стихами. Я мечтала, что мои тексты оживут, когда появится подходящая музыка. Под этой потрепанной зелёной обложкой хранится моё сердце.

Пишу маме сообщение:

«Мам, извини. Я пока проживу у Александровой. С отцом поругалась.»

Не хочу посвящать её в подробности ссоры. Не нужно, чтобы она знала причину. Руки все еще немного подрагивают. Сейчас я действую на эмоциях, но теперь я окончательно поняла, что если останусь, то меня всю жизнь будут считать бесправной тупой курицей и тыкать в свой же помет. Хватит, пора брать жизнь в свои руки.

В холе темно. Как мелкий воришка пробираюсь столу и оставляю карту. Я люблю красоту, ценю комфорт, но свобода ведь дороже.

Карту отец блокирует, и она станет бесполезным куском пластика.

На улице меня ждёт такси.

— Здравствуйте. — сажусь на заднее сидение.

Пожилой мужчина ведёт машину спокойно и плавно. Работает радио. За окном стало совсем темно.

Перед выходом я отправила Вике сообщение с просьбой пожить у неё пару дней. Больше мне не позволит совесть. О том, что будет потом, стараюсь не думать. В ответ получаю емкое — *«Ждём тебя»*.

Входящий от мамы застаёт меня, когда я подхожу к Викиному подъезду.

— Что у вас с отцом случилось? — ее плохо слышно, похоже мама за рулём.

— Мы сильно поругались. Я проживу у Вики, а потом попробую получить общежитие или комнату найти.

— Малыш. — её голос теплеет. Она давно меня так не называла. — Ночуй сегодня у Вики, а завтра приезжай домой. Я поговорю с Андреем. Ты же знаешь, он — упрямый, но отходчивый.

— Мам, пожалуйста, не надо. — во-первых, она не знает о чем речь, а во-вторых, я не хочу становиться причиной нового скандала. — Я уже и работу нашла. — снова почему-то думаю о Грише.

Мама устало вздыхает:

— Что у тебя завтра с университетом?

— Семинар и первый зачёт после обеда. — наблюдаю за девушкой, гуляющей под фонарём с маленькой собачкой.

— Хорошо. Напиши мне, во сколько ты заканчиваешь, и я тебя заберу. Пообедаем где-нибудь и все обсудим, идёт?

— Идет, мам.

— Люблю тебя.

— И я тебя. — почему-то снова хочется плакать от нежности.

Почему всегда когда плохо, хочется к маме?

Кому-то везёт с семьёй, а кому-то — нет. Так бывает. Мудрые люди говорят, что все в

жизни закономерно. Мы приходим на землю, чтобы проходить жизненные уроки и отрабатывать кармические долги. Именно поэтому нас окружают разные люди. Одни дарят счастье, а другие — боль.

Поднимаюсь по лестнице. Дверь в квартиру Александровых уже открыта. Тётя Лера ждёт меня на пороге. Она слишком тактична, чтобы задавать лишние вопросы, поэтому старательно делает вид, что ничего особенного не произошло. Как будто это норма — заваливаться к людям на ночь глядя. В глубине души я до сих пор стыжусь, что отец их отчитывал.

— Верунчик, не поверишь, я сегодня пирожков с вишней напекла, как чувствовала, что ты придёшь. Вася чай заварил с листиками смородины и малины. Пахнет умопомрачительно, с дачи привезли. Сами собирали. Все свое. — щебечет она, пока я снимаю ботинки.

Вика уже забрала мою сумку.

— Звала Олюшку на чай, но она теперь в офис устроилась. Времени совсем мало стало. — тётя Лера печально вздыхает.

— Привет, будущим адвокатам, которые с моим начальником судится будут, за то что он порядочным людям копейки платит. — нарочито весело басит из кухни дядя Вася.

— Добрый вечер, дядя Вася.

— Мамуль, мы у меня чай выпьем, поболтаем немного и спать. У Веры завтра зачёт.

— Идите, конечно. — тётя Лера помогает мне снять пальто и обнимает. — Совсем худышка. Чтобы двойную порцию съела.

— Обязательно.

Сразу иду в душ и про себя думаю, что когда со всем разберусь, то обязательно поблагодарю тётю Леру с дядей Васей. Выясню у Вики, чем их можно будет порадовать.

Небольшая ванная, совмещенная с туалетом, блестит. На батарее сушится чёрная мужская футболка. Полотенце пахнет кондиционером для белья.

Стоя под теплым душем, я ощущаю тоску и усталость. Я — самозванец, занявший место в этом уютном раю.

Я завтра подумаю о том, стесняю ли я Александровых. Что мне делать с учёбой, за которую платит отец, и стоит ли говорить маме о тупике, в который зашла наша семья.

Развешиваю коврик для ног на батарее, протираю зеркало, специальной тряпочкой и оставляю маленькое окно приоткрытым на проветривание.

Александровы смотрят какое-то вечернее ток-шоу. Зал освещен голубым экраном телевизора, как в детстве. Я обожала субботние вечера. Родители были дома. Мы ели чебуреки, заботливо переданные бабушкой Таей, и смотрели какой-нибудь концерт по телевизору. А ещё у нас был кот по кличке Суслик. Папа принёс его с улицы, спрятав под курткой, потому что на улице был мороз под сорок. Папа ведь не плохой человек, он любит меня. Я знаю, но не чувствую. Чувствовать и знать — разные вещи.

— Доброй ночи. — выжимаю улыбку, проходя по коридору мимо зала.

— Спокойной, Верусь. Я вам там ещё одно одеяло приготовила, если замёрзнете.

— Спасибо, тётя Лера.

— Добрых снов. — улыбается дядя Вася, и я искренне улыбаюсь в ответ.

Викуся уже сидит на расправленном диване с тарелкой пирожков. На комодке рядом с кроватью стоят две дымящиеся кружки.

Я могла бы лечь на Олину кровать, но Вика разложила для нас диван. Как так случается,

что чужой человек становится тебе самым родным?

— В прошлой жизни мы были сёстрами, Александрова. — я ложусь рядом с ней и складываю руки под щеку. — Делили одну комнату на двоих и мечтали вместе переехать в Москву, как истинные провинциалки. — чувствую новый прилив усталости. Нет сил двигаться.

Вика ложится рядом и зеркально подкладывает руки под щеку.

— Значит, в прошлой жизни я была очень счастливой.

Рассматриваю ее веснушки, карие глаза и родинку над верхней губой, как у Натальи Орейро. Душевная близость в этот момент завораживает меня.

Из соседней комнаты доносится тихое бормотание телевизора.

— Отец тебя выгнал? — тихо спрашивает Вика.

— Нет, я ушла. Отстаиваю независимость и все такое. — хмыкнув добавляю. — Без карты. Так что я теперь из богатенькой пустышки превращаюсь в трудягу и вливаюсь в рабочие массы.

— Не болтай ерунду. — Вика поднимается, откусывает пирожок и задумчиво жуёт. — Что делать будешь?

— Не знаю. Налички у меня мало, но зато есть работа. Правда не знаю оплатят ли мне испытательный срок. Я как-то не задавалась этим вопросом. — переворачивать на спину и смотрю в потолок.

— Ну ты же юрист, поройся в законах. — протягивает мне кружку с чаем. — Не переживай, ты можешь оставаться у нас сколько хочешь.

Вопросительно смотрю на Вику.

— Когда ты переживаешь, у тебя морщинка между бровей появляется, вот здесь. — указывает пальцем себе на лоб. — и ты чаще прикрываешь глаза. Мои против не будут, ты же знаешь.

— Спасибо большое. Правда. — делаю глоток чая. — Постараюсь что-нибудь придумать. Может комната попадётся.

— Может недорогую однушку найдём. Будем вместе снимать?

— На какие шиши, Александрова?

— Работу найду. С английским не пропаду.

— Не рано на первом курсе? Тебе надо автоматы зарабатывать.

— А тебе с подносами носиться не рано?

— У меня другое. Мне повышенная стипендия не нужна была. Юриспруденцию я всем сердцем ненавижу, ты это каждый день слушаешь. — тоже беру пирожок. Воздушное тесто, кисловатая начинка — божественно. Тете Лере нужно открывать свою кондитерскую.

— Прорвёмся, где наша не пропадала. Ксюхин парень вроде нормальный шеф, не жадный. Поговори с ним, попроси аванс.

Вика думает, что я устроилась в бар после нашего похода туда, чтобы стать самостоятельной и не зависеть от отца.

— Ни дня не проработав?

— Объясни ситуацию. Он в свое время тоже независимость отстаивал, Ксюха рассказывала.

— Объяснить ему, что я — бунтующий подросток?

— Разберёшься, Маслова, не маленькая.

Вика засыпает около одиннадцати. Я ворочаюсь без сна. Собираюсь с духом и, наконец,

беру телефон в руки. Три пропущенных от отца. А следом сообщение: *«Когда надоест прятаться у подруги, и ты прибежишь домой — поговорим. За свои поступки нужно отвечать.»*

Ни вопроса как я добралась, ни извинения за грубые слова.

Почему сейчас в темноте, находясь со своей душой лицом к лицу, я испытываю чувство вины? Я ведь все сделала правильно.

Я не виновата, что не соответствую ожиданиям. И я имею право отстаивать то, что мне дорого. Но почему-то глубоко внутри, я всегда сомневаюсь и не верю, что достойна любви.

Завтра утром позвоню Грише и поговорю с ним. Сердце ускоряется при мысли, что завтра я услышу его голос.

Утро началось рано. За окном настоящий ураган. Оконное стекло жалобно звенит от ветра. В квартире тепло. Я пью «три в одном» и смотрю во двор. От снега не осталось и следа. Вчера все было белым, прикрывая грязь улиц, а сегодня стало противным, серым месивом.

Мне страшно. Сколько бы я не храбрилась, меня пугает будущее. А что, если я правда не справлюсь?

Тетя Лера и Вика еще спят. Дядя Вася ушел на смену. Я слышала, как он тихо прошел по коридору. Звонить Грише пока не стоит. Вдруг он отсыпается после работы. Мне очень хочется снова прогулять университет, но я собираюсь заглянуть в библиотеку, а потом все-таки появиться на семинаре. Зачет у меня только после обеда. Воспользуюсь окном и съезжу в бар. Денежный вопрос лучше обсудить лично.

Мне неловко. Во-первых, мне трудно просить, а во-вторых, я чувствую, что обмен будет неравноценным. У меня совсем нет опыта работы. Теперь мои обстоятельства и мотивация резко изменились.

Я знаю, что мозг не любит никаких изменений, даже положительных. Любые изменения — нервное напряжение. Этим я объясняю себе волнение перед грядущим днем.

Мою кружку, протираю стол и иду переодеваться. Я заранее оставила вещи на стиральной машинке в ванной, чтобы лишний раз не заходить к Вике и не будить ее. Она спит, смешно приоткрыв рот. Полночи я пыталась отвоевать у нее одеяло, а потом бросила эту затею и спала под байковым в клетку.

Честно отсидев семинар по теории государства и права, и не умерев на задней парте от скуки, я иду на метро. Хорошо, что Гришин бар тоже в центре.

В метро душно и многолюдно несмотря на то, что час пик прошел. Пишу сообщение старосте и прошу ее поставить меня последней в очереди. Зачет я все равно завалю, так что нет смысла дергаться.

По дороге запоздало думаю, что стоило все-таки позвонить. Гриши может просто не оказаться на месте, или бар может быть просто закрыт. В таком случае я поцелую дверь и уйду, потратив деньги на проезд впустую.

Парадная дверь действительно закрыта, прохожу дальше в поисках служебного входа. Тяну железную дверь, и она поддается. Захожу внутрь и иду по темному коридору, минуя уборные и подсобные помещения. Внутри стоит абсолютная тишина. Я выхожу в зал и собираюсь громко спросить, есть ли здесь кто-нибудь. Не успеваю открыть рот, как натываюсь глазами на картину, от которой почему-то мучительно сжимается сердце — Ксюша целуется с Гришей.

Она сидит на высоком барном стуле, Гриша стоит между ее разведенных ног. Ксюшины руки шарят по широкой спине, сжимая ткань бежевой толстовки. Гриша упирается одной рукой в барную стойку, другой — зарылся в ее волосы, водопадом рассыпавшиеся по спине. Атмосфера вокруг пропитана похотью. Это не просто поцелуй, больше похоже на прелюдию.

Отступаю назад, но Гриша словно почувствовав мой взгляд, поднимает глаза. Чувствую себя застуканной на подсматривании. Черт, ну почему я не позвонила.

Гриша отрывается от Ксюшиных губ, выпрямляется и проводит рукой по волосам.

Похоже, он тоже смущен.

Ксюша медленно поворачивается и смеряет меня взглядом с головы до ног. Она красивая, но полный высокомерия взгляд лишает ее привлекательности. Это не может исправить ни вздернутый нос, ни выразительные глаза. На ней широкие шерстяные брюки и лавандовый свитер крупной вязки. Ей идет новый цвет волос.

— Прошу прощения. — стараюсь взять себя в руки. — Нужно было позвонить. Гриша, я хотела с тобой поговорить.

Ксюша продолжает смотреть на меня. Гриша выдыхает, словно собравшись с мыслями, и улыбается.

— Нестрашно. — он указывает рукой в мою сторону. — Это Вера — наш новый сотрудник, а это — моя девушка Ксюша.

Я киваю и делаю несколько шагов вперёд. Ксюша продолжает делать вид, что не знает меня.

Первый раз мы виделись мельком на улице. Она могла не запомнить меня, но второй раз мы провели пол дня на пикнике, отмечая Олин день рождения. Вика зачем-то взяла с собой меня. Мы с Олей никогда не были подругами, и я чувствовала себя очень неуместно.

У меня в телефоне даже есть даже фотография с того дня. Все, что мне переслала Вика, я удалила. Оставила только наше селфи. Нам по шестнадцать. Мы поймали первые отблески заката. Вика радостно смеется в объектив, сверкая брекетами, а я целую ее в щеку.

Закончив глазеть, Ксюша сухо приветствует меня. Спрыгивает с барного стула, забирает со стойки маленькую сумочку на цепочке и светлую, короткую дубленку.

— Поеду. — она целует Гришу в щеку и ласково гладит шею. Слегка оборачивается ко мне и равнодушно бросает. — Пока, новый сотрудник.

Молчу. Предельно странное поведение. Раньше она казалась мне обычной девчонкой, но теперь производит впечатление хищницы, защищающей свою территорию. Ксюша уходит через парадный, стуча каблуками.

В зале горит только красная неоновая подсветка над барной стойкой. Из-за серости за окном в баре довольно темно. Стулья подняты. На одном из столов разложены документы и лежит планшет.

Гриша заходит за барную стойку.

— Кофе будешь? — он ещё спрашивает, «три в одном» — вообще не моя история.

— С удовольствием. Капучино на кокосовом, если можно.

Я сажусь за стойку и наблюдаю за ловкими движениями. В них нет сомнения, только отточенная чёткость профессионала.

Пользуюсь моментом и рассматриваю Гришу. Кроме цвета глаз и светлых волос у него нет ничего общего с матерью. Телосложением Гриша, наверное, пошёл в отца. Меня всегда удивляло, как обычные с виду женщины, выходят замуж за красивых мужчин. Да так, что те считают себя счастливыми, отхватившими джекпот.

Гриша опускает передо мной чёрную чашку. На блюде лежит маленькая конфетка и чайная ложка с красивой ручкой. Кручу её в руках.

— Серебро. В Италии набор купил за копейки в маленькой антикварной лавке. — поясняет и садится рядом.

— Красиво. Ты любишь своё дело, да? — мы сидим так близко, что колени почти соприкасаются. Его лицо вблизи не разочаровывает: чистая кожа, белые ровные зубы. Ресницы светлые, почти незаметные.

— А смысл было все это начинать без любви. — он делает взмах рукой, очерчивая пространство.

— Ну люди же начинают. Женятся, потом детей рожают зачем-то. Врут друг другу, причинять боль, тратят время в пустую. — задумчиво бормочу и осекаюсь под его взглядом. — Лягнула не подумав, извини. — мне становится неловко. — Гриш, и прости, что без звонка пришла. Это было некрасиво.

Пробую кофе — ароматный, в меру крепкий. Идеально. Гриша тепло улыбается и на душе становится легче, стыд отпускает.

— Проехали. Что ты хотела обсудить? Кира что-то упустила, и у тебя остались вопросы?

— Кира — душка и Биг босс, она не могла ничего упустить. — не могу скрыть сарказм в голосе.

Гриша смеётся. Впервые встречаю человека, который так много улыбается. У него точно не было проблем ни с девушками, ни с друзьями.

— Она иногда включает «режим мегеры» — изображает пальцами кавычки, — но она правда отличный специалист. Кира урвала мне лучшего помощника на кухню. Организовала классную рекламу. Они с Ксюхой с детского сада дружат. Она за неё ручалась и не прогадала.

Я чувствую раздражение, и относится оно вовсе не к Кире. Я снова делаю глоток кофе и собираюсь с мыслями. Раньше я просила денег только у отца.

— Дело в том, что я теперь... как-бы это сказать. Короче, я ушла из дома. — брови Гриши ползут вверх. «Из-за твоей матери, между прочим, хочется добавить мне», — Я очень нуждаюсь в авансе. И да, я понимаю, как это выглядит, но я все отработаю. — хочется приложить руку к сердцу, чтобы убедить его в серьезности своего настроения.

Вчера обстоятельства изменились, и я правда верю в то, что говорю. Киру теперь послать не получится, но ничего, я переживу.

Гриша стучит пальцами по столешнице и смотрит на меня.

— Что-то вроде подросткового бунта? — в голосе веселье.

И это снова меня задевает.

— Мне восемнадцать, добрый вечер. — буркаю и бессмысленно верчу полупустую чашку.

— Конечно, извини. И где обитает взрослая, самостоятельная девушка?

— У подруги. Но это пока. — оправдание звучит по-детски.

— Я думаю, что выходить первый раз работать в разгар сессии — идея не очень. Я дам тебе небольшой аванс, и ты выйдешь работать на каникулах. — набираю в рот воздуха, чтобы возразить, но Гриша жестом останавливает меня и продолжает. — Я могу предложить тебе комнату и питание у моей бабушки. Платить не нужно. Будешь помогать ей по дому: ходить за продуктами, оплачивать коммуналку, прибирать иногда. В общем, все, что нужно. Как тебе предложение?

Я тру ладони о джинсы. С одной стороны мы хотели с Александровой снимать квартиру, а с другой — это призрачные планы. Аванса не хватит и на залог, и на квартплату. Стеснять тётю Леру и дядю Васю я долго не смогу. У меня пока еще есть совесть. А Гриша предлагает мне годный вариант.

— А что по срокам?

— Это как договоритесь. — он берет телефон и ключи со столешницы. — поехали.

— У меня через полтора часа зачёт. — поднимаюсь следом.

— Успеет, кошка, не бойся. — внутри приятно теплеет от нелепого обращения.

Впервые мужчина искренне заботится обо мне. Я не жду от Гриши подвоха. С каких пор я стала такой доверчивой?

У Гриши далеко не новая, но очень чистая ауди. В салоне едва ощутимо пахнет туалетной водой.

— Ты хоть убираться умеешь? — спрашивает, заводя двигатель.

— И даже готовить, представь. — пристегиваю ремень безопасности.

— Не хотел тебя обидеть. — он выезжает с парковки. — Просто цена твоей сумки противоречит образу.

— У родителей не всегда были деньги. А еще они пропадали на работе, поэтому я сначала научилась пользоваться газовой плитой, а потом сварила свой первый суп. Он был ужасный, из пакета.

— Твои кулинарные старания оценили?

— Мама плохо притворялась, что вкусно. А отец вылил его в раковину. — смотрю в окно. — Почему ты не найдёшь бабушке помощницу через агентство?

— Никто не выдерживает. — Гриша включает поворотник.

— А я, думаешь, справлюсь?

— У тебя вроде как нет выбора. Ты же решила вступить во взрослую жизнь: теперь вертись. — почему мне снова кажется, что он надо мной смеётся.

Мы паркуемся во дворе одного из спальных районов. Дом новый, пятиэтажный. Рядом есть аптека, пара магазинов, через дорогу парк. Тихий, уютный район. Шагая к подъезду, запоздало надеюсь, что это мать его отца, а не Нины Шлюховны.

Подъезд чистый, ещё намного пахнет краской.

Пока мы ждём лифт, проверяю сообщения. Пара от Вики, одно от Лебедева с приглашением в кино после зачета и пропущенный от мамы. Обещаю ей перезвонить. В ответ получаю: «Удачи, доча». Улыбаюсь. Поднимаю глаза и сталкиваюсь с Гришиным изучающим взглядом. «Не такой он белый и пушистый», — проносится в голове.

— Лифт подан. — Гриша пропускает меня вперёд.

Мы поднимаемся на третий этаж. Я вижу, что дверь квартиры распахнута, но из-за широкой спины не вижу хозяйку квартиры.

— Привет, бабуль.

— Здравствуй, Горя. — слышу довольно низкий голос.

Горя?

Гриша отходит в сторону, и я вижу её. Мать божья.

Я даже не знаю с чего начать описание. Она очень высокая, почти одного роста с Гришей, статная. Пепельные волосы убраны в замысловатую причёску. На ней лиловый костюм: широкие брюки и рубашка. На запястьях какое-то невероятное количество браслетов. Взгляд цепкий. Меня словно через рамку металлоискателя пропустили и заодно обыскали, вывернув карманы. Бабушка-прокурор.

— Знакомьтесь, это — Доротея Аркадьевна, а это — Вера.

— Здравствуйте. — она чинно кивает. — Красивое имя, сильное. Проходите, нечего на пороге топтаться.

Мы с Гришей разуваемся и снимаем верхнюю одежду под пристальным вниманием бабуся. Она не сводит с меня вытчетших глаз.

Гриша целует ее и извиняется за спонтанный приезд и отсутствие гостинцев.

Я, спросив разрешения, иду мыть руки. Задумчиво рассматриваю золотые краны и странную картину в кованной раме. Рисунок напоминает размазанное по тарелке оливье. Апокрифично, ничего не скажешь.

Вытираю руки кипенно-белым полотенцем и иду по длинному коридору на звук голосов. Надеюсь, у бабуся-прокурора есть моющий пылесос, в противном случае — боль в спине мне обеспечена.

Прежде чем зайти в гостиную, слышу низкий голос бабы Доры:

— Это твоя новая подружка? Я рада, что ты с той шаболдой расстался.

Смеюсь про себя, моя бабушка выразалась также.

— Ба, мы с Ксюшей вместе. Уже пять лет почти, ты прекрасно это знаешь. Не говори так про неё. Мне неприятно.

— Раз за пять лет не женился — значит не твоё это. — отрезает категорично.

Захожу в комнату. Светлое помещение с большим количеством зелёных растений, антикварная мебель, в углу стоит мольберт. Из современного здесь только огромный диван с вельветовой обивкой и большой телевизор.

Или бабуля — зажиточная старушка, или богат её сын. Теперь я точно знаю, что баба Дора — мать его отца. В коридоре висят фотографии. Я ошиблась, Гришин отец — обычный мужчина, среднего роста и телосложения. Никогда бы не подумала, что они родственники. Еще в коридоре висит фотография Доры с мужем и Гришин снимок, сделанный, когда ему было лет тринадцать. Он в футбольной форме и гольфах сидит с мячом на траве.

Дым в комнате стоит коромыслом, не спасает даже открытое окно. Гриша и бабуся сидят за деревянным столом. Между ними стоит массивная пепельница, и судя по запаху, в фарфоровых чашках кофе. Подведенные глаза бабуся моментально впиваются в меня. Хочется пригладить волосы и поправить на себе одежду. Не выдерживая её взгляда, я шагаю к столу и без приглашения занимаю место. Гриша наливает мне кофе.

— Значит независимости захотела? — бабуся смотрит на меня так же иронично, как Гриша в баре.

— Я в общих чертах обрисовал ситуацию, чтобы Доротея Аркадьевна понимала, с кем имеет дело. — поясняет Гриша.

— Я бы сказала, что захотелось свободы и возможности самой принимать решения. — бабуля фыркает. Всё-таки они похожи с внуком.

— Хорошо, что из богатой семьи, башку не снесёт, и не будет ничего тырить у меня.

Была тут одна. Даже пудру мою французскую прихватить пыталась.

— Хорошая пудра? — прячу улыбку в чашке.

— А то. — она ведёт длинными сухими пальцами по щеке. Как бы демонстрируя достоинства французской косметики.

— А с чего Вы решили, что я из богатой семьи?

— Я ж не слепая. — машет рукой. — У тебя волосы вон как блестят.

Удивила. Такого определения достатка я еще не встречала. Гриша делает затяжку и смотрит на меня из-под слегка опущенных ресниц. Неожиданно, я понимаю, что хочу быть центром его внимания. Жадное, не поддающееся контролю ощущение. С трудом перевожу взгляд на бабушку-следопыта.

— Доротея Аркадьевна, у меня через час зачет. Можете мне, пожалуйста, обрисовать все условия?

— Деловая. — она смотрит на внука и делает кивок в мою сторону. — Нужно покупать продукты, иногда готовить, на почту сходить, порядок поддерживать. Задания можешь выполнять по вечерам или на выходных. Я буду тебе на неделю план давать. Переезжать можешь ближайшие пару дней. Не сорить, мужиков не водить, после девяти вечера не шуметь. Я спать рано ложусь. — мне почему-то становится смешно. Глядя на неё, думаю, что старушка в свое время крутила романы налево и направо. Судя по фотографии, в молодости она была очень даже ничего.

— Продукты можешь заказывать онлайн. У бабушки есть отдельная карточка для этого.

— Горя! Это неприлично.

— Прошу прощения. У Доротеи Аркадьевны есть отдельная карточка.

— Так-то лучше. — она снова благосклонно кивает.

— А что с уборкой? — прибираться я, откровенно, не люблю.

— Уборка приезжает раз в неделю. — отвечает Дора. Мне хочется вздохнуть с облегчением. Спасибо, что существует клининг, и бабуся может его себе позволить. — Переезжать можешь, когда захочешь. Горя покажет тебе комнату.

Гриша тушит сигарету в пепельнице, и мы идём по коридору.

— Это твоя комната. — Гриша открывает передо мной дверь. — Здесь никто до тебя не жил. Пара помощниц испарялись, не успев переехать. Бабушка обычно не церемонилась. Она довольно придирчива, но ты ей понравилась.

— Значит, мне повезло. — подхожу к окну.

Вид открывается на большой парк. Весной будет красиво, но я не уверена, что смогу насладиться бушующей зеленью. Уж слишком все неопределенно. Раньше моя жизнь была простой и понятной, но я в ней ничего не решала. Просто шла по указанной мне дороге. Сейчас, я — сама себя хозяйка, но мое зыбкое завтра наполнено сомнениями.

Мне до сих пор не верится, что я решилась на кардинальные изменения. Непонятно, уживемся ли мы с Дорой Аркадьевной. Сдается мне, что бабуся еще даст мне оторваться.

— Белье можешь взять в шкафу. Когда планируешь переехать? — погрузившись в свои размышления, я не заметила, как Гриша подошел к окну и встал рядом со мной.

— Думаю ближайшие пару дней. Сдам зачет и примусь за дела.

Предупредив о своих планах Дору Аркадьевну, я прощаюсь. Гриша целует ее на прощание, и мы идем к машине.

Утренняя грязь покрылась ледяной коркой. Поднялся сильный ветер.

Гриша помогает мне сесть в машину. Одной рукой он придерживает дверь, а другой невесомо касается поясницы, страхуя от падения на скользкой улице. Ничего не значащий жест. Дань хорошему воспитанию. Но мое сердце на секунду замирает от восторга. Так бывает, когда несешься вниз с огромной горки. Дух захватывает от восторга. Даже через толстую ткань пальто я чувствую его прикосновение. Вспоминаю, как он целовал Ксюшу и завидую ей.

Гриша высаживает меня рядом с университетом за десять минут до начала зачета. Забираю сумку с заднего сидения и, попрощавшись, покидаю приятно пахнущий салон машины. На ходу пишу маме, во сколько примерно освобожусь, и захожу в новый корпус.

У окна стоит Лебедев.

— Маслова, почему на сообщения не отвечаешь? — он подстраивается под мой шаг.

— Потому что у меня нет желания по сто раз повторять одно и то же. Ты меня не интересуешь, Макс.

Он разворачивается ко мне лицом и идет спиной вперед.

— А кто тебя интересует. Этот тип на дерьмовой тачке, который тебя привез?

Смотрю ему в лицо. Макс злится. Вспыльчивость я заметила за ним еще в сентябре, как только мы пришли на учебу. На физкультуре он сцепился с каким-то старшекурсником. Их всей толпой друг от друга оттягивали. Уж не знаю, что они не поделили.

Он что в окно сидел сторожил, кто и на какой тачке меня привезет.

— Макс, ты сейчас грохнешься. — киваю на лестницу. — У тебя дел своих нет, что-ли, что ты в окно пялишься. Может у тебя еще бинокль есть?

Он резко хватается меня за плечи и сильно сжимает.

— Что тебе надо, а? Что ты мне нервы мотаешь, Маслова? — пытаюсь вырваться, но он вцепился намертво. — От меня все девки тащатся.

— Ну так иди к девкам своим. — сбрасываю его руки, когда он немного ослабляет хватку.

Лебедев отступает и потирает шею.

— Прости. Правда, прости. Меня просто иногда бесит твоя заносчивость. Идем, а то опоздаем. Декан нас сожрет.

Он берет меня за руку и тянет по направлению к аудиториям. Глупо будет выдергивать ее обратно, тем более что он извинился. Рука Макса большая и теплая.

Наши одноклассники уже стоят под кабинетом. Кто-то смотрит в телефон, кто-то пытается что-то повторить. Обстановка царит напряженная. Настя Усманова, сидит на подоконнике с бутылкой воды. Она смотрит на наши руки, а потом переводит взгляд на Макса. Черт, у меня и так отношения с одноклассниками прохладные, не хотелось бы усугублять еще и со старостой. Аккуратно освобождаю ладонь и убираю ее в карман толстовки.

— Вера, я тебя в последнюю десятку внесла, как ты и просила. — она спрыгивает с подоконника и идет к нам. — Привет, Макс. — улыбается и стреляет глазами. Делает это довольно искусно для восемнадцатилетней девчонки.

Время пролетает, на удивление, быстро. Алексей Петрович сегодня в хорошем расположении духа, и поэтому мне каким-то чудом достается четверка. Сказать что счастлива — ничего не сказать. Не зря переписывала чужой конспект. Чуть рука не отвалилась. Что-то да осталось в памяти.

Лебедев решил больше не наседать. После зачета он пошел с одноклассниками в боулинг рядом с университетом. Собирается почти вся группа. Меня уже пару месяцев перестали звать с собой все кроме Макса. Но сегодня и он оставляет меня в покое. Умный парень, за это я его уважаю.

Жду маму, размышляя над переездом. Я решила ничего не писать Вике, а поговорить с ней вечером. По дороге обязательно куплю фисташковых круассанов для Александровых. Надеюсь, кондитерская еще будет открыта.

Мама забирает меня у ворот университета. Время близится к ужину. Мы сидим в тихом ресторанчике, официант уже принес нам напитки. Наш столик расположен у окна с видом на набережную. Из-за отвратительной погоды она безлюдна.

Любуюсь мамой: текстурная укладка, костюм винного цвета, светло-коричневые тени, подчеркивающие оттенок глаз. Когда она улыбается — они похожи на теплый песок. Жаль, что последнее время это происходит слишком редко.

Мы так давно не проводили время вместе. Кажется, целую вечность.

— Как зачет? — мама изящно складывает ладони на столе.

— Четыре.

Мама улыбается, но глаза грустные. Отсутствуют мелкие морщинки, указывающие на искренность улыбки. Мне очень хочется открыто поговорить с ней обо всем, что накопилось за последние дни, но я не знаю, как подступиться. Боюсь ранить ее. Хотела бы я знать правду, будь я на ее месте?

— Умница. Доча, когда домой собираешься возвращаться? Ну поругались, с кем не бывает. Зачем сразу уходить.

— Я не вернусь, мам.

Мама смотрит недоуменно. Нам подают заказ. Мама вертит в руках вилку и после небольшой паузы продолжает:

— Я знаю, что последнее время много работала. Мы с тобой стали меньше проводить времени вместе. — в голосе проскальзывает вина. Я чувствую ком в горле, как будто проглотила теннисный мячик. Это же нормально. Все родители много работают. — Тебе тяжело. С Андреем всегда было непросто. Я тебя понимаю.

Мамина забота и доверительный тон делают свое дело. Я, наконец, решаюсь открыто сказать о том, что последнее время не дает мне покоя. Делаю вдох, как перед погружением в ледяную воду:

— Мам, ты знаешь, что отец тебе изменяет? — я допускаю фатальную ошибку. Ее плечи каменеют, взгляд становится колючим. Она оцетинилась и приготовилась защищаться, не понимая, что яне нападаю.

— Вера, при всем уважении, я не буду с тобой это обсуждать, — чеканит и комкает салфетку. — Это касается только меня и Андрея. — говорит совсем как отец.

Она знает. Не могу поверить. Я до последнего думала, что маме ничего не известно. Как давно она живет с этим? А главное: зачем?

— Мам, ты что совсем себя не уважаешь? — вырывается у меня от боли.

Она игнорирует мой вопрос, жестом позывает официанта. Взгляд застыл. Ее движения резкие и отрывистые. Глядя на нее, я хочу отмотать время назад и просто насладиться с ней вкусной едой и общением.

— Рассчитайте нас. — пока нам несут счет, я смотрю в тарелку на свой, едва начатый, салат. Мама совсем ничего не поела.

Она расплывается. Щеки красные, будто ей надавали пощечин.

— Мамуль. Мам, прости. — я пытаюсь схватить ее за руку.

— Если тебе понадобятся деньги или помощь, пиши мне. — говорит поднявшись, забирает клатч со стола и идет на выход.

Стук каблуков врзается в сознание. Я закрываю лицо ладонями и плачу. Зачем я полезла. Зачем ударила туда, где и так нет живого места.

К Александровым прихожу, когда на улице стемнело. Сердце ощущается инородным элементом в груди. К счастью, дома только Вика. Сейчас у меня нет сил разыгрывать беспечность.

Дядя Вася и тетя Лера поехали на закупку продуктов на неделю. Отдаю Вике коробочку с выпечкой и скрываюсь в ванной. От переживаний разболелась голова. День ощущается бесконечно долгим: смена лиц, мест, эмоций. Даже мысли о Грише померкли и стали неважными. Обнимаю себя за плечи и какое-то время сижу на краю ванной, собираясь с силами, чтобы принять душ.

Протираю запотевшее зеркало. Кожу лица стянуло. Собираясь в второпях, я забыла уходовую косметику. Любимую марку я еще очень долго не смогу себе позволить. Еще раз умываюсь холодной водой. Перед глазами снова встает мамино лицо. Хочется написать ей огромное сообщение, но сейчас это бесполезно. Ей нужно время. Мы обе привыкли проживать свою боль в одиночестве, как кошки, которые уходят умирать подальше от хозяев. Только теперь я поняла, что это вовсе не признак силы. Это — страх уязвимости.

Надев чистую футболку, я иду на кухню. Вика закаривает чай.

— Вер, — смотрит испуганно. — Что случилось? На тебе лица нет.

— У папы появилась любовница, я поэтому и ушла из дома. Еще я сегодня обидела маму. Я ненавижу юрфак. И вообще не понимаю, что делать со своей жизнью. Вик, я так устала. — сажусь на табуретку и прячу лицо в ладонях.

— Капец! Что ты сразу не сказала, что все так хреново. — Вика подходит ко мне и прижимает мою голову к животу. — Так бывает, Маслова. — говорит тихо. — Не плачь, все пройдет. Тетя Света тебя очень любит, Вер, я видела. Не плачь.

Я сама не заметила, как снова начала плакать. Я не говорю Вике, что любовница отца — мать Гриши. Это не имеет никакого значения. Бессмысленно искать виноватых. Все рухнуло. Мне жалко маму, и себя тоже жалко.

Когда я успокаиваюсь, мы молча пьем чай. Мне жаль, что я переезжаю из этого уютного мирка. В квартире Александровых царит безопасность и любовь.

— Я люблю тебя, Александрова. — сжимаю ее ладонь.

— А я сильнее. — Вика улыбается.

За пару дней до Нового года я сдаю сессию. После праздников меня ждут еще два экзамена. Я смогла получить только автомат по английскому и была отправлена на две пересдачи.

Мама вышла на связь. Мы обе, по негласной договоренности, не касаемся нашего последнего разговора. Между нами образовалась пропасть, через которую у меня не получается перепрыгнуть, сколько бы я не разбегалась. Наверное, она чувствует, что в глубине души я жалею и осуждаю ее. Убийственное сочетание для моей мамы.

Викуся спокойно приняла мой переезд, но удивилась решению Гриши поселить меня к бабушке в качестве помощницы. Мне кажется, что она еще не готова покидать родную квартиру. В перспективе мы обязательно проживем вместе, хотя бы один курс. Это — мой план.

Жизнь пошла своим чередом. Несмотря на оставшиеся пару экзаменов я решила выйти на работу сразу после Нового года. Деньги нужны позарез. Оказывается, я совсем не умею их правильно тратить. Пришлось начать записывать все расходы.

Отец не давал о себе знать. Это причиняло особую боль. В разлуке я поняла, что всегда хотела, чтобы он любил меня — Веру, не хватающую небеса звезд девчонку. Он все время пытался слепить из меня компьютерного персонажа, прокачать и поскорее закинуть на следующий уровень, но произошел сбой. Как там пишут в конце игры: «Game over». Я — заведомо проигравший игрок.

С Дорой мы до сих пор притираемся. Она смолит как паровоз, много рисует, ворчит, критикует мой внешний вид.

— Нет, ну что за мода пошла? Нацепили девки копыта и ходят довольные. — бубнит, разглядывая мои любимые Мартенсы.

Сегодня у меня первый свободный день за последние недели. Не нужно ничего зубрить и никуда бежать. Я проснулась около семи под орущую на весь дом оперу. Дора приобщалась к прекрасному. Мне очень хотелось выругаться. Накрыв голову подушкой, я попыталась подремать дальше, но куда там. Несмотря на то, что моя комната последняя по коридору, ощущение было, что орут мне прямо в ухо. Я не знаю, как дела у ее соседей, но у меня — не очень. Утро начинается не с кофе.

Дору я нахожу в гостиной. В черной шелковой пижаме, с сигаретой, свисающей на кончиках губ, она творит что-то напоминающее рисунок на ковре в советской спальне, который висел на стене в каждой семье. Виновник большинства детских травм. На столе неизменный кофе. Выключаю проигрыватель. Дора аккуратно кладет сигарету в выемку на пепельнице и спрашивает:

— Как спалось?

— Идеально, пока в доме вой не начался.

— Это у тебя нет вкуса. Ни в выборе гардероба, ни в музыке.

— Спасибо. — значит хоть мое мнение о этой мазне спрашивать не будет. — Вы завтракали, Доротея Аркадьевна?

Она мычит что-то невнятное и продолжает размахивать кистью. Я снова включаю проигрыватель, но значительно тише и иду готовить нам завтрак. Последний раз я заказала продукты на свой вкус. Бабуся не ест сахар и мучное, с остальным у нас проблем нет.

Параллельно готовке протираю два больших подоконника и поливаю цветы. Иду приводить себя в порядок. Я уже привыкла принимать душ, глядя на размазанное оливье. Золотые краны уже не кажутся полной безвкусицей.

Музыка в гостиной смолкает. Дора заглядывает на кухню и довольно осматривает стол. Я наливаю нам кофе и раскладываю омлет по тарелкам.

— Я оставила две квитанции на комод. Еще в аптеку нужно зайти и отправить посылку моей подруге в Саратов. — тут же представляю всю прелесть новогодних очередей. — И в парфюмерный зайти, у меня помада закончилась, и Надежде Викторовне духи в подарок нужно докупить.

Онлайн шопинг Дора почему-то упорно не признает. После завтрака убираю посуду. Запускаю робот-пылесос, ставлю стирку и ныряю в городскую суету.

Совершенно не знаю, где отмечать Новый год. К Александровым мне идти неловко, хоть Вика и приглашала. Они скорее всего соберутся всей семьей, а я буду лишней. И с Олей мы не очень близки. С одноклассниками мне не хочется отмечать, у нас ничего общего, про дом вообще молчу.

Думаю о Максе. Он перестал мне писать. Наверное, решил поискать более стоворчивую девчонку.

Вкусив всю предновогоднюю «радость» давков, очередей и ругани, обвешенная пакетами, возвращаюсь к Доре. В прихожей стоят мужские ботинки. Сердце радостно ускоряет свой бег. Разуваюсь, снимаю пальто и иду на звук голосов. Гриша и Дора едят вчерашний суп.

Бегло осматриваю бабуся. Она переделалась в синий вязаный костюм в стиле бохо. Взгляд почти сразу перемещается на Гришу. Я не видела его около двух недель. Он постригся. На нем простая чёрная толстовка и джинсы. Он закатал рукава, и я могу впервые рассмотреть его татуировку: сплетение планет и какая-то надпись на латыни.

Жадно рассматриваю его и не могу оторваться. Я часто думала о нем, разбирая перед сном все наши разговоры на атомы. Искала скрытые смыслы, которых не было.

— Всем привет!

Гриша вытирает рот салфеткой и пробегает по мне взглядом. Тут же жалею, что утром не потрудились даже подкрасить глаза.

— Привет, кошка. Классно готовишь.

На столе стоит супница, два вида хлеба, сметана и мясное ассорти. Не успеваю ответить, потому что Дора фыркает:

— Кошка! Буду звать тебя Мурка. — и продолжает стучать ложкой, уминая суп.

Закатываю глаза. Гриша смеётся.

— Я вам ёлку привез. Поможешь ба... то есть Доротее Аркадьевне ее нарядить?

На меня назатыкает воспоминание. Мы с родителями полетели в Прагу на Новый год, когда только въехали в загородный дом. Мне было четырнадцать лет. Моя первая заграница, первый аэропорт, первый полет на самолете. Вкус чуда парил в воздухе и оседал на языке. Пахло корицей и кардамоном. Это была великолепная поездка. Моменты, которые невозможно описать или сохранить в виде снимка. Можно только включить все органы чувств и надеяться, что сохранишь это мгновение в памяти навсегда. Родители так много работали, что в поездке им хотелось по-настоящему отдохнуть. Мы много и долго гуляли пешком, вкусно если, смотрели салюты. Даже молчать было хорошо. Родители не говорили о работе, словно поставили жизнь на маленькую паузу. Мы даже катались на коньках. И отец

тоже. Надо поискать снимки в ноутбуке с той поездки.

Мне снова хочется плакать от невозможности отмотать время назад и что-то исправить. Я никак не могу принять факт, что не все в жизни происходит так, как ты когда-то себе придумал. Почему взрослеть так болезненно.

Понимаю, что пауза затянулась.

— Конечно, с удовольствием. — поспешно отвечаю на заданный вопрос.

— А где Новый год планируешь отмечать? — спрашивает Гриша, глядя на меня. Господи, какие у него глаза — майская зелень.

Становится стыдно, что у меня до сих пор нет планов, как будто я никому не нужна. Не знаю, что ответить. Меня опережает Дора:

— Горя, не задавай дурацких вопросов. Здесь она отмечает. Со мной и моими девочками, — она щедро накладывает себе на черный кусочек хлеба мясную нарезку. — Вы же с отцом по кабакам празднуете.

Я испытываю облегчение и благодарность. Как хорошо. У меня будет ёлка, уют и компания семидесятилетних «девочек».

— Бабуль, не драматизируй. Мы отметим вместе Рождество, — Гриша подливает ей воду в высокий бокал.

Я иду варить кофе себе кофе и продолжаю прислушиваться к их разговору.

— Я буду праздновать с Ксюшей и друзьями, а папа — с Мариной. Ты терпеть не можешь ни одну, ни другую. Вспомни наши посиделки четыре года назад. Ты вела себя пассивно-агрессивно. Такой вариант самый лучший для всех.

— Не умничай, пассивно-агрессивно. — передразнивает Дора. — Набрался слов. Один нашел себе молодуху на двадцать лет младше, второй — прожжённую стерву, а я плясать от радости должна. Молодцы мои мальчишки.

Чем больше я узнаю Дору, тем сильнее сомневаюсь, что в свое время она была богемной художницей. Что за выражения. Но в душе я поддерживаю ее, несмотря на то, что мне нет дела до какой-то там Марины.

Значит Нина уже четыре года точно не вместе с Гришиным отцом. И сколько лет уже отец наставляет маме рога? Нина Шлюховна знает, что у него есть жена и дочь.

Беру кофе и собираюсь к себе.

— Вера, — я оборачиваюсь, нить разговора ускользнула от меня, — нечего кофе распивать. Кто меня по утрам отчитывает, что я не завтракаю и курю? Бери тарелку и садись, а то без супа останешься. Горя уже две тарелки слопал.

— И Доротея Аркадьевна не отставала. — Гриша подмигивает ей.

Сегодня тридцать первое. Как и предвещала Викуся, за окном нет ни малейшего намека на снег. Все улицы безобразно-серые. Крыши домов блестят от дождя. Рано утром по парку стелился туман. Я наблюдала за ним из окна спальни.

Полдня я ежу салаты, маринуую мясо, готовлю закуски. Ближе к вечеру я полирую бокалы с верхней полки. Стол мне сказано накрыть на пятерых. В духовке жарится курица, фоном идет легендарное кино. Дора не любит телевизор, поэтому мне пришлось задействовать свой ноутбук.

Ближе к вечеру она заставила меня нарядится в свое платье. Я уехала из родительского дома с небольшой сумкой и ничего нарядного у меня не нашлось. Все повседневные вещи Дора забраковала. Как оказалось, Новый год она очень любит и считает, что в чем попало его встречать не стоит. Доротея Аркадьевна очень высокая, поэтому ее платье мне длинновато, но в остальном — вполне неплохо. Я никогда не носила бархат. Чувствую себя дивой из старого французского фильма.

Глубоко в душе я надеюсь, что отец позвонит мне или хотя бы напишет. Ожидание угнетает. Мне страшно, что он позвонит, а я не найду что сказать. И еще страшнее, что он проигнорирует меня даже в Новый год.

Дора пьет шампанское и делает вид, что не смотрит кино. Она уже сдала макияж и сложила подарки под елку. Я накрываю в гостиной. Бегая длинным коридором, я, наверное, намотала несколько километров. В гостиной гордо стоит наша елка. На окнах гирлянды. Скоро придут «девочки». Мне очень интересно на них посмотреть. Здорово, что Дора с ее вздорным характером смогла сохранить теплые отношения со своими подругами. А иначе ведь нет смысла справлять праздник вместе?

Иду в свою комнату. Нужно позвонить маме и написать Вике.

Начинаю с простого и набираю сообщение, слова бегут прямо из души и складываются в строчки: *«Александрова, спасибо, что ты у меня есть. Пусть этот год принесет тебе любовь, счастье и все желания сбудутся, а наша дружба будет вечной. Люблю тебя».*

Следом набираю маме.

— Привет, доча. — отвечает почти сразу.

На заднем фоне смех и музыка. Скорее всего у них корпоратив или, может быть, какой-нибудь благотворительный вечер. Для родителей это время всегда было особенно-загруженным.

— Мам, с Наступающим. Я тебя очень сильно люблю.

— Я только собиралась позвонить тебе. И я тебя, доча. С праздником! — я облегченно выдыхаю. На место напряжения приходит облегчение и легкая эйфория. — Давай второго увидимся? У меня для тебя есть подарок.

— Конечно, мам. — хочу спросить про отца, но не решаюсь. Не стоит, не сейчас.

— Мне нужно бежать, я тебе место и время потом поточнее напишу. Люблю тебя, Вер.

— И я тебя. — отвечаю, но она уже сбросила звонок.

На экране поздравление от Вики с кучей сердечек и звездочек. Мы договорились с ней провести время завтра. Дора сказала, что дел не будет. Первого она пойдет в СПА и на маникюр. Уговаривала меня пойти с ней.

— Я заплачу, не бойся. Ну не прилично девушке так ходить. Лапы как у

птеродактиля. — выговаривала мне, пока я разбирала шкаф и приводила в порядок ее принадлежности для живописи.

Поправляю волосы. Давно я их не распускала. Рассматриваю себя в зеркало. Отражение мне нравится. Последнюю неделю я стала немного спокойнее, наладился сон и прошли головные боли. Работа у Доры физически не сложная и даже помогает разгрузить голову. Даже учеба перестала меня раздражать. Я принимала ее как неизбежную муку, но делала это спокойно. Тушу в комнате свет. Вижу в конце коридора вешалку, заваленную куртками. Значит гости уже здесь, а я даже не слышала. Захожу в зал.

Дора обменивается подарками с плотной, пожилой женщиной. Она едва достает Доре до плеча. На ней лимонный костюм и гладкая прическа. Другая, совсем старенькая бабуля, в фиолетовом классическом платье сидит на диване, сложив руки на коленях. Она похожа на веселого гномика. Модные у Доры подружки, даже у нас в институте студентки не носят таких интенсивных цветов.

У мольберта с очередным Дориным творением стоит, черт побери, Лебедев. Склонил голову на бок, он рассматривает белое полотно с зелеными кляксами.

Дора поворачивается ко мне и, включив режим радушной хозяйки, воркует:

— Деточка, знакомься, это — Надежда Викторовна, — я докупала ей парфюм в подарок пару дней назад, понятно. — А это ее сестра — Анна Петровна. — она указывает на бабулю в фиолетовом платье.

— Добрый вечер. Вера. Очень приятно. — здороваюсь, чувствуя на себе взгляд Лебедева.

— А это внук Надежды Викторовны — Максим.

— Мы знакомы. Это мой одноклассник. — перевожу взгляд на Макса. — Привет.

Макс кивает, в глазах плещется смех. Не знаю, что выражает мое лицо, но увиденное явно развеселило его. Он не выглядит удивленным.

«Девочки» заговорчески переглядываются.

— Давайте за стол. Максим, поухаживай за дамами.

Мое удивление сменяется раздражением, но после первого бокала шампанского я расслабляюсь. Перевожу взгляд на Макса. Он выглядит женихом — белая рубашка, черные брюки, волосы уложены. Ни привычных бейсболок, ни спортивных. Бабушка его как на смотрины нарядила.

После горячего мы делаем музыку погромче. Раскрасневшаяся Надежда Викторовна вспоминает что-то про знакомство с мужем. Как он ездил к ней в поселок по бездорожью за сорок километров.

Я иду в ванную застирать подол платья, пока все увлечены историей. На него попало немного соуса. Боюсь потом не отстирается. Не хочу портить Дорино платье.

Из общих воспоминаний, я поняла, что в свое время она тяжело работала на заводе по производству мыла. Думаю, сейчас она отводит душу йогой и красивыми нарядами.

У ванной меня нагоняет голос Лебедева:

— Маслова, выглядишь сногшибательно. Придешь так в универ после каникул? — он стоит в коридоре, убрав руки в карманы брюк.

— Конечно, Макс, сразу к Алевтине Ивановне на экзамен. Думаю, она оценит.

Макс ржёт. Кудрявая челка снова растрепалась, не желая лежать в укладке. Пряди образуют тугие пружинки. Он расстегнул верхние пуговицы рубашки. Максимум идёт классика. Он выглядит серьезнее и старше.

Я захожу в ванную и пытаюсь прикрыть дверь, но Лебедев ставит ногу и протискивается следом, как вредный кот.

— Макс, это неуместно. Выйди пожалуйста. — он прислоняет зад к стиральной машинке и продолжает рассматривать меня.

— Повезло мне сегодня. Наверное, весь год хорошо себя вёл. — рассуждает вслух, игнорируя мою просьбу.

— Особенно, когда член мне в записке рисовал или на физкультуре лапоть пытался. — делаю задумчивый вид. — А может, когда, якобы случайно, в раздевалку зашел, когда я в одном лифчике стояла?

— Тупанул, с кем не бывает, — он разводит руками без тени сожаления на лице. — в бою все средства хороши.

Я поворачивать к раковине и пытаюсь застирать подол, несмотря на длину платья, сделать это, не оголив ног, не получится. Черт с ним, пойду переоденусь в джинсы, а на пятно нанесу пятновыводитель.

Собираюсь выйти, но Макс преграждает мне дорогу.

— Что ты здесь делаешь, Маслова? Это ведь не твоя бабушка, хотя ты такая же вредная. — он медленно скользит взглядом по лицу, а потом осторожно убирает прядь волос мне за ухо.

— Я работаю здесь. И живу. — голос звучит тише обычного. — Решила начать взрослую жизнь и переехала от родителей.

— Могу помочь начать взрослую жизнь. — Макс смотрит на мои губы и приближает лицо.

Между нами остаются считанные миллиметры. Я инстинктивно отворачиваюсь, и Макс мажет по щеке губами.

— Я же говорю — вредина. — он криво улыбается.

Чтобы избежать неловкости, я меняю тему:

— Я думала, ты с друзьями празднуешь. Ты не похож на того, кто провожает год в кругу бабушек.

— Так я и праздную с друзьями, но после двенадцати. Логунов VIP-зону в «Мяте» забронировал.

Я вопросительно поднимаю брови: «Мол, и что ты здесь делаешь?» Макс продолжает:

— Меня позвали скрасить общество «милой деточки», а я не могу отказать своей бабушке.

Нет, ну что Дора себе позволяет. Что значит скрасить? Тоже мне, сваха нашлась. Я собиралась расслабиться, посмотреть салют и в час пойти спать.

Лебедев снова немного наклоняется ко мне, но теперь держит дистанцию. В глазах нежная насмешливость.

— Но теперь я, пожалуй, задержусь. — щелкает меня по косу.

Пока я соображаю, что ответить. Он берет меня за руку и тянет за собой.

— Идём, Новый год скоро. Даже не знаю, что теперь загадать.

Лебедев, я и Анна Петровна сжигаем желание под бой курантов. Дора и Надежда Викторовна игнорируют традицию. Мы пьем шампанское и поднимаемся на крышу смотреть салют.

Несмотря на то, что дом невысокий, вид открывается отличный. На крыше помимо нас ещё жильцы из нескольких квартир. Большинство, скорее всего, отдыхает в центре. Смотрю на ярко освещено небо и снова загадываю тоже самое, что написала на клочке бумаги — *«Любовь и статья певицей»*

Ещё неделю назад я подумать не могла, что буду отмечать Новый год в кругу едва знакомых людей. Жизнь непредсказуема. У нее всегда свои планы на тебя.

Внутри немного царапает, потому что папа так и не написал мне. Я не простила его. Рядом с болью поселилась вина — самое отвратительное и разрушительное чувство.

Смотрю на яркие вспышки. Дора с подругами стоят прямо у перил. Анна Петровна в белой шубке выглядит крошкой на их фоне.

Мы с Лебедевым стоим на небольшом выступе чуть подальше от всех. Поворачиваю голову и замираю, налетев на его взгляд, как на стену. В его глазах искорки восторга, тепла и тоски.

Я никогда не видела его таким. Искренним. Он всегда казался мне поверхностным мальчишкой.

Он что-то говорит, но я не слышу из-за свиста салюта. Смотрю, как шевелятся его губы, и у меня сжимается сердце. Мне кажется, на то и был расчёт, что я не разберу ни слова.

На улице ветрено и сыро. Больше напоминает позднюю осень чем зиму. В платье и пальто я быстро начинаю мёрзнуть. Словно прочитав мои мысли, Макс без спроса притягивает меня к себе. Я теряюсь. Мне не хочется вырваться и портить момент. Решаю не думать и наслаждаться разноцветными всполохами.

От Лебедева исходит тепло. Макс не курит, от него не пахнет табаком. Его руки обвивают мои плечи. Он касается меня так медленно и осторожно, как будто я — ядовитое растение. Его дыхание щекочет ухо. Гриша пахнет иначе. Он старше и опытнее. Он — мужчина, а Макс — задиристый мальчишка.

Зачем я их сравниваю? Значение имеет только то, что я чувствую. Голос разума здесь бессилён.

За секунду до того, как салют заканчивается, я отстраняюсь. Очарование момента исчезло.

— Поехали в «Мяту», Маслова?

— Хорошие девочки по клубам не шлятся. — я отстраняюсь.

Он смеётся. Искренне. Возвращаясь к себе прежнему.

— Вот бабушка тебя не слышит, сейчас бы она тобой гордилась. Она также обычно говорит.

Нас прерывает Дора:

— Идем в квартиру. Хватит на холоде стоять.

Макс никуда не уехал.

Они собрались в третьем часу, когда Надежда Викторовна начала откровенно клевать носом. Такси пришлось ждать очень долго. Новый год, все-таки. Макс выпил и не мог

развезти дам по домам.

Эта ночь изменила моё видение. Оказывается, я как и другие, очень люблю навешивать ярлыки. Дора пошла снимать макияж, а я занялась уборкой со стола. Запустила посудомоечную машину, переложила салаты в контейнеры и открыла окна на проветривание.

Сон прошёл. Я сама не заметила, как начала напевать.

— А Магомаева[1] сможешь? — в проходе стоит Дора.

Она переделалась в шелковую пижаму и заплела косу на ночь.

— Почему нет?

Она садится за чистый стол и закуривает. Я становлюсь напротив, оперевшись на спинку стула, прикрываю глаза и начинаю петь. Это напоминает процесс эксгумации. Я откапываю свою мечту, погребенную на самом дне души. Я не просто пою. Я проживаю маленькую жизнь. Душа воскресает и парит отдельно от тела. Не существует забот, суеты, людей, мыслей. Нет ничего кроме истории, которую я пытаюсь прожить в эту секунду. Исполняю первый куплет и припев, а потом замолкаю.

Пульс стучит в голове. Дыхание сбилось. Мне не сразу хватает смелости открыть глаза.

Дора стала моим первым, настоящим слушателем. Все ее внимание принадлежало мне. Пусть это и длилось всего лишь мгновенье. Я открываю глаза и смотрю на Дору. Она отложила сигарету. В глазах стоят слезы.

— Мой покойный муж очень любил эту песню. — отворачивается к окну. — И этот праздник очень любил, поэтому я всегда его праздную. Жалко, что он не дожил до момента, когда почти все можно купить в магазине. Не нужно стоять в очередях. Не увидел, как Сашка взлетел, построив бизнес своим трудом и упорством. Он совсем не похож на отца. Федор был мягким человеком. Иногда мне страшно его не хватает.

Я молчу. Не знаю, что сказать. Сейчас Дора окунается в свое прошлое, снова мимолетно проживает счастливые моменты. Наши близкие с нами, пока мы помним о них. Так ведь говорят?

Я вижу, как она ежится от холода, и встаю закрыть окно. Мне хочется погладить ее руку, но я боюсь сломать этот хрупкий мостик в прошлое.

— Ступай спать. Меня завтра не буди. Буду отдыхать, а потом в салон поеду. — говорит Дора, будто вспомнив о моем присутствии.

— Спокойной ночи, Доротея Аркадьевна.

Долго кручусь в постели. Не могу уснуть. Около пяти приходит сообщение от Лебедева:

«Это был лучший вечер за последние годы. Теперь ты от меня не отмажешься, Маслова. Как встретишь Новый год, так его и проведешь. Правда же?»

И еще одно от лаконичное от Гриши: *«С Новым годом, кошка.»* Доставлено вчера в десять вечера.

[1] Муслим Магомедович Магомаев — народный артист СССР, эстрадный и оперный певец.

Сегодня мой первый рабочий день и это — полный отстой.

День начался неплохо. Утром я сдала свой первый «хвост». Я была единственным человеком на пересдаче. Андрей Петрович, не отошедший от новогодних праздников, так торопился, что махнул рукой и поставил мне тройку. Я была не против. Сдала, и слава Богу.

Потом я поехала в банк по поручению Доры, следом на работу. Когда я подходила к бару, у меня крутило живот от волнения. Во-первых, сейчас я увижу Гришу. Мне кажется, что мы не виделись целую вечность. Его отец улетел в командировку, и празднование Рождества было решено перенести. Дора страшно обиделась. Я слышала, как она выговаривала сыну по телефону:

— Саша, нельзя перенести празднование Рождества на другой день, потому что потом будет другая дата. Это уже не Рождество. Подумай головой. Это традиция. — она делает паузу, видимо слушает сына. — Я все, конечно, понимаю, но я страшно зла на тебя. Не звони мне пока, если не хочешь услышать все, что я думаю про твою работу и Марину. Сама позвоню.

А во-вторых, мне нужна работа. Сама мысль, что мне придется вернуться домой, претит мне. Мои наличные почти закончились. Оказывается, очень сложно покупать подарки, когда твоему бюджету плевать на твои запросы.

Я скучаю по своей уходовой косметике и походам на массаж. Сейчас мои верные друзья — маска из глины и пятнадцатиминутная растяжка перед сном. Дора не жадничает, но для ее ухода мне пока рановато.

Гриши сегодня нет на месте. Я испытываю болезненное разочарование. Кира главенствует на работе и получает колоссальное удовольствие. Это видно невооруженным глазом. То, как она заставляет бармена заново отполировать и без того чистую столешницу. Или отчитывает рыжеволосую девочку за синюю тушь.

Выглядит Кира великолепно, это трудно не признать. Черные брюки, красная блузка интересного пошива, волосы собраны в высокий хвост. Ее портит только выражение лица. Она явно не любит эту смену. О каком только профессионализме говорит Гриша.

Сначала она минут тридцать гоняет меня по меню и карте напитков, потом представляет сегодняшней смене. Сегодня будний день, поэтому состав немного меньше обычного.

Спустя два часа у меня отваливаются ноги и спина. Кира чуть ли не дышит мне в затылок при любом удобном случае. Я несколько раз путаюсь в кассе, ввожу не те блюда и напитки. Кира демонстративно закатывает глаза и вырывает чеки у меня из рук. Спустя еще час ко мне клеится какой-то мутный тип, пока его девушка отходит в дамскую комнату.

— Будешь задницей перед гостями крутить — уволю. — шипит Кира, когда я подхожу к барной стойке забрать заказ.

Приехали. Вообще дура, что ли.

— Кира, не знаю как Вас по батюшке, Вы сейчас свои желания на меня проецируете? — кладу поднос на комод рядом с кассой.

Аня, получившая за синюю тушь, кривит губы, сдерживая улыбку.

— Не хаами. — Кира скрывается на кухне.

— Вера, ты чего нарываешься? — спрашивает Паша, наливая апероль для моего

столика.

Молчу. Умный нашелся, ему бы сказали, что он задницей перед гостями крутит. Приятно бы ему было.

Я очень хочу есть, в душ и вытянуть ноги. До конца смены остается пара часов, когда случается полная хрень. Я проливаю двойной виски на штаны мужчине средних лет. Он весь вечер пытался произвести впечатление на свою спутницу, в надежде уехать вместе с ней из бара. Пока она фотографировала свой салат, он заглядывал ей в декольте, а потом чуть ли не перед носом у нее тряс своими часами. Моя неловкость неслабо ударила по его самолюбию, поэтому он стал орать на меня на весь зал. Не особо задумываясь, какие высказывания использует.

На крик тут же примчалась Кира. Аня смотрит с сочувствием. Зал, как на зло, заполнен. Даже за барной стойкой яблоку негде упасть.

«Как хорошо, что Гриша не видит моего позора», — первое, что приходит на ум. Вытираю мокрые от виски ладони о фартук и вижу, что Гриша стоит в дверях, ведущих на кухню, и наблюдает за происходящим, сложив на груди руки.

Прикрываю глаза, чтобы на секунду отгородиться от происходящего. Единственное, что я слышу в этот момент из потока отборной брани — «тварь косорукая».

Я бы, наверное, расплакалась, если бы не прожила до восемнадцати лет с отцом. Он мог одним взглядом выразить весь спектр презрения и разочарования. Мне почти никогда не удавалось отстоять себя.

«Я достойна хорошего обращения», — твержу про себя как мантру несколько раз. Это помогает, желание заплакать сменяется злостью.

Немного наклоняюсь вперед и концентрируюсь на переносице орущего мужика:

— Я бы извинилась и покрыла Ваш ужин, потому что это называется — нести ответственность за свои поступки. Мне было бы очень стыдно за то, что я пролила на Вас напиток. Но Вы позволяете себе слишком много. И эта девушка, — указываю пальцем на шатенку напротив, — с самого начала никуда не собиралась с Вами ехать, потому что жрала за троих, и мокрые брюки здесь ни при чем. Если бы Вы ей правда понравились, то она бы строила из себя фею и жевала одну рукколу.

Лицо девушки вытягивается. Мужик вращает глазами, соображая, что я только что сказала. Это не так просто, потому что выпил он изрядно.

Перевожу взгляд туда, где стоял Гриша. Его уже нет.

Кира впивается мне в плечо и шипит, как гадюка:

— Пошла вон из зала.

Стремительно разворачиваюсь, прохожу мимо Паши, делающего вид, что он вообще ничего не видел, и иду через кухню в сторону раздевалки. Можно пройти через коридор, ведущий к уборным, но я не хочу столкнуться с кем-то из посетителей бара.

Кухня живёт своей жизнью. Слышен звон посуды и стук ножей о доски. Пахнет жареным мясом и свежей петрушкой. На меня никто не обращает внимания.

Я не знаю, что именно подразумевается под «вон из зала», поэтому беру пальто и выхожу на улицу. Лицо горит. Мне нужен глоток свежего воздуха. Нужно собраться с мыслями, потому что сейчас на меня обрушится лавина Кирино гнева.

Хлопаю дверью заднего выхода. Делаю жадный вдох. Моросит мелкий дождик. Запахиваю пальто и вижу Гришу.

Он курит и разговаривает по телефону, прохаживаясь чуть поодаль. Сигаретный дым

вьется в свете фонаря, вздымается вверх и бесследно исчезает. Гриша видит меня и через пару минут заканчивает разговор. Убирает мобильный в карман расстегнутой куртки и подходит ко мне.

— Вера, если ты хочешь здесь работать, — начинает без предисловий, игнорируя приветствие, — тебе придётся научиться взаимодействовать с людьми.

Гриша делает затыжку и выпускает дым в сторону.

— Я хочу здесь работать, но оскорбления терпеть не буду. — даже я сама слышу в своём голосе обиду.

— Ты не совсем понимаешь, — он смотрит на меня, как на неразумного ребёнка, — с людьми работать непросто. Они платят деньги и взамен хотят получить качественный сервис. Я понимаю, ты до этого нигде не работала, но теперь придётся брать ответственность за свои поступки. Придется учиться быть взрослой. — сверлит взглядом моё лицо.

Почему-то на ум приходит, что Лебедев бы сначала дал этому хаму в морду, а потом уже выяснял дальнейшие обстоятельства.

— Григорий Александрович, это Вы не понимаете. Наличие денег не даёт права хамить. И отсутствие у меня рабочего опыта ничего общего с ответственностью не имеет. Я буду усердно работать. Я готова оплатить ужин этого мудака, но работать я буду в уважительной обстановке. Мне хватает моральных поджопников от Киры. От пьяного гостя я их терпеть не буду. Давайте решим на месте: если Вам это не подходит — я буду искать другое место.

Стараюсь говорить уверенно. Хочу, чтобы Гриша видел во мне больше, чем пустую девчонку, не знающую цену деньгам.

Ещё я ужасно не хочу перемен. Моя жизнь только начала устаканиваться. Для перемен нужны силы и душевные ресурсы, которых у меня на данный момент нет.

Мне нужно отработать аванс, и оплата ужина этого мужика поставит мой бюджет на колени. Что он вообще забыл в этом баре? На любителя техно не похож. Основная публика не пытается производить впечатление или найти кого-то для секса на одну ночь.

Но мне повезло, за один вечер напороться на двух дегенератов — это успех.

Напряжённо жду ответа от Гриши.

Он молчит и улыбается, становясь таким, как в первый день, демонстрируя ямочку на щеке.

— Знаешь, почему бабушка прониклась к тебе симпатией с первой встречи? — он бросает окурок на землю и притаптыкает ботинком. — Она сказала, что ты не пытаешься понравиться. И это правда. Кире скажу, чтобы не давила, но ты её слушаешь. Она — профи, все решит с этим посетителем. Если придёт ещё раз — ты ему глаза не мозолишь, поняла?

Я киваю. Ветер треплет, выпавшие из пучка, пряди.

— Снова перейдём на ты?

— Мне правда жаль. — говорю серьёзно. — Я научусь работать до того, как начнется учёба.

— Научишься. У тебя руки с того места растут. Я видел. Идем внутрь.

Свет фонаря создаёт причудливые тени на лице Гриши. Мне хочется обнять его за талию, спрятав руки под полами его куртки. Еще так сильно хочется прикоснуться к его щеке, как это делала Ксюша, что колет кончики пальцев.

Это заложено в нас природой и не зависит от опыта. Мы хотим трогать, ощущать, вдыхать запах тех, к кому нас влечёт.

Как можно быть таким притягательным и одновременно хорошим? Обычно хорошие парни не нравятся. Они как остывший кофе. Им всегда чего-то не хватает: уверенности, ласковой насмешливости, наглости.

— Идем. Я замёрзла.

Первое, что я чувствую, открыв глаза — боль в мышцах. Никакие силовые тренировки не сравнятся с тасканием тяжелых подносов. Спасибо в баре только один этаж, лестницу я бы не пережила.

Гриша не стал списывать с меня деньги в счет оплаты ужина скандального посетителя. Я искренне ему за это благодарна. Счет был не маленький. Фея ни в чем себе не отказывала, а мужик налегал на виски. Когда мы вернулись в зал их уже не было, столик сиял чистотой.

Не знаю, что Гриша сказал Кире, но остаток вечера она меня игнорировала. Паша ушел раньше. Мы с Аней пересчитали выручку. Она показала мне все, что нужно сделать в конце смены: помыть кофемашину, поднять стулья, выключить кассовый аппарат.

Она оказалась очень приятной девчонкой. Аня — студентка второго курса факультета искусствования. В столицу она не смогла поступить, и теперь мечтает после учебы найти там работу по специальности. Пока мы прибирали, она с такой страстью рассказывала о своей учебе, что мне стало немного грустно.

Потягиваюсь и переворачиваюсь на бок. Настенные часы показывают девять утра. Тянусь за телефоном. Сообщение от Вики с просьбой перезвонить. Надеюсь, она не на экзамене. Слушаю гудки.

— Викусь, привет. Не разбудила? — мой голос хрипит со сна.

— Привет, Маслова. Нет, я зубрю сию с шести утра. У меня сегодня в час экзамен у Эллы. Живот от страха болит, жуть.

— Ты же весь семестр впахивала. Ты все сдашь, не переживай. — сажусь на кровати и зеваю.

— Держи за меня кулаки. Я что хотела, вчера твой отец к нам приезжал. Я уже не стала тебя в твой первый рабочий день тревожить.

В груди оживает неприятный сгусток и начинает ворочаться. Прошел ровно месяц, как мы ничего не слышали друг о друге. После Нового года я его малодушно заблокировала. С мамой мы говорили обо всем кроме семейных дел. Она обозначила мне границы дозволенного, и я обязана их соблюдать. Видимо, пришло время, вернуться к этой ситуации и решить, что делать дальше. За мою учебу платит отец, таких денег мне не заработать и на десяти работах.

— Что он хотел? — замираю в ожидании ответа.

— Он думал, ты живешь у нас. Как я поняла, приехал к тебе. — Вика молчит, как будто собираясь с духом. — Я не сказала ему где ты. Раз он не знает, значит, ты не посчитала нужным ему об этом сообщить. Я не стала вмешиваться.

— Он не хамил тебе?

— Нет, мне показалось, что он немного растерялся. Суровый он, конечно, мужик. Мне пришлось собрать всю волю в кулак, чтобы отказать. Сыкотно было, ужас.

— Спасибо, что сообщила, Викусь. Ни пуха тебе сегодня.

— К черту. Целую.

Смотрю в окно. Ветер беспощадно треплет лысые деревья. Надеваю тапочки. Прислушиваюсь. В квартире тишина. Ни орущей оперы, ни грохота в ванной. Хожу по комнате туда-сюда, рискуя протереть дыру в ковре.

Делаю вдох и набираю номер отца. Абонент недоступен. Звоню в приемную.

— Здравствуйте, Елена Алексеевна. Это Вера, Андрей Юрьевич на месте? У него мобильный отключён.

— Добрый день! Он на совещании, я передам, что Вы звонили.

— Спасибо.

Я чувствую разочарование. Как будто собиралась прокатиться на самом страшном аттракционе, а мне сказали, что парк закрыт. Внутри ожила надежда.

Доры нет дома. На столе пепельница полная окурков. Наверное, на йогу ушла.

В полной тишине занимаюсь домашними делами. Размышляю, что приготовить в эту субботу. Дора смилостивилась и решила отпраздновать со «своими мальчиками» Старый Новый год. Я, как житель этой квартиры, тоже приглашена. Впереди еще достаточно времени, а я уже предвкушаю вечер в обществе Гриши.

Звонок от отца застаёт меня за гладкой Дориной блузы. Я так сконцентрирована на проглаживании широких рукавов со множеством складок, что вздрагиваю от звонка. Отключаю утюг и принимаю вызов.

— Алло. — на том конце повисает тишина. Я тоже молчу.

— Где ты сейчас живёшь? — первое, что спрашивает отец, нарушив тишину.

— Хорошо было бы начать с приветствия. Здравствуй, папа. — обращение звучит издевательски.

Обида — слишком сильное чувство. Стоило мне услышать его голос, как она ожила во мне, став еще сильнее. Я мысленно возвращаюсь в пустой дом, вспоминая, что отец предал нас.

— Здравствуй, Вера. — отец отзеркаливает мою интонацию. — Где ты сейчас живёшь? Я надеюсь, не у одного из своих прыщавых одноклассников.

Ну это уже вообще ни в какие ворота не лезет.

— Меня удивляет, как ты вообще умудряешься вести переговоры с людьми, если диалог с собственной дочерью ты начинаешь с хамства. А ты, папа, у своей пухлой цветочницы живёшь?

— Вера! — рявкает отец. — Не борзей.

— Я живу, где надо, и работаю. Не сдохла. Койка есть, жрать тоже не хочу. Сыта твоим враньем на годы вперёд. Благодарю.

— У тебя есть два часа, чтобы вернуться домой.

— А то что? Что ты мне сделаешь? Денег лишишь. В этом мире есть нечто более ценное, чем деньги. Любовь к своему ребёнку, например.

— Ты сама сначала хоть копейку заработай.

— Спасибо за совет. — смотрю на свою руку на фоне полосатого чехла гладильной доски. Она дрожит. — Я не вернусь, делай что хочешь. — «мне некуда», добавляю про себя.

Сбрасываю вызов. Ну почему каждый раз я на что-то надеюсь. По душе словно грязными сапогами протоптались, харкнув под ноги.

Опускаюсь на пол. Нет сил не то, что продолжать работу, даже стоять.

Ещё нет двенадцати, а день безвозвратно испорчен. Долго стою под душем, тупо разглядывая выкрашенный в золотой цвет кран. Загружаю новую порцию стирки, вещи из сушки аккуратно складываю. Дорины вещи стопками складываю в корзину и оставляю на комод в зале. Отмываю кисти и палитру. На душе пусто. Когда режу салат, слегка задеваю палец, а потом долго рыдаю над крохотным порезом.

Когда возвращается Дора, я успеваю окончательно успокоиться и выпить чашку кофе.

Выглядываю из кухни:

— Здравствуйте, Доротея Аркадьевна.

На ней широкополая шляпа и красное пальто. Дора снимает перчатки и кивком приветствует меня. Она в благодушном настроении. Об этом говорят плавные движения и спокойствие во взгляде. Она кладет шляпу на маленький столик рядом с ключами и садится на пуф снять сапоги.

— Обедать будете?

— А что на обед? — она поднимает голову.

— Суп с чечевицей на курином бульоне, могу пасту с грибами сделать.

— Давай суп. В гостиной для нас накрой.

Я уже заметила ее любовь к первым блюдам. Беру красивую супницу, делаю тосты, нарезаю овощи и перекладываю сметану в маленькую пиалу. Сервирую стол в гостиной. Прибавляю отопление.

Дора садится за стол. Я наливаю суп.

— На йогу ходили или гулять?

— Маникюр освежить ходила, — она демонстрирует мне сухую ладонь с нежно-голубым маникюром. — Хорошо эта девочка ногти делает, но болтает без умолку, всю плешь мне тупыми вопросами проела.

Если старость — то только такую. Активную, в гармонии с собой и своими желаниями. Дора не жалуется на болезни, в квартире нет старческого запаха, она любит себя.

Когда я смотрю на некоторых пенсионеров, у меня сжимается сердце. Может быть, сын и внук лично так не часто присутствуют в ее жизни, но они берегут ее всеми силами.

— А потом мы с Надеждой Викторовной на аквааэробику ходили. — продолжает Дора. — Говорит, Максим ее про тебя расспрашивал. — делает большие глаза.

Молчу. Высказать ей за приглашение Лебедева на Новый год, мне не хватило совести. Это же ее дом. Имеет право приглашать кого хочет. Надеюсь, моё молчание затушит пожар ее энтузиазма, и Дора перестанет играть в Гузееву [2]. Но она и не думает останавливаться. Понятно, намёки мы не считываем.

— Он тебе нравится? — давлюсь супом.

— Доротея Аркадьевна, такие вопросы бестактны.

— Ой, нежная какая. Что такого? Втюрился парень — это невооруженным глазом было видно, сколько бы ты от него не шарахалась. Зря отмалчиваешься, — она задумчиво жуёт огурец, — хороший мальчишка. Есть в нем правильная, мужская ярость. Не даст по жизни на себе ездить. И ум с добротой есть. Далеко пойдет.

— Давайте не будем это обсуждать. Я не хочу. — тянусь за перечницей.

— А что ты хочешь обсудить? Гришку моего? Так он со своей стервой уже пять лет вместе. — она сводит брови. — Бесплезно на него глаза пялить. О себе думать нужно.

Господи, да они сговорились все сегодня что ли! Что за день. Давайте, Доротея Аркадьевна, бейте по больному. Да здравствует, Ваша наблюдательность.

Чувствую, как горят щеки. Перед глазами встаёт картина, которую я часто гоню от себя перед сном: Гриша сжимает Ксюшино бедро, комкая ткань серых брюк, и так страстно целует ее, будто хочет поглотить целиком. В моем воображении Ксюша стонет ему в губы, и он стягивает с нее свитер. Это зрелище ещё неприятнее, чем поцелуй отца с Ниной Шлюховной.

Почему я недостойна любви? Почему со мной все не так? Я тоже хочу знать, каково это

— отпустить контроль и наслаждаться жадными прикосновениями, хватая ртом запах любимого парня.

В реальность меня возвращает стук ногтей по столу. Дора откинулась на спинку стула и изучает меня взглядом. Мне без разницы, что ее сподвигло на этот разговор. Фокусируюсь на ней взглядом.

— Доротея Аркадьевна, когда я въехала сюда, Вы попросили меня не входить в Вашу спальню, так как это — Ваше личное пространство. И я отнеслась к этому с уважением. У меня даже мысли не было, заглядывать туда. — мне не просто говорить взрослому человеку подобное, но учиться отстаивать себя придётся. — А это — мое личное.

Суп остыл. Аппетит пропал. По лицу вижу, что она не согласна. Ей хочется продолжить, но она сдерживает порыв.

Вечером я долго брожу по району. Не помогают ни музыка, ни подкасты. Когда начинается дождь, я возвращаюсь в квартиру. Заказываю продукты, оплачиваю несколько счетов, затем прибираю в ванной, чтобы занять себя. Дора рисует и отказывается от ужина.

Перед сном приходит сообщение от отца: *«Оплату за следующий семестр я внёс. Надеюсь, у тебя хватит ума продолжить учёбу, чтобы через десять лет не драить полы за копейки.»*

[2] Лариса Андреевна Гузеева — советская и российская актриса, телеведущая, заслуженная артистка РФ.

Сегодня мой третий рабочий день. Чувствую себя значительно увереннее. Работаю с другой сменой — любимцами Киры. Мне не понять, почему Ане нельзя наносить синюю тушь, а Лесе работать с синими волосами, пожалуйста. Я не имею ничего против. Ей очень даже идет, и в концепцию бара вписывается, но на кой черт было Аню доставать? Уж не знаю, чем она Кире не угодила.

За баром парень, имя которого я забыла. Он болтает без умолку при любой возможности.

Сегодня я впервые вижу Гришу за работой. Если до этого он появлялся в ресторане только для того, чтобы разобраться с административной работой, то сегодня он командует на кухне. Чёрный, поварской китель ему очень идёт.

Захожу на кухню, забрать первый заказ, и громко приветствую всех работников. В ответ получаю нестройный хор голосов. Гриша приветствует меня, отсалютовав пальцами от виска, и быстро переключает внимание на сковороду, в которой что-то шипит. Здесь ужасно жарко. Пахнет вкусно, жареной картошкой. Тороплюсь забрать заказ и возвращаюсь в зал.

Сегодня много постоянных гостей. Атмосфера — приятная. Игрет лёгкое техно, не бьющее по мозгам. Кира раздала поручения в начале смены и благополучно свалила.

За первые три часа я получаю отличные чаевые. Пребывая в приподнятом настроении, я направляюсь к кассовому аппарату, чтобы внести заказ двух хипстеров за четвёртым столиком. Мысленно подсчитываю свой бюджет и планирую предстоящие расходы. Автоматически осматриваю зал. В этот момент дверь открывается, и в бар заходит Лебедев со своими верными друзьями — Митрошенко и Логуновым.

Судя по тому, как Макс осматривает зал, сдаётся мне, что выбрал он это место совсем не случайно. Похоже, «группировка бабушек» сдала моё место и время работы.

Остановившись взглядом на мне, Макс лыбится, как чеширский кот. Они направляется ко мне.

Парни одеты просто и неброско: худи, джинсы, лёгкие куртки, но это не мешает им отлично выглядеть. Высокий рост, хорошая фигура и подходящая стрижка сполна компенсируют даже самый простой образ.

— Привет, Маслова! Накормишь нас? — Макс выглядит, как ребёнок, получивший плейстейшен на День рождения.

— Лебедев, кормит здесь кухня, а не я. — немного отклоняюсь в сторону, потому что он пытается провести ладонью по косе. — Другого места не нашлось?

— Не-а, мы с пацанами после тренировки в первое попавшееся место зашли.

Вот брехун.

— Здесь стол бронировать нужно минимум за неделю. — демонстрирую весь скепсис.

Макс подмигивает в ответ. Он опять превратился в весельчака.

К Олегу Логунову подходит Леся, перебрасывается с ним парой слов и указывает на столик с уютным диваном в самом углу. Слава Богу, обслуживать их придется не мне. Они снимают верхнюю одежду и рассаживаются по местам. Митрошенко сразу утыкается в меню.

— Чего рот открыла, когда гости посреди зала стоят. Их к столу проводить нужно, а не столбом стоять. — Леся смотрит на меня, презрительно скривив рот.

— У тебя пятно на майке. — киваю ей на грудь и иду, наконец, вносить заказ в кассу.

Вижу, что паренек-хипстер уже нетерпеливо осматривается, ожидая свой коктейль.

Настроение мгновенно портится. Злюсь на Дору. Посему она думает, что знает, как будет лучше?

Работать под пристальным вниманием Макса — то еще удовольствие. Чувствую на себе его взгляд, когда принимаю заказ в другом конце зала, разговариваю с барменом, складываю салфетки, рассчитываю свои столики. В общем, постоянно. Он дыру во мне прожжет таким темпом.

Парни отдыхают в сугубо мужском кругу. Слышала, что у Митрошенко недавно появилась подружка.

Только один раз за все время я сталкиваюсь взглядом с Максом. Он смотрит пристально, не таясь, развернулся всем корпусом в мою сторону. Я первая отвожу глаза. Стараюсь не заикливаться и вести себя естественно, как будто мне ничего не мешает.

До закрытия бара остаётся час.

Захожу на кухню уточнить, сделают ли ребята ещё один стейк и два гамбургера. Илья тщательно отмывает рабочую поверхность. Я вижу его уже третий раз — спокойный и дружелюбный парень. Гриша чистит плиту. При виде меня он прерывается и подходит ко мне.

— Вера, — вытирает пот со лба, — я подвезу тебя, как закончим. Хочу завезти бабушке несколько блюд для посиделок в субботу.

— Да не нужно было ничего готовить. Я сама все сделаю. — рассматриваю его покрасневшие щеки.

Гриша устал. Неудивительно, сегодня — четверг, но заказов было похлеще чем в выходные дни.

У меня очень болит поясница, и совсем не хочется добираться на автобусе. Вместо получаса, я могу оказаться дома за десять минут.

И нужно быть честной, хотя бы с собой: я очень хочу провести эти десять минут с Гришей наедине. Сполна насладиться его голосом, жестами, взглядами. Чтобы, оставшись в одиночестве, снова и снова прокручивать этот момент.

— Не волнуйся, просто несколько сложных закусок к вину и бабушкины любимые профитроли. — он вытирает руки о фартук. — Суп твой я оценил, поэтому за стол абсолютно спокоен.

Гриша улыбается, снова демонстрируя ямочку на щеке, которую мне нестерпимо хочется погладить подушечкой пальца. Моя душа танцует, выписывая восьмёрки несуществующими бёдрами.

Публика постепенно расплывается и тянется на выход. Лебедева с товарищами уже нет. Леся протирает столик, за которым они сидели.

Заканчиваем быстро. Все устали и хотят домой. Ещё раз пересчитываю чаевые. Откладываю часть для кухни в конверт и убираю в комод под кассовым аппаратом.

Нет сил переодеться, поэтому просто натягиваю свитер на рубашку. Умываюсь. Надеваю пальто и переобуваюсь в ботинки.

Гриши нигде не видно. Решаю подождать его на парковке. Я — новенькая, поэтому бар всегда закрывает кто-то другой.

У входа ещё стоит несколько группок. Люди курят, громко смеются и разговаривают. Красная неоновая вывеска создаёт причудливый узор на асфальте. Переходу через дорогу на

парковку.

Ищу глазами Гришину машину.

— Маслова!

Макс. Медленно поворачиваюсь. Он стоит у своей огромной тачки, больше напоминающей маршрутку. А я уж думала, что он ушёл. Логунова с Митрошенко нигде не видно. Видимо, укатили по домам.

— Ты чего здесь? — задаю дурацкий вопрос.

— Тебя жду. Поехали подвезу, чтобы не украл. — сияет улыбкой от уха до уха.

Закатываю глаза.

— Ну окей, не очень остроумно. Правда, поехали. — Макс указывает на машину. — Нечего по ночам шариться. Учёба через две недели начинается. Ты и дальше планируешь здесь бегать с подносами? — говорит с той же интонацией, что и отец.

— Да. — не вижу смысла, что-либо объяснять.

Он не удивлён. Думаю, Надежда Викторовна ввела его в курс дела, обрисовав ситуацию. А с ней, в свою очередь, щедро поделилась Дора.

— Тогда я буду тебя встречать после работы. — он сгребает мою ладонь и сжимает ее. Скользит немного вверх и нежно гладит большим пальцем запястье.

— Макс, это мило с твоей стороны, но в этом нет никакой необходимости. — освобождаю руку.

Глаза Лебедева сужаются, когда он переводит взгляд за мою спину.

Поворачиваюсь и вижу Гришу. Он идёт к нам. Приблизившись, он кивает Макс, мазнув незаинтересованным взглядом.

— Едем?

— Две минуты, хорошо?

Гриша уходит к машине, припаркованной в другой стороне, и начинает загружать пакеты.

Поворачиваюсь к Макс. Он продолжает смотреть на Гришу. Чувствую, исходящее от него напряжение.

— Это хрен, который тебя в институт привозил? — его голос становится грубее, слова отрывистее.

— Гриша — мой начальник и внук Доротеи Аркадьевны.

Я осторожно прикасаюсь к плечу Макса. Не хочу его обижать, но этот разговор начинает меня тяготить. Да и заставлять Гришу ждать — невежливо.

— Мне пора. Спокойной ночи, Максим. — направляюсь к машине.

Берусь за ручку и снова зачем-то смотрю на него. Макс стоит, сунув руки в карманы куртки и смотрит мне вслед. Сажусь в машину, пристегиваюсь и смотрю на Гришу.

— Извини, что пришлось ждать. Поехали.

Иногда я удивляюсь упорству Макса. Я не уверена, что он чувствует ко мне что-то сильнее обычного влечения, но ощущать это без взаимности тягостно. Уж я-то знаю.

Он заметил меня в сентябре, как только мы вышли на учебу. Я не знала никого из одноклассников. Многие уже были знакомы между собой.

Лебедев много и часто на меня смотрел. Приглашал на свидания, тянул ко мне руки, пытался выяснять отношения и даже пробовал вызвать ревность. В какой-то момент его симпатия приобрела характер застарелой болезни. А я надеялась, что это со временем пройдет, и он переключится, например, на Настю Усманову или другую девчонку. Но

совместное празднование Нового года показало, что все несколько серьезнее, чем я предполагала.

Гриша заводит мотор. Салон освещен приборной панелью. Тихо бормочет радио. Искрящееся предвкушение поездки затухло. Хочется спать. Ноги ноют. Три смены — недостаточно, чтобы выработать выносливость.

— Мне показалось, или он хотел отвезти тебя? — Гриша смотрит в боковое зеркало.

— Нет, это одноклассник мой. Зашел после тренировки с друзьями поесть. — опускаю подробности.

— Похоже тебе в парни метит. — весело подмечает Гриша, постукивая по рулю. — Прости, что вмешался. Надо быстро продукты завезти. Меня Ксюша ждет. Раз двадцать уже позвонила.

Гриша ведет себя по-приятельски, нет ни малейшего намека на симпатию. От его беззаботного тона у меня ноет сердце. Эта высокопарная фраза способна передать весь спектр отчаяния, что я испытываю в этот момент. К глазам подкатывают предательские слезы. Господи, только бы не зареветь.

Чтобы скрыть боль, я начинаю болтать обо всем, что приходит на ум и улыбаться, как дура, во все тридцать два зуба. Наверное, я перебарщиваю, потому что Гриша смотрит недоуменно. Боюсь, что он видит меня насквозь. Не такая уж я хорошая притворщица.

Мечтаю оказаться поскорее в своей комнате и пореветь как следует. Гриша провожает меня до квартиры и помогает донести пакеты и контейнеры.

Внутри темно и тихо, Дора спит. Я стою на кухне у окна и наблюдаю, как он садится в машину. Стою даже после того, как свет фар исчез. Долго ворочаюсь без сна и не понимаю, почему чувствую себя такой одинокой, потерянной и несчастливой.

Несмотря на мою незадачливую влюбленность, я много думаю о родителях. Не знаю подали они на развод или так и продолжают жить, делая вид, что ничего особенного не происходит. Я не знаю, принимает ли мама дальше антидепрессанты. Сошелся ли отец с Ниной. Я понятия не имею, сколько буду жить у Доры. Я прячусь от истинной картины происходящего. Пока нет сил строить планы на будущее.

Меня грызет необъяснимая вина, и это серьезно беспокоит. Я пыталась выписывать свои мысли на бумагу, чтобы найти ответы, но это не помогает. Умные люди говорят, что если чувствуешь вину — тебя непременно настигнет наказание, даже если ничего дурного ты не совершил.

Гонимая этой самой виной, я зубрю Римское право. Полночи читаю конспекты, милостиво скинутые в чат нашей отличницей Полиной. В пятницу сдаю экзамен с горем пополам. Преподаватель — Сергей Саныч, пожилой человек старой закалки, искренне любящий свой предмет. Нести ему откровенную чушь, было бы стыдно.

Совсем скоро следующее учебное полугодие. От этой мысли хочется выть.

Но есть и хорошие новости: Дора решила платить мне небольшую зарплату. «На карманные расходы» — так она выразилась. Это очень меня тронуло.

Мы больше не возвращались к неприятному разговору.

Несмотря на клининг, я стараюсь держать дом в чистоте. И заставляю ее завтракать. Пока с переменным успехом.

В субботу долго сплю, болтаю с Александровой по видеосвязи, а потом занимаюсь готовкой и накрываю на стол. От волнения разбиваю банку с панировочными сухарями и еще час трачу на то, чтобы все убрать. Пару раз пробегает мысль свалить куда-нибудь. Во-первых, меня напрягает осведомленность Доры по поводу моих чувств. А во-вторых, я не знаю Гришиного отца. Не имею ни малейшего представления, как пройдет вечер.

Часть еды я заказала, горячее приготовила сама. Расставляю на столе бокалы и закуски, приготовленные Гришей. Интересно, где он учился? И есть ли у него вообще специальное образование. То, что он давно в этой сфере — очевидно. Я видела как он виртуозно нарезал перец тонюсенькими пластинками.

Иду в свою комнату. Переодеваюсь в простую черную футболку и джинсы. Волосы расчесываю, наношу блеск для губ.

В дверь звонят. Я иду открывать, но нарядная Дора стремительно проносится мимо меня, как молодая лань, стуча пятками о паркет, и распахивает дверь.

— Сашка-безобразник, доехал до матери наконец. — прямо через порог она обнимает и целует сына. — Горя, давайте заходите скорее. Все готово уже. Я Надю позвала присоединиться, вы же не против?

Я не ловко топчусь в коридоре. Чувствую себя неуместно, но и уйти вроде невежливо. Дора отходит в сторону, пропуская гостей.

Первым заходит отец Гриши в тяжелом, сером пальто. Хорошая стрижка, прямой взгляд. От него исходит сила. Такие люди прокладывают свой путь мозгами и переговорами. Безобразником его сможет назвать только любимая мама, и то, если он позволит.

Гриша снимает куртку, оставаясь в черной рубашке и брюках. Прихожая наполняется запахом свежей туалетной воды. Он вручает Доре букет с еловыми веточками, красными

ягодами и розами. Уверена, что его собирала Нина Шлюховна. Он тоже целует Дору, здороваются со мной и вручает мне красную розу на длинном стебле. Он делает это естественно, почти мимоходом, и уходит мыть руки.

Гришин отец снимает ботинки и вручает Доре подарок.

— Посмотри, мам. Надеюсь понравится. Если нет — обменяем.

Дора уходит в гостиную, распечатывать подарок, не представив нас друг другу. Иногда хорошие манеры ей изменяют.

Он снимает пальто. Темно синий костюм ему идет. Рубашку он заменил на водолазку. У него хороший вкус, а может, одежду ему помогает подбирать неведомая Марина.

— Здравствуйте, Вера. Меня зовут Александр Федорович. — он внимательно смотрит на меня. — Гриша сказал, что мама довольна Вашей помощью и компанией. Рад знакомству. — его голос низкий и ровный. Глаза голубые и холодные, как ледяные озера.

Как бы я не старалась, не могу представить с ним Нину. Они — два несходных мира. Такой человек никогда не простит обмана.

— Очень приятно, Александр Федорович. — стараюсь смотреть ему в глаза.

— Напомните, как Ваша фамилия? — он задумчиво смотрит на меня.

— Маслова. Вера Маслова.

В этот момент рядом появляется Гриша:

— Идем, — он подталкивает нас обоих в сторону гостиной. — я, ужас какой, голодный.

Ставлю розу в воду. Минут через двадцать подтягивается Надежда Викторовна. Она сделала короткую стрижку и весело хохочет, потряхивая волосами.

— Надя, хорошо тебе. А бы уже не решилась. Полжизни с длинными проходила. Привычка. — Дора тоже трогает свежий срез.

Мы приступаем к еде. Иногда я ловлю на себе задумчивые взгляды Александра Федоровича.

Атмосфера становится дружественной. Мои опасения оказались напрасными. Вино, которое Гриша завез в четверг, оказывается терпким и немного пряным. Женская половина с удовольствием отдает ему предпочтение.

Надежда Викторовна принесла вареники с предсказаниями. Спустя два часа я накрываю стол для десерта. Появляются настольные игры. А еще через час Доротея Аркадьевна просит меня спеть:

— Деточка, только если тебе не сложно. Я Наде рассказывала, как ты красиво поешь. — Дора снова включила режим богемной художницы.

Все взгляды в этот момент устремлены в мою сторону. Мне очень хочется держаться достойно. Во рту пересыхает. Вытираю мгновенно вспотевшие ладони о джинсы. Ведь если бы Доре не понравилось, как я пела, то она не стала бы просить меня спеть повторно. И не вспоминала бы о муже. Верно?

Надежда Викторовна ободряюще кивает.

— Что спеть? Принимаю заказы. — улыбаюсь слишком широко.

— Утёсова [3] давай.

— Господи, Надя, ну здесь же молодежь. Они заснут под твоего Утёсова. — ворчит Дора.

— Давай что-нибудь из Сплинов [4]. — азартно говорит Гриша.

Исполнять их песни без музыкального сопровождения тот еще квест. Я решаю петь сидя, чтобы не выглядеть девочкой, которая читает стихи взрослым за новогодним столом,

стоя на табуретке. Чуть отодвигаю стул и переставляю тарелку с десертом. Начинаю отстукивать ритм по столу. Песню выбираю сама. Моя любимая — «Дочь самурая», заслушанная в старших классах до дыр.

Снова закрываю глаза для лучшей концентрации. Боюсь, что чужие взгляды могут смутить меня, и я начну фальшивить.

Ну что, Маслова, поздравляю, количество твоих зрителей увеличилось в четыре раза.

Моя детская мечта снова поднимается с колен и медленно расправляет крылья. Исчезает комната, звуки, люди.

В это мгновение есть я и моя страсть. Мой голос — просто посредник между моим сердцем и сердцами других людей. И если мне удастся даже на секунду прикоснуться к ним — это успех.

На последнем припеве открываю глаза. Все внимательно слушают. Гриша тихо подпевает, постукивая десертной ложкой по столу. Александр Федорович сложил руки на груди и откинулся на спинку стула. Надежда Викторовна сложила руки под подбородком, оперевшись о стол. Дора прикрыла глаза.

В конце получаю мои первые аплодисменты. Гриша свистит.

— Горя, денег не будет. — Дора толкает его в плечо.

Звучит по-дурацки, но ещё немного, и я расплачусь. Сердце тарабанит о ребра. Наверное, так чувствует себя артист, когда ему рукоплещет целый зал.

Дора вручает всем свои шедевры.

Мне везёт больше всех, я получаю полотно в чёрных тонах. Его хоть как-то можно стилизовать в современной квартире. А вот Грише везёт меньше: ему достаётся круглый холст с пятнами, напоминающими несвежий омлет.

Около двенадцати Дора спускается вниз, посадить Надежду Викторовну в такси.

На прощание она расцеловывает меня в обе щеки и настойчиво приглашает в гости. Волосы и футболка мгновенно пропитываются ее сладкими духами.

Александр Федорович уходит позвонить на балкон, накинув пальто. Мы с Гришей остаёмся одни.

Мы прибираю посуду со стола. Он берётся мне помочь. Мы идём по длинному коридору на кухню, я — позади. Рассматриваю его плечи, чисто выбритую шею, длинные ноги. Они с отцом совершенно непохожи: Гриша выше сантиметров на пятнадцать, крепче, у него другой цвет глаз и волос. Их объединяет уверенность в себе и своих силах. Такие люди не боятся трудностей. После неудачи снова идут к цели. Им не нужно ничего доказывать или пытаться понравиться. Они не пытаются казаться лучше. Я завидую таким людям.

Меняю мусорный пакет и загружаю посуду в посудомоечную машину. Фарфоровый сервиз мою вручную. Гриша остаётся на кухне, открывает окно и закуривает.

В Дориной квартире нет табачного запрета.

Между нами повисает неестественное напряжение. Зимний холод лижет ноги. Мысленно прокручиваю наши последние встречи и разговоры. Все было хорошо. Чувствую спиной его взгляд. В голову не идёт никакой безопасной темы для разговора.

Чувствую, как Гриша подходит со спины. Его дыхание касается виска. Я замираю, сжав губку. Гриша открывает верхний шкафчик и достаёт стеклянную пепельницу.

— Извини. — он снова отходит к окну.

На секунду прикрываю глаза. Нужно было включить свет. Освещения кухонного гарнитура недостаточно. Обстановка слишком интимная. На секунду представляю, что мы

влюблённая пара. Мы проводили гостей. Я мою посуду. Потом я вытру руки. Гриша подойдёт со спины, как мгновение назад. Поцелует в шею. Я обернусь к нему и начну торопливо расстегивать рубашку. Мы займёмся сексом, не доходя до спальни. Он будет возбужденно сжимать бедра, ловя мои губы своими.

Вытираю руки и повинуюсь необъяснимому порыву, я совершаю большую глупость: шагаю к нему, отбирая у себя время на размышления. Подхожу непозволительно близко. Кладу руки ему на грудь, и встав на цыпочки, целую. Потом я спишу это на бокал красного. Потом. Не сейчас.

[3] Леонид Осипович Утесов — русский и советский эстрадный артист, певец, чтец, дирижер. Народный артист СССР

[4] Сплин — российская рок-группа из Санкт-Петербурга.

Осторожно целую его в уголок губ. Чувствую под ладонями тепло и размеренное сердцебиение. Чувствую каждый удар своего сердца. Прихватываю верхнюю губу. Перемещаю ладонь на щеку, мягко поглаживая.

Время останавливается.

Я целую нежно и неискусно, как могу, словно задавая вопрос. Гриша не отвечает на поцелуй, но и не прерывает его.

Я отстраняюсь и смотрю на него, надеясь прочесть ответ.

Он не открывает глаза еще несколько секунд. Я даже не заметила, как заоченела от открытого окна — все предплечья в мурашках. Он открывает глаза, и я проваливаюсь в весеннюю зелень. Мой отец чувствует то же самое, целуя его мать?

Гриша делает глубокий вдох:

— Вера, я же не дурак, вижу, что ты ко мне испытываешь. — Гриша тяжело вздыхает и продолжает. — Но я не могу ответить тебе взаимностью. У меня есть Ксюша.

Его слова бьют под дых. Мгновенно заливаюсь краской. Значит, хреновая из меня актриса, если он все понял спустя несколько встреч. Гриша только что, сам того не желая, разбил мне сердце. Я слышу звон осколков. Похоже, я рождена, чтобы меня отвергали важные мне мужчины. Сначала отец — Маслов Андрей Юрьевич, потом мой шеф — Дебольский Григорий Александрович. Чем больше я стараюсь, тем хуже. Чем отчаяннее я жажду любви, тем больше мне причиняют боль. Я не принадлежу к типу женщин, которых любят, а Ксюша и его мать, видимо, яркие представительницы этого типа.

— Кошка, не плачь. — его лицо страдальчески морщится.

Трогаю мокрые щеки. Ну зачем он так, решил добить ласковым прозвищем. Он хочет сказать что-то еще, но я машу головой. Я с размаху ударяюсь о землю, упав со своих ванильных облаков. Певица, мать его. Роковая соблазнительница. Меня приводит в ужас мысль, что Дора или Александр Федорович могут увидеть мои заплаканные глаза и все понять. Я пячусь из кухни и быстро запираюсь в ванной. Меня накрывает отчаяние. Все происходящее кажется пустым и бессмысленным.

Даже не хочу думать о том, как снова посмотрю ему в глаза. Сажусь на пол, прислонившись спиной к стиральной машине. Внутри так больно, будто я ела битое стекло. Начинаю раскачиваться из стороны в сторону и тихонько напевать себе колыбельную, которую мама пела мне в детстве.

Слышу голоса в коридоре, а потом хлопает входная дверь. Ещё какое-то время сижу на полу, вытянув ноги. На смену боли приходит мучительная пустота.

Призываю себя к спокойствию. Как говорила одна известная девушка — я подумаю обо всем завтра. Мне нужно добраться до кровати. Принимаю душ. Вытираю запотевшее зеркало и смотрю на свое отражение. Выгляжу жалкой. Собираю волосы в пучок. Кожу стянуло от мыла. Чищу зубы и надеваю белый халат, предназначенный для гостей. Такие обычно висят в дорогих гостиницах.

«Вера, представь, что сегодня ты уехала от боли, разочарования и отвержения далеко-далеко, остановилась в уютной гостинице и сейчас провалиться в сон.» — говру себе, глядя в зеркало, и сжимаю ткань халата.

В дверь раздаётся стук:

— Ты как там, живая? — взволнованно спрашивает Дора.

— Минуту.

Я споласкиваю душевую кабину, бросаю свои вещи в корзину и развешиваю сушиться полотенце. Ещё раз смотрю в зеркало, глаза почти не заплаканные. Осторожно открываю дверь.

Дора переделалась в чёрный, домашний халат.

— Горя сказал тебе стало плохо. Отравилась чем-то? — она осматривает меня. — Бледная какая. Уголь принести? Вроде все свежее было. — она разочарованно всплескивает руками.

Слава Богу, все ушли, пока я была в ванной. Хватаюсь за поданную идею, как за соломинку.

— Нет, спасибо, Доротея Аркадьевна. Это мигрень, меня иногда резко накрывает. Пойду спать. — отвечаю, прочистив горло. — Вы дверь на кухню закройте, на всякий случай, чтобы посудомойка Вам спать не мешала. Доброй ночи.

— Иди, деточка. — она еще раз бросает взгляд на меня и занимает ванную.

Захожу в гостиную. Забираю телефон и включаю увлажнитель воздуха. Розу решаю не забирать к себе в комнату. Меня мутит от одного взгляда на неё.

Расстилаю постель и плюхаюсь на кровать. Снимаю блокировку экрана. В мессенджере сообщение от Гриши:

«Все хорошо, Вер, не переживай. Сделаем вид, что ничего не было. Я в восемнадцать лет и не такую дичь творил. Жду тебя на работу, как обычно.»

«Да пошёл ты на хрен. Дичь он творил.» — злюсь и отшвыриваю телефон.

Закрываю глаза и на удивление быстро засыпаю.

Сплю беспокойно, ворочаюсь и постоянно просыпаюсь.

Мне снится Гриша. Они с Ксюшей целуются на Дориной кухне. Потом смеются и тычут в меня пальцами. Откуда-то появляются Лебедев с Надеждой Викторовной, они хватают меня за руки и тянут в разные стороны. Гриша не перестаёт в это время глумливо хохотать.

Потянулись долгие, серые дни, похожие друг на друга. Зима притворилась осенью с проливными дождями и ледяным ветром. Почему-то, когда стеной льет дождь на душе особенно тоскливо.

Мне не хотелось никого видеть, жизнь виделась бессмысленной, а я сама себе казалась жалкой и никчемной.

Нелюбимой.

Я стала отказываться от встреч с Викой и меньше времени по вечерам проводить с Дорой. Часто уходила в свои мысли и отвечала невпопад.

В один из таких вечеров Дора демонстрировала мне очередное творение. На картине я смогла увидеть только дохлого медведя, хотя Доротея Аркадьевна утверждала, что это — утренний туман в еловом лесу. Я хотела подойти ближе к холсту и задела бокал вина. Он полетел на пол, оставляя кровавые брызги на «еловом лесу». Черт! Такими темпами Дора погонит меня.

— Ну что за недотепистая девка! — возмущалась она. — Чего ты культяпками машешь как мельница. Топай за тряпкой. Теперь придется Анне Петровне новый подарок рисовать.

От «милрой деточки» до «ндотепистой девки» лежит тонкая грань. Иногда мне кажется, что Дора сама не определилась, кто она — изящная аристократка или хамоватая пролетариатка.

В общем, у меня было только одно желание: лежать на кровати и есть чипсы, жалея себя, под турецкие сериалы. Но приходилось натягивать свитер толстой вязки, красить ресницы и идти на работу и учебу. Трудовые будни никто не отменял.

С того злосчастливого вечера Гришу я не видела. Не знаю, случайно или намеренно наши смены не совпадали.

Учеба началась стремительно, я даже не успела опомниться не то, что отдохнуть.

Сообщение мамы застаёт меня в столовой. Я долго думаю взять суп или десерт. Хочется сладкого, но суп сытнее. Мне не придется потом тратить на перекус.

«Привет, доча! Ты во сколько сегодня заканчиваешь? Я заберу тебя, нужно поговорить.»

Внутри оживает неприятное предчувствие, как змея оно начинает вить кольца. Передергиваю плечами.

— Эй, заснула что ли? Двигаай давай. — толкает меня в бок прыщавый здоровяк.

Злобно зыркаю на него, беру суп и сажусь у окна. Быстро печатаю сообщение маме. Не буду ничего спрашивать. Не готова.

— Привет! Соскучилась? — напротив плюхается Лебедев. — Я — очень.

Он внимательно скользит по мне взглядом, задерживаясь на губах и шее.

— Макс, дай поесть. — устало морщусь.

— Ешь, я что мешаю. Тебя твой повар не накормил?

Осуждающе смотрю на него: «Ты серьезно?»

Он примирительно поднимает руки. Праздники прошли, и Лебедев вернулся к любимым спортивкам и бейсболке, которую он часто не снимает даже в помещении.

— Мне не нравится, что ты до ночи работаешь в кабаке полном мужиков. — он серьезно смотрит на меня. Руки сложил на столе, как будто собирается вести переговоры.

— Мне не нравится, что ты сидишь тут и пытаешься портить мне аппетит. — отламываю кусочек хлеба. — Заметь, я тебя не приглашала.

— Я к тебе в душу не лезу и не спрашиваю, почему ты там скачешь с подносами. Но я буду тебя забирать. — не слышит меня.

— Макс, что ты не понял с первого раза? — начинаю медленно закипать. Мало мне отца было, теперь этот мне нотации читает. — Сам-то на всем готовеньком живешь. Папа — владелец корпорации, обожает единственное чадо, ни в чем не отказывает. Вот тебе тачка, сынок, вот квартира. Хочешь учиться — учись, малыш. — в моем голосе яд.

— Какая же ты сука бываешь, Маслова. — он резко встает и бросает на стол небольшой подарок, упакованный в синюю матовую бумагу.

— С прошедшим. Праздновали вместе, а подарок я тебе так и не подарил. — говорит с той же ядовитой интонацией и уходит.

Внутри оказывается книга о русской живописи в толстом переплете. Подарочное издание. Наверное, Макс увидел у меня на заставке незнакомку.[5]

Зачем я его обидела? Взяла и сорвалась на него. От горечи прикрываю глаза. Сижу так какое-то время. Вокруг гудят люди, стучат приборы, кто-то смеется. Открываю глаза и смотрю в окно на унылый стадион. Беру ложку и через силу запихиваю в себя суп.

Мама пунктуальна, как всегда. Сажусь к ней в машину. В салоне пахнет ее парфюмом с ярко-выраженными нотками розы. Она выглядит на пять с плюсом: черный костюм, укороченное красное пальто, идеальный макияж. Пытаюсь считать малейшие изменения по ее лицу. Она собрана и, на первый взгляд, спокойна, но я слишком хорошо ее знаю. Зажатая, слишком напряжённая поза говорит о том, что она сильно волнуется.

— Привет, мам. — тянусь через сиденье и целую ее в щеку.

— Привет, доча! — мама гладит меня по плечу. — Ты челку постригла? Никогда бы не подумала, что тебе будет так хорошо.

Да, в порыве отчаяния, я обрезала челку. Слава Богу, хватило ума сделать это в парикмахерской. Первая челка в моей жизни. До этого отец мне категорически запретил делать какие-либо манипуляции с волосами. Юрист с челкой — несолидно ведь. Я мечтала о папиных комплиментах, поэтому слушалась. Правда, похвалы так и не получила.

Мы с мамой снова оказываемся в месте, где я причинила ей боль. Самое удобное для нее расположение — близко к офису. Снова занимаем столик у окна с видом на набережную.

У меня сжимается сердце. Я знаю, о чем она хочет поговорить. Все знают, но проще сделать это когда-нибудь потом. Не сейчас. Вот придет правильный момент, тогда все решим. Только взрослая жизнь предполагает, что ты не ждешь правильного момента, а разгребашь проблемы сейчас. И ответственность за свои решения берешь на себя тоже сейчас.

Мы делаем заказ. Мама бессмысленно переставляет на столе маленькую салфетницу в виде кораблика. Я смотрю на нее и понимаю, что ничем не могу ей помочь. Пережить предательство сложно. У каждого своя боль. У одних тянет, у других ноет.

— Мам?

Она сопускает плечи.

— Мы с Андреем разводимся. — испуганно смотрит на меня.

Моя стальная мамочка напугана. Я не знаю, что сказать: «Ладно» или может «Ну я так и думала»? Бред. То, что так долго тянулось и витало в воздухе, обрело четкую формулировку.

— Мне жаль, мам. Мне очень жаль, что все так вышло. — горло сдавливает.

— И мне, прости, что все так получилось. — она закатывает глаза, чтобы не плакать. —

Прости, что не смогла тогда остаться с тобой и поговорить. Я была растеряна и ранена.

Мы обе понимаем, о чем она говорит.

— Не осуждай нас. — продолжает, — нелегко решиться разорвать отношения, даже если они неудачные.

— Мам, прости, что причинила тебе боль своими вопросами. — я не выдерживаю и начинаю плакать.

Официант приносит нам заказ и пытается скрыть недоумение. Сейчас нам мало есть до кого дело. Мама сняла броню, такой я видела ее только на похоронах бабушки Таи. Она плакала, сжавшись в комок, и так и не смогла бросить на гроб горсть земли.

— Доча, — она протягивает руку через стол и гладит меня по щеке, — не плачь, так бывает.

— Ты подала на развод или он?

— Это неважно. — она осторожно промакивает глаза салфеткой, чтобы не размазать тушь. — Мы решили продать дом. Я хотела тебе лично сообщить об этом. Мне важно, чтобы ты знала.

— Спасибо, что сообщила, мам. Я ценю это.

В этот раз мы не бросаем нетронутые блюда. Мы медленно и спокойно едим. Время плывет мимо нас, дав нам возможность побыть друг с другом.

Мама просит счет и пьет эспрессо.

— Вера, подумай еще раз. Мы можем жить вдвоем. Я буду рада.

На прощание крепко обнимаю ее и обещаю подумать. Отказываюсь от того, чтобы она меня подвезла. Ветер немного успокоился, поэтому решаю пройтись. Я разблокировала номер отца, но так и не получила ни одного сообщения. Не знаю, что будет дальше. На душе паршиво и неопределенно. Губительное для человека состояние.

[1] Неизвестная — картина Ивана Крамского.

Я подозреваю, что отец съехал сразу после решения о разводе. Зная его вспыльчивость, даже не хочу представлять, как это происходило: скандал, сбор вещей или, наоборот, гробовое молчание. Слабовольно радуюсь, что мне не пришлось становиться свидетелем этой сцены. Я могла бы вернуться за город, но мне совсем не хочется. Там пустота и плохие воспоминания.

Комнату в конце коридора я уже давно именую своей. Я привыкла к ворчанию Доры и орущей по утрам опере. Вот и сейчас, я собираюсь на смену, а Доротее Аркадьене скучно, она ходит за мной по пятам.

— Нет, ну я не понимаю, что это за дрянство. — она тычет мне под нос свой смартфон с уведомлением о перезагрузке. — Тупой кусок пластика. — раздраженно трясет им.

Настроение у нее сегодня не ахти. Сначала она придиралась к погоде, что в такую грязь не может надеть белое пальто. Потом досталось сантехнику, опоздавшему на два часа. Теперь страдает телефон.

— Подождите минутку, сейчас рубашку доглажу и посмотрю. — будь эта Кира неладна. Стою с утюгом, чтобы прийти на работу с мятым под пальто воротником и рукавами.

Дора слоняется по гостиной. Курит и вздыхает, глядя в окно. Сегодня ей не пишется.

— Чертова зима. Весну хочу. У Феди в марте День рождения был. Снег уже сходил, так хорошо было.

Морщусь от дыма и машу рукой.

— Я вечером пиццу или ребрышки с работы принесу, чтобы Вам настроение поднять. — отключаю утюг. — Давайте посмотрю Ваш телефон.

— Не хочу жрать на ночь. Может в бассейн пойти? — она поворачивается ко мне.

Эта идея приходится ей по душе. Дора деловито затягивает пояс халата и уносится к себе в спальню. — Посмотри, когда они закрываются, кричит из комнаты!

Слышу, как sloпают дверцы шкафчиков.

— В десять! — кричу в ответ, перезагружая смартфон. — И не забудьте, я Вас на завтра к доктору записала на общий анализ крови.

— Я здоровее тебя буду, — она высовывается из спальни, — ходишь бледная как поганка последнее время.

Она опять скрывается в комнате.

— Благодарю. — бурчу себе под нос. — Комплимент комплиментом погоняет.

Быстро переодеваюсь, волосы собрать не успеваю. Кладу в рюкзак шпильки, блеск и миниатюрку духов, оставшихся из прошлой жизни.

— Я ушла. — кричу из прихожей и беру ключи.

— Толай. — Доротее Аркадьевна появляется одетой в прихожей. — Внучку моему передай, пусть трудится и хорошо себя ведет. — сама смеется со своей шутки.

Закрываю дверь. Мне совсем не смешно. Чувствую укол в сердце. Рано или поздно нам придется встретиться.

До бара добираюсь быстро. Сегодня меня даже никто не обматерил в метро и не оттоптал ноги. Приняв это за добрый знак, быстрым шагом иду к парадному входу. Так ближе. Кира, конечно, визжит и заставляет персонал пользоваться служебным, но желания прыгать по лужам у меня нет. Уже на подходе я жалею о своем решении, под навесом стоят

две фигуры. Во рту пересыхает. Первое желание — развернуться и бежать прочь со всех ног. Быть отверженной больно. Мне пришлось убеждать себя, что дело не во мне. Но, ведь, это не так. Это я недостаточно красива, привлекательна, уверена, сексуальна.

До смены еще полчаса, поэтому на улице еще нет никого из посетителей. Гриша курит, подняв голову, он выпускает дым вверх. Ксюша переминается рядом на тоненьких шпильках, запахнув шубку.

Игнорируя истерично-колотящееся сердце, я подхожу ближе. Как по команде, они одновременно смотрят на меня.

Наверное, женщины нутром чувствуют потенциальную угрозу. Многим свойственно присваивать мужчину себе, а потом сторожить его, чтобы коварная разлучница не «украла». Сторожи не сторожи, ничего не выйдет. У мамы, по крайней мере, не получилось.

Только, как выяснилось, Ксюше я не соперница. Она оценивает меня взглядом с головы до ног. В глазах мелькает презрение и враждебность.

Я одета просто, но дорого. Черное пальто, ботинки на толстой подошве, кожаный рюкзак — все куплено на деньги родителей.

Убираю с губ налипшую прядь и громко здороваюсь. От вымученной улыбки воздерживаюсь. Не хочу вызвать жалость и, уж тем более, тешить Гришино самолюбие. Он приветствует меня в ответ, внимательно рассматривая, Ксюша отворачивается.

«Стерва невоспитанная», — думаю, проходя мимо. Чувствую спиной их взгляды.

Признаюсь, я очень ждала Гришиного звонка. И на следующий день после застолья, и спустя пару дней, и через неделю. Потом ждала его сообщения. Постоянно заходила в социальные сети и мессенджеры.

Мне казалось, что он должен подобрать правильные слова, чтобы мне не было так паршиво. Но он ограничился только одним сообщением в тот вечер.

Мысленно возвращаюсь к Лебедеву. Нужно извиниться и поблагодарить его за подарок. Тем более, что он мне очень понравился: дорогая бумага, потрясающее визуальное оформление, отличное качество иллюстраций.

Не хочу, чтобы ему из-за меня было так же хреново.

Захожу в зал. Аня полирует приборы за барной стойкой. Увидев меня, она делает большие глаза и указывает головой в сторону кухни. Спустя секунду понимаю, что это значит. Хлопнув дверью, оттуда выходит Кира. По её резким движениям понимаю, что настроение у нее скверное. Наверное, повара уже отхватили.

Кира видит меня и начинает визжать, как сирена:

— Какого хрена ты опять через парадный вход прешься! — она стремительно приближается ко мне, стуча каблуками, и начинает тыкать пальцем под ноги как сыкливому котёнку. Спасибо, не мордой тычет. — Вся грязь с улицы тащишь. Мы скоро открываемся. Тряпку в зубы вымываешь здесь пол.

Во мне мгновенно закипает ярость. Она грохочет и булькает, подкидывая крышку терпения. Ну что, за тварь. Сама же только так и заходит.

— Извините, больше такого не повториться. — душу в себе гнев. — Вам показалось, пол чист, как Ваши помыслы.

Может, я бы и наследила, если бы вошла, но я еще стою на небольшом коврикe с логотипом бара.

— Ты тупая или глухая? — она хватает меня за рукав пальто.

Как меня все достали. Как меня, мать его, всё достало.

— Пошла на хрен. — выплевываю ей в лицо с ответной ненавистью. — Плохое настроение? Иди на машины погавкай. — меня начинает потряхивать.

Напряжение прошедших дней получило выход.

Нет больше звуков, цветов, запахов. Людей тоже нет. Злость захватила меня, ещё немного, и я её ударю. Огребу проблем, но кинусь на неё, как истеричка.

Кира раздувает ноздри и сужает глаза, как дикое животное. Еще немного, и начнёт бить копытом в замшевых ботинках.

— Повтори, что ты сейчас сказала.

Хлопок двери.

— Что здесь происходит? — слышу сзади Гришин голос.

Кира переводит взгляд мне за спину, отпускает рукав и отступает на шаг. Помимо нас в зале только Аня, напоминающая испуганного лисенка, поэтому разборки проходят прямо здесь.

Гриша проходит мимо меня, обдавая табачным запахом вперемешку с туалетной водой. Следом цокает шпильками Ксюша. Они с Кирой переглядываются.

Гриша останавливается рядом Киной. Ксюша не уходит, маячит за его спиной. Чувствую себя злостным нарушителем, которого снова заставляют пройти через рамку металлоискателя.

— Она не знает, что такое субординация. — Кира возвращает себе человеческое выражение лица.

— О присутствующих в третьем лице не говорят. — «тупая дура», хочется добавить мне.

— Она через главный зашла, когда сотрудники используют заднюю дверь. Тетя Лида утром все здесь вымыла, а эта чужой труд ценить не умеет. — игнорируя меня, продолжает Кира. — Я ей сказала вытереть все за собой, а она меня послала. Это как, нормально вообще?

Прикрываю на секунду глаза.

— Это правда? — Гриша хмурится.

— Да, — у меня все еще клокочет внутри, — кроме того, что я не успела натоптать здесь. А замечание было сделано в хамской форме.

— Аня? — Гриша поворачивается к ней.

— Я ничего не слышала, посудомойку включала. — указывает на дальний угол за стойкой.

Кира раздражённо теребит пуговицу на платье. Когда Гриша отворачивается, Аня морщит нос и сжимает кулаки — «Мол, я с тобой».

Вспышка злости гаснет. Ко мне возвращается ровное дыхание.

— Вера, после смены поговорим. — Гриша продолжает хмуриться, и мне это совсем не нравится. Голос звучит спокойно, но с нажимом.

Ксюша с Киной переглядываются.

— Мальш, я пойду, попрошу Павлика мне кофе сделать. — она гладит Гришино предплечье и уходит к бару, снимая на ходу шубку.

Мне хочется закатить глаза. Ты еще в туалет у него отпросись.

Досадно, что последнее время все идет вот так. По-идиотски. Уверена, что после смены не услышу ничего хорошего.

— Хорошо. Я могу идти переодеваться? — случайно задеваю взглядом его губы. В голове мгновенно вспыхивает картина того вечера: приглушенный свет, черная рубашка,

тепло его груди, линия губ.

Гриша все понимает. В его взгляде мелькает непонятная мне эмоция.

— Иди. — он кивает, подтверждая свои слова. — Кира, идем, ты мне на кухне нужна.

Иду в сторону раздевалок. На ходу поворачиваю голову, и снова сталкиваюсь взглядом с Ксюшей. Паша притащил ящик пива и теперь делает ей кофе.

Пытаюсь понять, что чувствую по отношению к ней. Зависть? Ненависть? Ответное презрение?

Ксюша бесит меня. Дико. И похоже, это взаимно. Ее взгляд опаляет спину.

В раздевалке собираю волосы, мажу потрескавшиеся губы бальзамом и критично рассматриваю свое отражение. Чертовы рукава помялись. Еще раз приглаживаю волосы по бокам расческой, закальываю челку и выхожу в зал.

Всю смену кручусь, как белка в колесе. Чаевые сегодня, мягко говоря, скромные. В рубашке душно, умудряюсь поставить пятно от кетчупа на манжет.

Ксюша половину вечера сидит за баром: сначала уткнувшись в телефон, а потом они с Кирой пьют коктейли из пузатых бокалов и смеются, как пирующие гиены. Чуть позже к ним присоединятся Оля Александрова. В отличии от подруг, она приветствует меня мягкой улыбкой и кивком. Оля похожа на взрослую версию Вики. Пышные каштановые волосы, женственная фигура, мыгкие движения.

Пару раз за вечер к ним подходят «залетные» парни, но Кира говорит им что-то, и они быстро отваливаются. Около десяти они уходят. Перед этим Ксюша идет на кухню, скорее всего, попрощаться с Гришей.

Я даже не знаю, живут ли они вместе. Это было бы логично после пяти лет отношений. Пять лет. Мне было тринадцать, когда они начали встречаться. В это время я пела в расчёску перед зеркалом, представляя себя звездой, и была плоской как доска.

Смена заканчивается. Зал постепенно пустеет.

Пока прибираем, Паша успевает достать меня своими историями про то, как они с пацанами напились и пытались украсть кота у какой-то бабки. Зачем? Ума не приложу, на середине я перестала его слушать. Кивала, как китайский болванчик, в такт своим мыслям.

«Может позвонить отцу?», — робко шепчет внутренний голос в то время, как другая половина вопит: «Он нас предал! Предал! Предатель!»

Паша выключает верхний свет. Откладывает часть чаевых в конверт.

— Ты на метро? Проводить? — спрашивает, надевая куртку.

— Нет, спасибо. Гриша сказал разговор есть.

— Отхватишь за язык свой длинный, — ржет, — а я тебе говорил, не нарывайся. Ладно, пока!

— Пока, умник.

Он хлопает себя по карманам, проверяя, все ли на месте и идет на выход. Вытягиваю гудящие ноги. Складываю руки на стол и кладу на них голову. Что там говорят? Что все должно даваться легко, если идешь своей дорогой. Я, получается, шатаюсь по чужой.

В баре стоит тишина. Музыка мы отключили во время уборки. Похоже, мы с шефом остались вдвоем.

— Устала?

Поднимаю голову. Гриша стоит в дверях кухни. Он еще не переоделся, только снял фартук.

— Не то слово.

— Кофе будешь?

— Разговор, как я понимаю, не из приятных. Лучше взбодриться. — смотрю на него, ожидая ответ.

Гриша молчит. Моет руки, отрывает бумажные полотенца и тщательно вытирает их до локтей, как делают хирурги в фильмах. Мне кажется, проходит целая вечность. Я

пересаживаюсь за барную стойку. Ладони прилипают к столешнице, Паша-засранец халтурит.

Гриша делает нам кофе, как тогда, перед Новым годом. Только в этот раз я не могу насладиться его обществом. Плечи свело от напряжения.

Он ставит чашки перед нами и садится рядом. Доверительно разворачивается всем корпусом в мою сторону, широко разведя ноги.

— Не против, если я закурю?

Господи, да кури, только промычи уже хоть что-то.

— Кури. Это у вас, похоже, наследственное. — привстаю, перегибаюсь через стойку и ставлю передним пепельницу.

О своем дурацком поцелуе стараюсь не думать.

— Почему? Мама не курит. Она вообще — эталон настоящей женщины.

О... Боже, только не это. Мне хочется закрыть уши руками.

— Очень рада за нее. — невежливо перебиваю. — О чем ты хотел поговорить? Мне еще на метро нужно успеть.

Он смотрит оценивающе. Зелень в его глазах становится болотной, затягивающей туда, откуда уже не будет выхода. Раньше он смотрел дружелюбно, открыто, нейтрально. Как угодно, только не так.

— Я подвезу, не переживай. Все равно мимо еду. — он возвращает себе деловитое выражение лица. — Буду краток. Я перевожу тебя из зала на кухню.

Приехали. Непонимающе моргаю.

— Я не умею готовить на скорость, — говорю неуверенно, — я и здесь нормально справляюсь.

— Вера, — он выпускает дым в сторону, — просто будешь работать на заготовках. У нас на кухне не хватает рук.

— Так их и в зале не хватает!

Не хочу работать в этом адовом пекле. У меня и после смены в зале иногда голова от духоты болит.

— Чаевые кухня тоже получает. Зарплата у тебя останется та же. — продолжает Гриша.

— Это из-за Киры? Из-за сраного коврика? Да она меня просто невзлюбила.

— Невзлюбила. — подтверждает Гриша. — Но она — спец, я не могу от нее отказаться, даже если она бывает временами предвзятой.

«Я еще она — подруга Ксюши», — добавляю про себя.

— Мне не нужны ваши скандалы в зале. К тому же, ты грубишь гостям.

— Когда? — обалдеваю от возмущения.

— Вчера, мужчине с черепами на щеке.

— Чего?

Это Кира ему так донесла? Снова закипаю:

— Да это козел отказался за последние четыре кружки пива платить. Сказал, что я долго несла заказ, и пена осела. Брехливый гавнюк.

Гриша пытается сдержать улыбку, а потом начинает хохотать:

— У бабушки набралась? Это ее коронное выражение.

Мне несмешно. Теперь или уходить, или работать в пекле из-за этой стервы.

— Выбора у меня нет, я правильно понимаю?

Гриша перестает смеяться.

— Давай ты пока временно поможешь на кухне, а дальше мы посмотрим, хорошо?

— Окей, я переодеваться. Спасибо за кофе.

Нет ничего более постоянного, чем временное [6].

Иду переодеваться. Злюсь. Никакие призывы к благоразумию не помогают.

Остервенело расчесываю волосы. После тугого пучка очень болит кожа головы. Снимаю рубашку. Переодеваюсь в прихваченную с собой толстовку. Беру рюкзак, пальто и выключаю в раздевалке свет. Звук моих шагов раздаётся по коридору. Сейчас дверь в будущий кабинет открыта. Здесь еще идет ремонт, пахнет побелкой. Делаю долгий выдох и выхожу в зал.

Гриша снял китель и надевает черный свитер на футболку. У него красивые крепкие руки и плечи. Останавливаюсь и рассматриваю его: плоский живот, хорошая осанка, длинные ноги.

Уверена, найдется много парней, подходящих под это описание, например, Лебедев с Митрошенко вполне соответствуют. Но обожглась я именно о Гришу.

Он переводит взгляд на меня. Я тоже смотрю, не отводя глаз. Подсветка над баром создаёт иллюзию уюта. Последнего пристанища. Снаружи может происходить что угодно, а мы — одни в целом мире.

Словно очнувшись от наваждения, я подхожу к стойке и опираюсь на неё.

— Когда мне теперь приходиться? Хотелось бы получить расписание на ближайший месяц, чтобы совмещать с учёбой.

Гриша достаёт распечатанный график и ведёт по таблице пальцем. У него аккуратные ногти. Терпеть не могу неопрятные руки.

— Приходи послезавтра. К четырём. — надевает куртку. — Успею тебе все показать перед сменой. Надень что-нибудь удобное и, обязательно, нескользящую обувь. Скажу Кире, чтобы ближайшие пару дней прислала тебе новый график.

— Хорошо. — лицо у меня, наверное, кислое.

Щиток в баре находится рядом с кофе машиной, поэтому идти до выхода приходится в темноте. Включаю фонарь на телефоне, Гриша идёт за мной. Физически ощущаю его взгляд. По затылку и шее бегут мурашки.

На улице тоже темень. Фонарь не горит.

Очень холодно из-за поднявшегося ветра. Метро уже закрыто. Понимаю, что весь вечер я находилась в сильнейшем напряжении. Болят плечи и поясница.

Гриша замыкает дверь. Я делаю шаг и, не заметив в темноте приличную выбоину, спотыкаюсь. Я бы расквасила нос, если бы Гриша, каким-то чудом, не успел схватить меня за плечо.

— Где же твоя ловкость, кошка. — его голос так близко, что я почти чувствую теплое дыхание. В голосе звучит нежность и насмешка.

Во рту мгновенно пересыхает. Сердце кувыркается в груди, как непоседливый ребёнок.

— Спасибо. Чуть не грохнулась. — поясняю очевидное и снова хватаюсь за телефон.

Дорога пустая. Мы едем в напряженном молчании. За окном мелькают фонари.

Когда мы останавливаемся на светофоре, я поворачиваю голову. Гриша смотрит на меня.

Огни круглосуточного магазина рисуют причудливые блики на его лице.

Он создаёт впечатление человека, которого любили безусловно. Уверенность и самоуважение возрастают только при таких условиях. Выросший в нелюбви — приговорён к пожизненным сомнениям.

Его взгляд падает на губы и тут же возвращается к глазам. Смущенно перевожу взгляд на дорогу. Загорается зелёный. Ещё пять минут, и мы выезжаем во двор.

В окнах горит свет. Странно, Дора ещё не спит. У неё строгий режим для красоты и упругости кожи.

Поворачиваюсь и Грише и даю волю мучавшим меня сомнениям:

— Спасибо, что подвез. И прости за тот поцелуй. — тереблю пояс пальто. — Мне ужасно неловко и... — закончить не получается, потому что Гриша медленно наклоняется и целует меня.

От неожиданности замираю и натягиваюсь как струна. Мое сердце грохочет так, что способно оглушить весь район. Гриша целует осторожно и нежно. Его губы ощущаются по-другому. Сейчас я — не навязчивая влюбленная дурочка, а девушка, которую целуют по собственному желанию. И это дурманит.

Гриша отрывается губ и смотрит мне в глаза:

— Чего трясешься, кошка? А в прошлый раз такая смелая была. — шепчет прямо в губы и снова целует.

Нежность сменяется страстью. Его губы становятся требовательными. Я теряю контроль. Мне остается только хаотично гладить его шею, волосы, плечи, отвечая на поцелуй.

Катастрофически не хватает воздуха. Его запах заполнил меня до краев.

Гриша зарывается рукой в волосы, слегка оттягивая их. Поцелуй напоминает порабощение. Он точно знает чего хочет.

Не знаю, сколько продолжалась эта сладкая пытка, пока он не оторвался от моих губ.

Гришины глаза затуманены. Любая девушка понимает независимо от опыта, что значит этот взгляд. Это заложено в нас природой.

Гриша хочет меня. Это приводит в восторг и ужас одновременно. Ощущение, как будто я стою на зыбучем песке и медленно ухожу на дно, сама того не понимая.

— Иди спать. Поздно уже. — он гладит скулу тыльной стороной ладони.

Прикрываю глаза от наслаждения. Не знаю, что ответить. В голове — пустота.

— Спасибо что подвез. — открываю дверь в холодную ночь, выхожу, осторожно закрыв ее.

Бегу к подъезду, испытывая соблазн повернуться. В подъезде прыгаю, как дурочка, и тихонько напеваю себе под нос поповскую песенку.

Есть моменты, которые невозможно описать словами, как не старайся. В душе прорастают цветы.

Вставляю ключ в замочную скважину, но дверь распахивается, едва не стукнув меня по носу. На пороге в ночной сорочке стоит сердитая Дора. Сдвинула брови, взгляд как у заправского следователя.

— Тебя Гришка мой привез? — переходит сразу к делу.

Закрываю дверь и снимаю пальто.

— Доротея Аркадьевна, я думаю, что Вы шпионили в кухонное окно. — почему-то меня это очень смешит. — Да, в чем проблема?

— Это был риторический вопрос. Судя по тому, как ты голосила в подъезде, мой дурак к тебе яйца подкатывать начал. — стоит над душой, пока я снимаю ботинки.

— Господи, что за выражения! — морщусь и иду в ванную.

Доротея следует за мной и становится в дверях, занимая весь проход.

— Нечего рожу кривить. Во-первых, его стерва тебе все волосы выдерет, а во-вторых, поссоритесь и ты от меня переедешь. Мне этого не надо. Буду потом путную девку опять сто лет искать. — она наблюдает, как я умываюсь, и продолжает. — Так что не глупи. Не нравится Максик — поищи еще кого-нибудь. И желательно свободного. — она делает упор на последнем слове и удаляется к себе, подчеркивая тем самым уровень моего безрассудства.

— Господи, все настроение испортила. — бормочу под нос и запираюсь в ванной, чтобы принять душ.

Засыпая, я мечтаю о нашей свадьбе. Думаю, что породнюсь с Дорой и Александром Федоровичем. О Нине Шлюховне думать себе запрещаю. Долго верчусь от счастья в постели, даже не подозревая, какие испытания мне подготовила судьба.

[1] Альберт Джей Нок — американский либертарианец, педагог и общественный критик.

Дора как в воду глядела.

Пара дней пролетели стремительно. Я со скрипом училась, перечистила все столовое серебро, отвезла вещи в химчистку и, наконец, загнала Дору на прием к врачу. Моя маленькая победа.

Последнее время я стала больше читать. Вечерами мы с Доротеей Аркадьевной смотрим документальные фильмы. Она перестала презирать большой телевизор в гостиной, и мы теперь пользуемся благами цивилизации.

Я часто думаю об отце. И, как ни странно, скучаю. Может, сказалось время и отсутствие общения.

Все было как обычно, кроме того, что я с нетерпением ждала своей смены. Теперь меня не пугала невыносимая жара на кухне, потому что я буду работать вместе с Гришей. Я готова бежать за ним хоть к черту в пекло. Мысль, что я буду видеть его на протяжении всей смены, вызывала невыразимый восторг.

Ничего не предвещало беды.

На работу я бежала, теряя тапки. Даже Кирино перекошенное лицо не способно испортить мне настроение.

В баре царило несвойственное оживление. Смех, цветы, алкоголь перед началом смены. Я не успела сопоставить факты, как меня оглушило новостью.

Я помню только, как Анины губы произнесли предложение, которое я поняла не сразу: «Гриша сделал Ксюше предложение».

Теперь я точно знаю, что значит выражение «прошиб ледяной пот».

Я четко вижу себя со стороны. Стою истуканом посреди веселья: жалкая, разбитая, оглушенная. Стоит мне поверить в чудо, как оно тут же испаряется из моих ладоней.

Пытаюсь сфокусировать взгляд на Ане. Прочищаю горло:

— Что прости?

— Вер, ты чего, — она осторожно трясет меня за плечо, — я тебе в который раз говорю, Гриша предложение сделал. Надо тебя в чат добавить. Кира нас всех пораньше для поздравления организовала. Кстати, с тебя пятьсот рублей на цветы и торт.

Киваю, не глядя на нее. В зал заходит сияющая Ксюша. По ее счастливому лицу я бы и так все поняла. Лавандовое платье ей очень идет. Она освежила цвет волос и нарисовалась ярче обычного.

Так больно мне было в пятом классе, когда меня доставили в больницу с острым приступом аппендицита. Если бы не окружающие меня люди, то я бы также корчилась от боли, как в тот день на больничной кушетке.

Судорожно соображаю сбежать или остаться, но не успеваю принять решение: в зале появляется Гриша.

Он тут же находит меня взглядом. Гриша совсем не похож на себя. Исчезла живая мимика и привычная улыбчивость. Его лицо сейчас не выражает ничего. Челюсть плотно сжата. В праздничной суматохе этого никто не замечает кроме меня. Играет музыка, люди болтают и смеются. Девочки, в лучших традициях американских романтических комедий, рассматривают Ксюшино кольцо.

Резко разворачиваюсь и иду в раздевалку. Бросаю сумку на банкетку и закатываю глаза,

чтобы не зареветь. Дышу. Делаю глубокий вдох и выдох. Но это не помогает. Я просто пытаюсь засунуть свою боль обратно и накрыть крышкой. Отчаяние нужно прожить, дать ему выход, чтобы обрести покой.

Я даже не могу сейчас позвонить Викусе. Что я ей скажу? Что целовалась с Гришей? Она не поймет меня. Плюхаюсь рядом с сумкой и достаю телефон. Кручу его в руках.

Без стука открывается дверь и в раздевалку заходит Гриша. Он закрывает за собой дверь и прислоняется к ней. Устало трет лицо. Он избегает моего взгляда, а я, наоборот, смотрю в упор.

— Это женская раздевалка. Выйди, пожалуйста. — мой голос вот-вот сорвется.

Какое-то время играем в молчанку, пока он не сосредотачивает на мне взгляд.

— Я не знаю, что сказать. — в глазах искреннее сожаление и померкшая зелень.

Скажи, что ты тупой или безответственный. А лучше скажи, что мне привиделся весь этот балаган. Что не было шумных поздравлений и шуток про предстоящую свадьбу, похопываний по плечу и радостных визгов девочек. И что я не видела торжества в Ксюшиных глазах.

— А я не хочу ничего слышать. Займусь поиском работы и сразу свалю, как найду что-то стоящее. — и следом злобно выплевываю, — Совет да любовь.

Поворачиваюсь к нему спиной и демонстративно начинаю доставать сменную одежду.

— Она нашла кольцо, которое я купил еще в ноябре.

Агрессивно завязываю волосы и расшнуровываю ботинки, игнорируя его. Гриша продолжает:

— И что я, по-твоему, должен был ей сказать? Мы пять лет вместе. Знаешь сколько всего прожито за все это время. Невозможно просто взять и отказаться от этого, даже ради красивой девчонки. Я запутался. — заканчивает невпопад.

Я так и продолжаю возиться с ботинками, потому что, если подниму голову — он увидит, что я плачу. По-детски крупные слезы падают на пол, оставляя малюсенькие лужицы.

Гриша подходит и садится передо мной на корточки:

— Не плачь, — тянет за плечо, заставляя выпрямиться и мучительно-нежно вытирает слезы. — Я не хотел, чтобы ты все так узнала. Мне жаль, что все так вышло.

Им всем жаль: моей маме, Грише, любовнице отца. Как я чудовищно устала.

— Скажи что-нибудь. — он смотрит на меня как побитый пес.

Я не хочу спрашивать, любит ли он Ксюшу, потому что боюсь услышать ответ. Мы едва знакомы. Вообще не знаем друг друга. Это пыль против пяти лет отношений.

— Считайте, что ничего не было, Григорий Александрович. — бью его по руке и некрасиво шмыгаю носом. — Сначала я Вас поцеловала, затем Вы — меня. Мы квиты. Теперь я хочу переодеться.

Выражение его глаз меняется.

Он мог бы пойти в атаку и сказать, что я первая полезла к нему со своими чувствами, но не стал. Сейчас я не способна оценить его честность и способность признавать собственное несовершенство.

В груди арктический холод.

Он поднимается и уходит. Я утыкаюсь лицом в сложенные руки. Словно в насмешку, до меня то и дело долетают взрывы хохота из зала.

Я умываюсь, прикладываю к векам ледяные пальцы и долго машу ладонями себе в лицо,

чтобы приобрести приличный вид. На кухню нет смысла краситься: все потечет.

Потихоньку все занимают рабочие места. Зал наполняется гостями. Ксюша с Кирой снова исчезают. Хоть в чем-то мне сегодня повезло. Я бы не выдержала созерцать ее сияющую физиономию весь вечер.

Гришин помощник — Юра, долговязый парень с татуировкой на шее, показывает мне все, что нужно делать: мыть овощи, наполнять вовремя контейнеры, собирать простые в исполнении салаты, следить за чистотой полотенец. Все просто и скучно.

Весь вечер больше пугаюсь под ногами, чем помогаю. Постоянно ловлю на себе Гришин взгляд. Внутри образовалась пустота, спровоцированная разочарованием. Нормальное для меня чувство вот уже пару месяцев.

Наверное, я производила совсем плохое впечатление, потому что уже в девять Гриша меня отпустил домой. Он подошел сзади, когда я складывала полотенца и тихо сказал:

— Иди, кошка, выпись как следует. — и осторожно коснулся талии.

«Да пошел ты», — подумала про себя, хотя очень хотелось сказать вслух. Молча оставив, все лежать, я пошла переодеваться. Потом вышла в зал.

— Текилы налей, пожалуйста. — я положила деньги на стойку.

За баром симпатичный парень в очках. Не знаю его имени.

— Не надо. — он ставит передо мной рюмку. — Плохой день?

Хорошо, что сегодня работает не Паша. Очередную тупую историю я бы сейчас не осилила.

— Типа того. — опрокидываю рюмку. — Спасибо. Хорошей смены.

Он кивает в ответ и возвращается к полировке бокалов. Я почти не пью, поэтому один шот дарит мне расслабление и изгоняет из груди холод.

Выхожу на улицу. Сейчас куплю бутылку вина и буду смотреть с Дорой какую-нибудь документалку. Жизнь не кончилась. Я это переживу. Правда, на хорошее вино денег у меня не хватит. Я и на среднее то по качеству не наскребу. Это печалит.

Телефон загорается в темноте проспекта. Входящее от Макса:

«Маслова, ты же помнишь, что я настойчивый. Погнали в клуб?»

Наверное, мое сообщение с извинением и благодарностью за подарок вернули Максиму веру в себя.

Хотя, почему бы и нет? На душе погано, и я чувствую потребность еще в одном шоте.

Макса мне сам Бог послал.

Ехать домой не хочется. Если зайду в квартиру — никуда больше не выйду. Буду мучить себя картинками этого дня и крутиться в кровати без сна. А потом еще полезу в соцсети, чтобы добить себя фотографиями колечка на Ксюшином пальце с красным маникюром.

Я себя знаю.

Но вряд ли меня так пустят в клуб: черная водолазка, джинсы, любимые ботинки. Хорошо, хоть голову вчера помыла. Правильно бабушка говорила: женщина всегда должна выглядеть достойно. Только я — не женщина, сейчас я — грустная картонка. Помятая и никому не нужная.

Заворачиваю в магазин и беру бутылку дешёвого вина. Пока жду своей очереди на кассе, рассматриваю парочку передо мной. Девушка с пушистыми волосами и чокером обнимает парня в грязной спецовке. Они выглядят такими счастливыми, что у меня сжимается сердце. Спорят, кто оплатит продукты.

Моменты, когда человеческие души греются друг о друга, видно невооруженным глазом.

— Паспорт.

— А?

— Девушка, паспорт, я говорю. — повторяет грузная продавщица.

Лезу в сумку и понимаю, что его нет. Похоже, вопрос с клубом отпал сам собой.

— Извините, я его забыла. Мне есть восемнадцать. Могу студенческий показать или права.

Она закатывает глаза и орет на весь зал:

— Галя! У меня отмена. — очередь начинает нервно вздыхать и переминаясь.

— Ясно, — бормочу себе под нос, разворачиваюсь и под осуждающие взгляды иду на выход.

Телефон в кармане пальто снова оживает, когда я подхожу к автобусной остановке. Думаю о Грише.

«Лебедев» — значит на экране. Принимаю вызов:

— Алло, — ежусь от ветра.

— Ты не сбросила меня. Это ли не удачный день? — слышу его веселый голос.

На заднем фоне различаю биты.

— Привет.

— Плохой день? — спрашивает совсем как парень за баром.

Вот как у него это получается?

— Есть немного. — думаю, как слиться, не обидев его. — Спасибо за приглашение, но я устала. Да и без паспорта меня не пустят.

— Не будь занудой. Это же просто клуб. — наблюдаю, как по мокрому асфальту мелькают колеса машин, разбрасывая брызги в разные стороны. — Здесь полгруппы. Я тебя отвезу потом. Пацаны на входе пропустят, не парься. Адрес пришлю. Отговорки не принимаются. — он отключается.

Телефон тут же оповещает о входящем сообщении. Пробиваю адрес. Это в паре кварталов отсюда. Еще раз проверяю кошелек, как будто денег в нем от этого прибавится. На один коктейль мне хватит.

Да пошло оно все.

На входе в клуб стоят бородачи серьёзного вида, рядом с ними топчется Макс. Он видит меня издали и его лицо озаряется улыбкой. Вспыльчивый, но не злопыхатный. Плюс ему в карму за это. Здороваюсь с охранниками и подхожу к Лебедеву.

— Отлично выглядишь.

Совсем не кривлю душой. Из-под кожаной куртки виднеется фирменный свитшот, волосы небрежно уложены, на ногах тяжелые ботинки, чем-то похожие на мои. Все в меру и со вкусом.

Он рассматривает меня в ответ.

На улице так холодно, что пар идёт изо рта. До нас долетает музыка. Рядом курит несколько девчонок в коротеньких платьях. Они периодически косятся в сторону Макса. И как они за свои придатки не переживают. Я была бы на такой подвиг не способна.

Макс продолжает молчать и лыбиться как дурак.

— Я не совсем одета для клуба. — смотрю в сторону девчонок.

— Плевать. — он берет меня за руку. — Пойдём, Маслова, выпьем за то, чтобы у нас всегда было легкое сердце. — звучит так пафосно, что мне становится смешно.

Мы входим в тёмный коридор. Меня оглушает музыка.

— Ты же за рулём. — кричу ему в ухо.

— Такси возьму. — кричит в ответ, задевая мочку уха.

Получаем браслеты и поднимаемся на второй этаж. Никого из «наших», кроме Логунова, Митрошенко и Насти Усмановой, здесь не оказывается. Еще симпатичная девочка с дредами — новая девушка Митрошенко, о которой шептались в группе. Нашим девчонкам сначала не давало покоя, что он ни с кем не встречается, потом — что нашел девочку за пределами института.

Здороваюсь со всеми. Настя смотрит враждебно и даже не пытается это скрыть.

«Расслабься, я не претендую на твоего Лебедева, только прекрати так на меня пялиться.», — хочется сказать ей.

Видно, что она очень старалась: кожаная юбка, сексуальная водолазка с вырезом на спине, идеальный маникюр. На ее фоне я выгляжу унылым черным пятном.

— И где здесь все «наши»? — поворачиваюсь к Максиму.

Стробоскопы освещают его лицо, в глазах пляшут смешинки.

— Немножко наврал. Иначе как тебя еще вытащить? — смешно ерошит челку. — А твоей Александровой я правда писал, клянусь. — он прикладывает руку к груди.

— Макс, что ты врешь? У тебя ее номера нет.

Мы садимся к остальным на диван и заказываем напитки. Когда официантка удаляется, Макс продолжает:

— Соцсети — наше все.

— Она будет? — радостно подбираюсь.

Зажжем с Викусей и вытрясем из себя все накопившееся напряжение, боль, переживания.

— Как же, — Макс снимает куртку и небрежно бросает ее на спинку дивана. — «Отстань от моей малышки, маньяк, я знаю, что тебе от нее надо.», — не дословно, конечно, но примерно так она мне ответила. Что ты ей про меня наговорила?

Сгибаюсь пополам и начинаю хохотать. Насмеявшись вдоволь, поднимаю голову и встречаюсь с Настей глазами. В её взгляде раздражение и страх. Похоже, я недооценила силу ее чувств. Макс правда ничего не замечает?

Нам приносят напитки.

— Выпьем, ребятки! — трясет сережками в этническом стиле девушка Митрошенко.

— Выпьем! — громко поддерживает Олег. Он уже неплохо накидался.

Кисло-сладкий вкус приносит настоящее наслаждение. Выпиваю почти весь коктейль за один присест. Он тут же дает мне в голову. Вспоминаю, что ничего кроме каши на завтрак, сегодня не ела. Теперь Логунов не один прибухнутый в компании.

Осторожно поднимаюсь.

— Ты куда? — спрашивает Макс.

— Танцевать. — выговариваю по слогам и двигаю руками и бёдрами, изображая танец.

— У родителей так лабрадор хвостом трясет. — Лебедев кивает на мои тряски. — Ты же вниз собралась. Пойдем, — он уже почти привычным движением берет меня за руку. — ты будешь танцевать, а я сторожить тебя, чтобы навязчивые типы не приставали.

— Не, не надо. — слегка отступаю и смеюсь.

Камень с души падает. Боль отступает. Сейчас я не буду ни о чем думать. Мне хорошо.

— О, вот это тебя, дорогая, развезло. Чего ж ты мне сразу не сказала, что пить не умеешь? Дал бы тебе просто вискарь понюхать, и все дела. — он подхватывает меня за талию.

— Руки, Макс, руки.

— Если я уберу руки, ты грохнешься. — похоже, я его забавляю.

Плюхаюсь обратно на диван. Митрошенко придвигает мне бутылку воды и стакан. А он неплохой парень, оказывается.

— Терпеть не могу пьющих девушек. — доносится до меня голос Насти.

— Ага. Я тоже. — бурчу и пью воду.

Снова поднимаюсь. Чувствую себя значительно лучше. Целенаправленно иду к лестнице, крепко держусь за перила. Она крутая и прозрачная, поэтому двигаюсь очень осторожно.

Макс догоняет меня. Чувствую от него аромат, напоминающий иланг-иланг.

Мы вливаемся в танцующую толпу. Внизу тесно и шумно. Как трактор я двигаюсь к бару.

— Эй, не стоит больше пить. — снова кричит мне в ухо Макс.

— Почему? Ты меня отнесешь домой потом. Где Дора живёт, ты знаешь. — протискиваюсь между какой-то парочкой, вызывая недовольство. — Текилы налейте, пожалуйста. — кричу бармену.

Лезу в сумку, но Макс опережает меня, приложив карту к терминалу. Себе он заказывает ром с колой. Рядом освобождается высокий стул. Я забираюсь на него, как курица на насест. Соль отодвигаю назад. Беру только лимон.

— Не стоило, но спасибо. — кричу в ухо Макс.

Пью и сразу отправляю в рот лимон. Морщусь. Макс стоит совсем рядом. В полумраке рассматриваю его лицо. Никогда не замечала, что у него маленькая горбинка на носу и родинка на щеке.

— Пустяки, Маслова! У меня же папа — владелец корпорации.

— Прости, Макс. Мне жаль, что я тогда тебя обидела. День был фиговый.

— Ты уже извинилась. — он наклоняется чуть ближе. — Проехали.

Макс смотрит на меня, как тогда, на крыше в Новый год, а потом медленно подносит руку к моему лицу и большим пальцем что-то стирает с подбородка. Я замираю.

Вокруг танцуют люди, грохочут басы, шумит машина для льда.

В голове проносятся мысли о Грише. Наверное, он уже дома. Смена давно закончилась. Делит постель с Ксюшей. У них одна ванная комната на двоих, совместные завтраки и планы на будущее. Теперь помимо печатки на указательном пальце, он будет носить обручальное кольцо.

Голову сдавило железным обручем. Во рту — Сахара. С трудом разлепляю глаза. Который час?

Осматриваюсь: светлая комната с большим окном, кофейные стены, большой чёрный шкаф напротив кровати, торшер рядом с прикроватной тумбочкой. Чисто и по-мужски лаконично.

Пытаюсь восстановить события вчерашнего вечера. Последнее, что я помню — вертящиеся стены, готовые вот-вот упасть на меня.

Сажусь в кровати. Тру лицо. Тяну на себя одеяло — серый пододеяльник пахнет лавандой.

На мне белая хлопковая майка и трусы. Силюсь ещё что-то вспомнить, но это вызывает новый приступ боли. Падаю обратно на подушки.

Где-то хлопает дверь и через пару минут в комнате появляется Макс. В домашних штанах и чёрной футболке. Лицо свежее, как будто он только вернулся из отпуска, а не тусовался полночи в клубе. В руках стакан с какой-то шипучкой. Почему-то это не становится для меня сюрпризом.

— Непокосимая Вера в моей постели. — весело цокает языком и садится на край кровати. — На, пьянчужка. Должно стать легче. — протягивает стакан.

— Что это?

— Таблетка. Пей давай.

Жадно пью содержимое стакана под его взглядом. На голове, наверное, гнездо. Хорошо, хоть не красилась вчера, а то была бы похожа на запойную панду.

— Спрашивай. — Макс забирает у меня стакан и ставит на тумбочку.

Мыслительный процесс вызывает приступ тошноты.

— У нас что-то было? — надеюсь, что не поступила вчера опрометчиво. А он, в свою очередь, по-свински.

Очевидные признаки отсутствуют. Но я хочу услышать его ответ.

Макс молчит, наслаждаясь моим неведением. Глаза смеются. Я бы треснула его по плечу, но мне очень плохо. Таблетка оставила противное послевкусие во рту. Не хочу отрывать голову от подушки.

— Обижаешь. — отвечает, наконец. — Я же джентльмен. Тем более, ты вчера была, мягко говоря, не в форме.

Прикрываю глаза. Так, за свои поступки нужно отвечать.

— Давай, Лебедев, жги.

Он легко перепрыгивает через мои ноги и заваливается рядом со мной.

— Ай, осторожно, лось здоровый. Голова! — морщусь.

— Это ты вчера отжигала, а в университете такая бука злобная. — он закидывает руки за голову. — Сначала, ты танцевала как шаман с бубном. Потом отобрала у Митрошенко с Ритой самбуку и вылакала ее в одно лицо.

Я натягиваю одеяло до глаз. Макс продолжает:

— Полезла целовать Усманову и говорила, что она — богиня, и любой мужик будет у ее ног. По-моему, Настя знатно офигела. — Макс стягивает одеяло с лица и ложиться на бок, подперев голову рукой. — Потом ты упорно лезла за пульт к диджею и требовала поставить

Анечку Асти [7]. Прибежала охрана, чтобы снять тебя, но я их опередил.

— Боже!

Макс хохочет.

— Ты была очаровательна. Правда потом тебя стошнило за углом клуба, и ты немного запачкала водолазку.

— Это все?

— Ну ещё ты пела в такси. Но поешь ты, кстати, хорошо. Водитель тебе подвевал. У вас получился дуэт. — Макс рассматривает мое лицо.

— Никогда не буду больше пить. — внутри растекается липкое чувство стыда.

— Я тоже себе так обычно говорю. Последний раз, когда праздновали День рождения Олега, я чуть не сдох.

— Переодевалась я, надеюсь, сама? — прячу глаза.

— Ага, конечно. Ты в джинсах запуталась. — он ведёт кончиком пальца по скуле. — Ты покраснела.

Конечно, я первый раз просыпаюсь в постели парня. Мне ужасно неловко, поэтому отмахиваюсь и меняю тему.

— Можно мне в душ?

— Иди, алкогольвица. Я тебе чистое полотенце повесил. Серое, большое.

— Отвернись, пожалуйста.

— Я видел твои хлопковые трусы, расслабься.

— Лебедев!

— Окей. Не ори. — перекатывается на другой бок и смотрит в окно.

Осторожно сажусь. Босые ноги касаются пола — тёплый, с подогревом. Пытаюсь найти джинсы.

— Вещи в сушке. — будто читая мои мысли бросает Макс через спину.

Встаю и направляюсь на поиски ванной. Спиной чувствую взгляд Макса.

Выхожу в коридор. Слева находится кухня, справа — ванная комната. Квартира небольшая, но уютная. Замыкаю дверь и внимательно рассматриваю свое отражение. Волосы спутались, лицо бледное, под глазами круги. На бедре красуется огромный синяк.

В ванной царит идеальная чистота. Либо к Максиму регулярно приходит клининг, либо он невероятный педант. Рядом с дозатором для мыла лежит новая зубная щётка в упаковке. Серое полотенце мягкое и приятно пахнет порошком.

Зачем-то открываю шкафчик над раковиной. Все как у всех: электрическая зубная щётка, лосьон после бритья, ополаскиватель для рта, зубная нить, чёрный флакон духов.

Снимаю колпачок и поношу флакон к носу — иланг-иланг. Помню этот аромат. Вчера я не ошиблась. На нижней полке стоит небольшая коробочка. Снимаю её с полки и поднимаю крышку. Она наполовину заполнена презервативами. От неожиданности чуть не переворачиваю её. Осторожно закрываю и убираю обратно в шкафчик.

Душ приносит облегчение. Тошнота проходит. Намыливаюсь и думаю о чёрном крепком кофе, все остальные мысли гоню прочь. Мне нужно спокойно обо всем подумать.

Чищу зубы, кое-как собираю волосы в пучок и достаю вещи из сушки. К счастью, водолазка не села. По привычке споласкиваю за собой душевую кабину и раковину. Полотенце бросаю в стирку.

«Черт, я же не предупредила Дору. Она наверное места себе не находит!» — озаряет меня. Вылетаю из ванной и с размаху врезаюсь в Макса.

— Где мой телефон? — произношу куда-то в район его груди и быстро отстраняюсь. — Дора меня убьёт.

— Не переживай. Я позвонил бабушке, а она предупредила Доротею Аркадьевну.

Отлично, теперь «группировка бабушек» в курсе моего позорного досуга.

— Я не посвящал её в подробности, не волнуйся, Маслова. — Макс смеётся и гладит меня по щеке. — Ты похожа на испуганного зайчонка. Идем, я кофе сделал и сырники заказал.

В его обществе я чувствую себя в полной безопасности. Мне спокойно. Вчера Макс доказал, что на него можно положиться. Но все происходящее кажется мне неправильным.

Пока он разливает кофе по чашкам, я смотрю в окно. Ночью снова выпал снег. Его окна выходят на оживленный проспект. Наблюдаю за потоком машин.

Макс подходит ко мне и подает белую кружку. Пахнет божественно. В квартире тепло. Он успел надеть бежевый свитер крупной вязки. Выглядит по-домашнему. Челка завивается, визуальное сглаживая остроту скул.

— С молоком и без сахара, как ты любишь.

Удивлённо смотрю на него.

— Спасибо. И за кофе, и за то, что притащил меня пьяную домой. Мне ужасно стыдно.

— Да брось ты. — он отмахивается. — Не хотел будить Доротею Аркадьевну, поэтому привез тебя к себе.

Врун.

Мы садимся напротив друг друга и едим сырники.

— Твоя квартира или снимаешь?

— Моя. — он макет кусочек сырника в джем. — Родители на совершеннолетие подарили.

— У тебя стильно. Ты, оказывается, жуткий чистюля, Лебедев.

— Так и есть. — он делает глоток кофе. — Для меня важно иметь место, где я могу отдохнуть и восстановиться. — он резко меняет тему, застав меня врасплох. — У тебя проблемы?

Я еще с трудом соображаю.

— С чего ты взял?

— Я наблюдательный. Стала бы ты переезжать из дома, будь все хорошо. Могу тебе чем-то помочь?

— У меня все нормально, Макс. — отодвигаю от себя тарелку.

— Мне не нравится, что ты живешь у бабушки своего повара и бегаешь с подносами. Тебе нужно учиться.

— У моего, как ты выразился, повара есть невеста. И с подносами я больше не бегаю, а режу салаты и мою посуду.

Он поднимает брови.

— Ты прикалываешься? Куда твои родители смотрят. На первом курсе рано работать. Хочешь, спрошу отца по поводу работы?

— Макс, давай сменим тему, окей?

— Ладно, — нехотя соглашается он. — У меня через неделю днюха, придешь?

Размышляю стоит ли. Будет ли это честно по отношению к Лебедеву. Слово прочитав мои мысли, он начинает давить:

— Я тебя вообще-то на себе тащил. И ты меня за ухо укусила.

Смотрю на него. Он отвечает кристально-чистым взглядом.

— Что ты врешь? — возмущённо складываю руки на груди.

— Ну немножко приврал для наибольшего эффекта. Я правда хочу, чтобы ты пришла.

Можешь ничего не дарить.

— Хорошо, я буду. — человек меня, все-таки, на себе тащил.

Поднимаюсь и убираю посуду в посудомойку.

— Спасибо тебе ещё раз за все. Я поеду.

— Я отвезу. — он поднимается.

— Не стоит. Я сама доберусь. — иду в прихожую.

— Мне не сложно. — он идёт следом и берет ключи с комода.

— Слово «нет» ты не понимаешь. Да, Лебедев? — беру пальто с вешалки и разворачиваюсь.

Он стоит вплотную ко мне.

— Не-а, не с тобой. — напирает. — Ты упрямая и глупая. Не понимаешь, что тебе нужно. — шепчет мне в губы.

— Макс. — зачем-то отвечаю ему шепотом.

Он наклоняется и тянется к моим губам.

Люди — эгоисты. Мы любим, когда нас любят. Только я не чувствую к нему того, что ему хотелось бы. В мыслях периодически вспыхивает Гриша. Предатель, который даже не дал нам шанса.

Макс заслуживает, чтобы его любили. Заслуживает быть на первом месте. Он достоин, чтобы именно от его прикосновений была дрожь и бешено колотилось сердце. Мой отец, наверное, совсем не любил маму, и что из этого вышло? Ничего хорошего.

Макс мягко целует меня, затем касается кончиком языка ложбинки между губ. Его ладони скользят по пояснице, настойчиво прижимая к себе. Его плечи напряжены, как перед броском.

Моё сердце тоскливо сжимается, и я не даю углубить поцелуй.

— Не надо, Макс. — осторожно отстраняюсь, облизнув губы.

Он пытается держать лицо, но я вижу, как кривится его рот. Ему больно.

— Ты не любишь меня. — глажу его плечо. — Ты совсем меня не знаешь.

Он поднимает глаза. И я впервые замечаю, что они серые, как осеннее утро.

— Я знаю больше, чем ты думаешь. — он прислоняется лбом к моему лбу и гладит волосы. — В душе ты ранимая, хотя пытаешься казаться пофигисткой. Ты часто идеализируешь людей и предъявляешь к себе завышенные требования. Ты любишь музыку и любишь петь. Когда ты нервничаешь, часто трогаешь шею и чаще моргаешь. Я люблю тебя, Вера, и у тебя будет моя фамилия.

Он обнимает меня и трется носом о волосы, как ласковый кот. Я обхватываю его за плечи в ответ. Мы стоим в верхней одежде в его прихожей. За окном зима. Нам всего по восемнадцать.

Господи, почему я не могу любить того, кто дорожит мной. Наверное, меня прокляли в прошлой жизни за ужасный поступок.

— Ничего не говори. — тихо говорит Лебедев. — Я знаю, что ты ответишь.

Мне хочется плакать боли. Вчерашний вечер принес мимолетное облегчение. Забыться не получилось.

Мы молчим. Макс шумно дышит и крепко прижимает меня к себе.

[7] Анна Asti — бывшая солистка группы Artik и Asti

Мы спускаемся во двор в неловком молчании. Макс живет в новостройке рядом с университетом.

Он отключает сигнализацию, и его огромная тачка приветливо отзывается, мигнув фарами. Я иду за ним. Лебедев даже не переоделся. Вышел в тонких домашних штанах.

Сажусь на переднее сиденье. Хлопнув дверью, он садится рядом. Включает музыку и заводит двигатель. Словно в насмешку, салон заполняет грустный рэп о безответной любви. Мы выезжаем со двора.

Смотрю в окно на маленькую девчущку в розовой курточке и смешной шапочке с ушками. Она весело подпрыгивает, держа папу за руку. Мужчина несет деревянные санки: добротные, советского производства. Похожие лежали у нас на антресолях в старой квартире.

Макс ведет плавно. Он слегка откинулся на сиденье, полностью погрузившись в свои мысли. Иногда он задумчиво постукивает по рулю.

В голове крутятся его слова: «Я люблю тебя, Вера, у тебя будет моя фамилия». Он застал меня врасплох этими словами. Кто в восемнадцать лет может выдать подобное? Он правда совсем меня не знает. Мы знакомы с сентября.

Мне кажется, Макс просто подменяет понятия, сам того не понимая. Возможно, его привлекают мои отказы и легкая победа для него — вовсе не победа. Скорее всего после секса я бы ему надоела. Судя по количеству «резинок» в ванной, целибат он не держит. Так о какой любви может идти речь?

Смотрю на приборную панель. Десять утра. Макс въезжает через арку во двор. Поворачиваюсь к нему, чтобы попрощаться.

— А это что за хрень? Что он у твоего дома с утра пораньше забыл?

Смотрю сквозь лобовое стекло. Из своей машины выходит Гриша. Макс дергается, собираясь выйти из машины, но я хватаю его за руку.

— Лебедев, ты мне еще здесь скандал закати. — он шумно дышит. — Здесь живет его бабушка, если ты забыл. Приехал он к ней, а не ко мне. И делать это он может, сколько ему вздумается.

— Ага, Маслова, заливай мне дальше. Я бы таскался к своей бабушке постоянно.

— Спасибо, тебе за все еще раз. Увидимся в понедельник в универе. — целую его в щеку, убеждая себя, что мы можем быть хорошими друзьями.

Выхожу из машины, отхожу на пару шагов и обернувшись машу ему на прощанье. Гриша стоит у машины, сунув руки в карманы куртки. Наблюдает за происходящим. Я прохожу мимо него, достаю ключи из рюкзака, прикладываю магнитный чип и захожу в подъезд. Перед тем, как захлопывается подъездная дверь, я слышу шаги. Гриша быстро нагоняет меня.

— Здраваться не учили, кошка?

«Не смей меня так называть. У тебя больше нет на это права!», — вопит мое сознание. Я сжимаю кулаки и молча поднимаюсь по лестнице. Надо было подняться на лифте, может он не успел бы за мной. Гриша легко обгоняет меня и преграждает дорогу.

— Быстро ты утешилась, а говорила он тебе в парни не метит. Или это была розовая акция? Просто для здоровья потрахались?

У меня срывает предохранитель, и я бью его по лицу. Наотмашь. Мечу по щеке, но

промахиваюсь и бью по подбородку, потому что он стоит на несколько ступеней выше. Его зубы шелкают. Гриша не ожидал от меня такого.

Мудак. Меня трясет от злости. Гриша хватается за запястья, больно сжав. Резко дергает на себя и вжимает в стену.

— У тебя вообще нет права предъявлять мне претензии. Ты сделал свой выбор, козел. Я же тебя не спрашиваю, когда ты с Ксюшей трахаешься. — его лицо так близко, что наше дыхание смешивается воедино. — Отпусти, мне больно.

Я понимаю, что он испытывает тоже самое, что и я в этот момент. Только не я все это затеяла.

— Никогда больше не смей меня бить, поняла? — я поторопилась навесить на него ярлык порядочного парня. Гриша удивил меня новой гранью.

Его зрачки расширены. Взгляд блуждает по моему лицу.

— Отпусти, а то заору. — он разжимает руки и продолжает смотреть на меня, как на заклятого врага.

Потираю запястья.

— Я на тебя больше не работаю. Пусть тебе Ксюша салаты режет.

— Две недели отработает.

Я проскальзываю под его рукой и показываю фак. Поднимаюсь наверх. Гриша остается внизу. Слышу, как он матерится и бьет по перилам.

Поднимаюсь в квартиру. Открываю дверь своим ключом. В коридоре тут же появляется Дора в шерстяном платье. Волосы собраны в сложную укладку. Раскрас — боевой.

— Явилась! Предупредить нельзя было, что ночью где-то шарахаться будешь? Я все морги и больницы обзвонила! — она театрально размахивает руками, расхаживая туда-сюда.

Я снимаю пальто. Все еще болят запястья. Точно будут синяки. Мои мысли слишком громко звучат в голове, почти заглушая Дорин возмущенный голос.

«Господи, я просто сказочная идиотка. Выбрать мудака, который пытается усидеть на двух стульях, могла только я. Не нравилась тебе твоя жизнь? На тебе треша для сравнения.» Не знаю, чего мне хочется больше: расплакаться или выругаться отборным матом. Роняю маленький столик, на который мы складываем ключи и прочую мелочевку.

— Да что с тобой такое? — Дора подходит ближе и пытается заглянуть мне в лицо. — Ты чего красная такая?

— Доротея Аркадьевна. Извините, давайте потом поговорим. — поднимаю столик, скидываю обувь и иду к себе в комнату.

Мысли хаотично скачут в голове. Что мне теперь делать, на что жить? Если отец съехал, то я могу вернуться домой. Только я не знаю этого наверняка. Вернуться — значит признать, что я ни на что не способна. Так получается?

Подхожу к окну и смотрю на парк. Голые ветви деревьев выглядят печально. Все девственно-белое, как в тот вечер, когда я разговаривала с отцом на кухне. Что если мы никогда не сможем понять друг друга? Слово по волшебству, на телефон приходит сообщение: *«Жду тебя сегодня в два в офисе. Нужно поговорить.»*

Отбрасываю телефон в сторону. Что там говорят: наши мысли материальны? Значит, он тоже думает обо мне? Конечно, я же все-таки его дочь. Осадок после встречи с Гришей немного отпускает.

Спустя два часа выхожу в гостиную. Дора курит и остервенело брызгает краской на огромный холст: два на два, не меньше.

— Доротея Аркадьевна, что-то случилось? Вы на меня сердитесь? Вас же Надежда Викторовна должна была предупредить, что мы с Максимом и одноклассниками на вечеринке допоздна будем.

Она бросает кисть и поворачивается ко мне. Кусает губы.

— Я злюсь на тебя, но чисто для профилактики. Мне Надя вчера около одиннадцати позвонила, хотя ты и сама могла бы потрудиться.

А зачем тогда про морги и больницы нагнетать было?

— А что тогда?

— А то ты не знаешь? Поэтому небось и пошла вчера куролесить. Я ж не дура. Все понимаю. — она по-старчески вздыхает. — Гришка мой на своей стерве жениться собрался. Позвонил мне сейчас, про тебя спрашивал. Балбес. Что сын, что внук. — на мгновение мне кажется, что она сейчас заплачет. Ее выцветшие глаза кажутся совсем прозрачными. Мне бы очень не хотелось видеть ее слезы. Я ощущаю бессилие, когда стойкие духом люди плачут.

— Да, я знаю. — внутри пусто. Сдохла надежда, и куколочки вымерли, не успев превратиться в бабочек.

Я, правда, перестала надеяться. Гриша сегодня мне в этом помог. Я знаю, что люди не

всегда поступают красиво. Это нормально. На то мы и люди. Но Гриша перешел черту. Мешать себя с грязью я не позволю, чтобы я к нему не испытывала. Бабушка Тая говорила: «Я землю жрать буду, но против себя не пойду». Хорошо бы, если бы мне передалась ее сила духа, потому что, когда Гриша прижимал меня к стенке, я на секунду почувствовала желание. И мне казалось, что он — тоже. Вот такая я противоречивая натура.

Дора снова берется за кисть и начинает фигачить ей по холсту, рискуя проделать в нем дыру.

Когда я еду к отцу в офис, мне приходит сообщение Лебедева с местом празднования. Он выбрал «Мяту» — мажорское место. Я там не была, но видела в интернете фотографии. У них потрясающая площадка на крыше со стеклянным куполом. Оттуда явно открывается потрясающий вид на город. Следом мне приходит сообщение от Киры: «*Чтобы две недели отработала. Ты договор подписала. А потом вали на все четыре стороны.*» Вот сучка. Значит Гриша и с ней уже связался. Что-то он для новоиспеченного жениха проявляет слишком много активности в мою сторону.

Офис родителей находится в центре. Здесь собрались современные офисные здания и дорогие бутики. Здравуюсь с охранником на входе. Он пропускает меня через турникет. Поднимаюсь на десятый этаж. В лифте ужасно нервничаю. Я не могу предугадать, в каком направлении пойдет наш разговор. Получится ли он вообще. Мы могли нормально общаться, когда я подчинялась и соглашалась. Бунт вызвал у отца бурю эмоций.

Вспоминаю его фотографию из семейного альбома. На полароидном снимке отцу примерно столько же, сколько мне сейчас. На рубашку одета олимпийка, которая была, наверное, у большинства пацанов. У него красивая густая, челка и синие глаза. Он улыбается, за ухом сигарета. На заднем фоне цветет вишня. От фотографии веет молодостью и надеждой, что мир подарит ему все, что он только пожелает.

Мать Гриши говорила, что они стали встречаться в старших классах. Почему расстались. Родители поженились довольно поздно по тем временам. Через несколько лет после университета.

Двери лифта разъезжаются. Я делаю глубокий вдох и иду напрямиком к кабинету отца. В приемной меня приветствует Елена Алексеевна.

— Добрый день, Верочка! Хотите чай или кофе?

— Здравствуйте! — с моего последнего визита в приемной обновили мебель. — Нет, спасибо. Отец у себя?

— Да, Андрей Юрьевич ждет Вас. Проходите.

Отец сидит за большим столом, обложенный бумагами. Позади него шкаф, набитый делами. На нем серая водолазка и очки без оправы. Пиджак, темнее на несколько тонов, он повесил на спинку стула. В этом году у него юбилей — сорок пять лет. Вспоминаю Нину и снова не понимаю, как он мог променять маму на нее.

— Привет. — прочищаю горло и здороваюсь повторно. — Привет, пап! — обращение дается мне с трудом. Мы не виделись примерно полтора месяца, а кажется — целую вечность.

— Привет. — он отрывается от бумаг, задерживает взгляд на челке, но никак ее не комментирует. — Ты опоздала.

— Да, а ты заранее не договорился со мной о встрече.

Занимаю кресло напротив него. С отцом договариваюсь о встрече, как будто мы деловые партнеры. Мне трудно смотреть ему в глаза. Сама не понимаю почему. Взгляд

блуждает по кабинету. Отец молчит.

— О чем ты хотел поговорить?

— Мы со Светой разводимся. — он складывает руки перед собой. — Я не живу дома. Заканчивай валять дурака и возвращайся. Я знаю, где ты живешь и чем занимаешься. Это полный бред. Тебе нужно учиться, чтобы закончить университет. Красного диплома я уже не жду от тебя.

Мозг хаотично обрабатывает сказанное. Он сошелся с Ниной, потому что развод был ее условием. Ему все также плевать чего хочу я. И он совсем в меня не верит. Неважно, что сейчас он говорит со мной спокойно, даже уважительно. Исходные данные остаются прежними. Меня оглушает, волнение уходит.

— Я знаю, мне мама сказала. Пап, а ты не хочешь извиниться?

— За что? За то, что ты полезла в мои дела? — он встает и отходит к окну.

Я складываю руки на коленях.

— Пап, ты меня совсем не любишь? — во мне что-то кричит и бьется в агонии.

— Вера, ну что ты глупости спрашиваешь. — он снова садится за стол и берет телефон в руки.

— Ты никогда не думал, что твой контроль сломал меня? Теперь я не способна быть счастливой. Я так привыкла к давлению и обесцениванию, что даже не знаю, как это.

— Ну давай, вали все на меня. — он начинает злиться. — Радовалась бы. Кто в твоём возрасте понимает, что ему надо? Я заботился о тебе. — он что-то печатает в телефоне.

— Ты опекал. — делаю новую попытку достучаться до него. — Забота — это когда ты делаешь, как тебя просят. Помогаешь, когда просят. А опека — это когда ты делаешь, как считаешь нужным. Заметь, ты, а не я.

— Вера, давай короче. — небрежно отмахивается. — Будут свои дети, тогда поймешь, как это. На словах вы все зумеры умные. У меня встреча через час. Не глупи и возвращайся домой. — он кладет передо мной карту.

— Это все?

— Ну ты не видишь, что ли. — он обводит рукой стол, заваленный бумагами.

Я забираю карту. Смысл показывать характер? Я поняла, что он просто никогда меня не поймет, как не понимают друг друга иностранцы, говорящие на разных языках. Он любит меня по-своему, но этот формат любви мне не очень подходит. Смотрю на папу, он снова погрузился в бумаги. Рассматриваю его руки, нос, щеки, глаза, скользящие по строчкам. Сказать, что мне сейчас больно — ничего не сказать. Прозрение редко бывает приятным.

— Пока, папа. — наверное, нам лучше пока не общаться.

Куплю Максиму нормальный подарок в благодарность за его рыцарский поступок. Бреду по коридору. Мимо мелькают лица, где-то работает принтер, пахнет кофе. Ноги сами несут меня к маминему кабинету. Дергаю дверь с табличкой «Маслова Светлана Ивановна». Закрыто.

— А Светланы Ивановны вот уже неделю нет в офисе. — окликает меня совсем юная девочка в белой рубашке, наверное, стажерка.

— Она что-то говорила? Может командировка? — обращаюсь к ней.

— Вряд-ли. — она понижает голос. — Поговаривают, она свою часть фирмы Андрей Юрьевичу продает.

Сплетница. Она даже не знает меня, а выкладывает все как на ладони.

— Спасибо.

Спускаюсь вниз. На душе стало легче. Мне еще понадобится время, чтобы принять данность, что отец никогда не будет любить меня так, как я этого хочу. Нужно время, чтобы переболеть. Но потом должно стать легче, как после любого заболевания.

Если бы не Аня, то я бы, наверное, сдохла в токсичной обстановке бара. Узнав, я что я ухожу, на меня по неведомой причине ополчилась половина коллектива, и я резко перестала быть своей.

Из мужской половины ко мне продолжали хорошо относиться Илья и, наливший мне бесплатно текилу, Артем. Паша постоянно отпускал идиотские комментарии и норовил поржать. На меня скидывалась вся неприятная работа, вроде чистки гриля или сортировки мусора.

Уходит человек и уходит, смысл докапываться?

Кира стала еще ядовитее. Мы столкнулись в коридоре. Я вышла из раздевалки, а она раскладывала вещи в кабинете. Ремонт почти закончился. На днях грузчики привезли большой шкаф и стеклянный стол. Увидев меня, она вышла и беззаботно бросила:

— Я же говорила, что долго ты здесь не протянешь, крошка. — удовлетворенно улыбнулась уголками губ.

Я так устала за смену, что сделала первое что пришло на ум, когда она заговорила дальше: закрыла уши и начала громко голосить попсовую песенку про телок и тачки. Она ошарашенно посмотрела на меня и снова скрылась в кабинете. Опустив руки, я продолжила напевать, но уже на порядок тише. «Прорвемся, Вера Андреевна», — подумала я в веселом отчаянии.

Смена почти закончилась. В зале осталось несколько человек. Коридор пуст. Я раскинула руки в стороны и пританцовывая направилась на кухню. Мне уже выплатили чаевые за эти несколько дней, которым я веду обратный отсчет.

Еще десять дней — и я свободна.

На счет Доры я пока так и не приняла решения. С одной стороны, я к ней привязалась, а с другой, остаться у нее — значит, время от времени видеть Гришу, а я хочу вычеркнуть его из своей жизни.

Спиной открываю дверь на кухню и развернувшись, врезаюсь в Гришу. Он сменил одеколон. Этот аромат тяжелее. Он бы подошел взрослому мужчине, лет за пятьдесят.

— Я смотрю тебе весело? — насмешливо выгибает бровь.

Что он здесь забыл? Сегодня не его смена. На кухне мы одни. Юра пошел выносить мусор, а Илья уже ушел. У него завтра утром экзамен по вождению. На меня Юра снова по-свински скинул мытье духовки. Обычно это делается согласно графику.

— А я что плакать должна, что ты всем растрепал, что я ухожу? — отступаю, но Гриша берет меня за плечи и тянет к себе. Упираюсь ему в грудь. Кашемировый свитер обволакивает пальцы. Гриша выглядит уставшим несмотря на то, что последние несколько дней не появлялся на работе. Он постригся. Волосы стали совсем короткие, делая его подбородок еще тяжелее.

— Я ничего никому не говорил. — отвечает раздраженно, как будто готовится защищаться.

«Кроме Кире», — добавляю про себя.

— Хорошо, не говорил. Отпусти меня. Я домой хочу. — дергаю плечом.

В этот момент он меня раздражает. Ужасно бесит. Последние дни меня выводит из себя любая мелочь: уехавший из под носа автобус, очередь в магазине, сосущаяся в метро

парочка.

Почему нельзя дать мне уволиться без отработки? Что за глупая упертость? С персоналом проблем нет. За последний месяц Кира прекрасно укомплектовала команду.

— Я подвезу тебя. — он смотрит серьезно, опустив руки. Гриша вообще сильно изменился с нашей первой встречи. В его движениях появилось напряжение и скованность.

— Не-а, мы все это уже проходили. — грустно улыбаюсь и натягиваю перчатки. — Спасибо, больше не надо.

Беру моющее средство и принимаюсь за работу. Жир въелся в стенки и дно, как будто духовку не мыли лет сто.

— Иди домой. — Гриша подходит ко мне и смотрит сверху вниз. — Юра все доделает.

— Отлично, спасибо. — поднимаюсь, снимаю перчатки и бросаю их на металлическую поверхность.

Гриша предпринимает новую попытку и подходит так плотно, как могут себе позволить только близкие люди. Заглядывает в глаза. В них сожаление и майская зелень.

— Мне жаль, что я сорвался. — опускает глаза. — Прости, что я наговорил тебе тогда. Я ревновал. Страшно. — ведет ладонями по шее к подбородку, очерчивает линию губ. Его пальцы пахнут табаком мылом.

Прикрываю глаза, на секунду утонув в ощущениях, а потом отстраняюсь.

— Ты сделал свой выбор. — опускаю голову. Челка рассыпается, пряча меня от его взгляда.

— Ты сама проявила ко мне интерес. — Гришин голос звучит осуждающе, ладони скользят выше, пока не теряются в растрепанной косе.

— Да, потому что повелась на твою доброту и отзывчивость. Дура. — сердце тарабанит о ребра.

— Я больше, чем доброта и отзывчивость. — он смотрит так ласково, что мне больно. Притягивает к себе и выдыхает в волосы. — Я поговорю с Ксюшей. Дай мне шанс. Пожалуйста. — гладит меня по волосам, как это делал папа в детстве, портя только что сделанный хвостик.

Чувствую его губы в районе виска и снова прикрываю глаза. Гриша целует скулу, щеку, уголок губ, оставляя влажный след. У него горячие губы и колючие щеки. Сжимаю его плечи и встав на цыпочки, поддаюсь вверх, как кошка жаждущая ласки.

Хлопает дверь. На кухню возвращается Юра. Я резко отстраняюсь и выхожу из кухни.

На День рождения Макса я собираюсь почти с наслаждением. Меня по-настоящему вымотали последние дни. На работе я почти все время в мыле и по уши в грязной посуде. Помимо работы приходилось много учить. Программа стала сложнее, появилось больше профильных предметов.

Я не видела смысла в обучении, и от того, учеба давалась с двойным трудом. Конечно, я могла бы хоть сейчас вернуться домой, но мне не позволяла гордость, а еще не хотелось видеть последствия неудачи двадцатилетней жизни моих родителей. Я внутренне не готова видеть руины их доверия и уважения.

Смотрю на свое отражение и чувствую удовлетворение. Я купила изумрудное платье. Ладони скользят по струящемуся материалу, когда я провожу по бедрам. Я долго возилась с укладкой, и оно того стоило. Важно не переусердствовать в этом деле, оставив место легкой небрежности.

Заглядываю в гостиную. Она пачкает очередной холст. Я вижу, что она переживает из-за Гриши. О нашем с ним последнем разговоре, я, конечно, умалчиваю. Я не верю ему, как бы мне не хотелось.

— Доротея Аркадьевна, — окликаю ее. — Буду поздно, не переживайте. — Она даже не смотрит на меня. Бурчит что-то себе поднос и продолжает мешать цвета в палитре.

Надеваю пальто, беру шарф и спускаюсь вниз. До «Мяты» сегодня добираюсь по-царски — на такси. Мы попадаем в пробку, поэтому приезжаю на место с получасовым опозданием. Расплачиваюсь и выхожу в февральскую стужу.

Прозрачная высотка расположена в тусовочной части города. Здесь расположилась вереница баров, клубов, ресторанов, гостиниц и развлекательных центров. Несмотря на холод, на улице царит субботняя атмосфера: бродят парочки, раздаются вспышки смеха, паркуются такси. Спешу ко входу. Сжимаю в руке фирменный пакет брендового магазина. Я купила Максу футболку для тренировок и парфюм. Я видела флакон у него в ванной, поэтому решила взять ту же марку, но другой аромат: более повседневный.

Мята занимает два верхних этажа. Макс снял для вечеринки смотровую площадку под стеклянным куполом. Туда я и направляюсь. Захожу в прозрачный лифт, как в лучших традициях бизнес-центров. Почему-то меня охватывает нервозность, она смешивается с предвкушением праздника. Сердце взволнованно ухает в груди. Смотрю в зеркало. Плотный консилер прекрасно скрыл круги под глазами, а румяна придали девической свежести и кокетства.

Преступаю с ноги на ногу. Двери лифта распахиваются. Иду по коридору в поисках входа. Каблуки звонко стучат о напольную плитку, разнося эхо по этажу. Ориентируюсь на звуки музыки. Играет фонк, придавая вечеринке клубного налета.

Меня встречает улыбчивая девушка-администратор в синем платье-футляре, помогает снять пальто и указывает на столик, куда можно определить подарок. От бара тут же отделяется Макс, как будто все это время только и ждал моего появления. Он пританцовывает с бокалом виски и идет ко мне навстречу.

Выглядит Макс просто замечательно: черная водолазка и брюки. Просто и стильно. Я уже давно заметила, что он любит минимализм. Яркие цвета и принты — не про него. Волосы уложены назад, делая его старше.

— Привет, Маслова. Рад, что ты все-таки пришла. Я, честно говоря, сомневался. — он отставляет бокал на столик для подарков и притягивает меня к себе жестом собственника, обдавая уже знакомым ароматом.

Утыкаюсь носом ему в грудь. Сегодня его день, поэтому послушно обвиваю его талию руками. Водолазка колет щеку, приглушая суетливые удары его сердца.

Постояв так какое-то время под взглядом девушки в синем платье, я отстраняюсь. Осматриваю его грудь, не испачкала ли я его косметикой.

— С Днем рождения Лебедев, — пододвигаю ему пакет, — желаю стать тебе хорошим юристом и быть счастливым. Только, пожалуйста, не защищай всяких мудаков. — улыбаюсь, тему любви намеренно игнорирую. Мне очень хочется, чтобы подарок ему понравился.

— Спасибо. — Макс улыбается в ответ и лезет в пакет.

Пока он увлечен подарком, я осматриваюсь.

Название отражается только в мятном цвете танцпола и фирменном напитке со вкусом мяты. Слева бар и угол с кожаными диванами. По центру на небольшом подиуме играет диджей — девушка в кислотной футболке. Справа несколько столиков с видом на ночной город. Здесь тепло, но пахнет морозной свежестью. Приятная, ламповая обстановка.

Не знаю, как чистится купол, но на нем ни намек на снег. Если задрать голову и взглянуться в небо, можно увидеть пару сиротливых звезд на небе.

Смотрю на Макса. Он натягивает футболку прямо поверх водолазки. Проводит руками по груди.

— Спасибо. — снова благодарит и целует меня в щеку. Сегодня он бессовестно пользуется тем, что он именинник.

Делает приглашающий жест рукой, и мы проходим через танцпол к уголку с диванами. Людей немного. Олег с Ритой, Логунов, светленькая девочка с парнем — двоюродная сестра Макса и несколько парней со спортклуба. Насти Усмановой нет. Слава Богу. Не будет во мне дыру сверлить.

— О, расхитительница самбуки пришла. Ритка, прячь стопки, а то она опять на тебя нападет! — весело орет Логунов.

— Мне не жалко. — отвечает Рита, поправляя бретельку платья, — но вот если она опять захочет послушать Асти, то у девчули за пультом нет шанса. — смешно морщит нос.

Я ржу. Не смеюсь, как полагается девушке, а ржу. Потому что с первых минут чувствую себя в безопасности. Чувство принятия похоже на согревающую щекотку в груди. Его трудно спутать с чем-то другим.

Закончив смеяться, здороваюсь и с удовольствием плюхаюсь на диван. Я не привыкла ходить на высоких каблуках. Это был явно неудачный выбор.

Незаметный официант приносит новую порцию напитков, и мы дружно пьем за Макса. За его здоровье, потом за счастье, дружбу и хороший секс. Последний тост предлагает яркий парень, с которым Макс играет в волейбол. Я смущаюсь. Пытаюсь скрыть волнение за бокалом с шампанским.

Быстро нахожу общий язык с Ритой. Алена слишком занята своим парнем. Кажется, что для них мало существует окружающая реальность. Больше девчонок кроме диджея и персонала здесь нет.

На алкоголь не налегаю, с удовольствием пробую закуски и десерты. Парни много танцуют и прыгают в обнимку. Это выглядит трогательно. Очевидно, что Макс позвал только тех, с кем действительно хочет провести этот вечер.

Подхожу к стеклу вплотную. Сердце замирает от страха и восторга. Кажется, сделай шаг и полетишь вниз. Город выглядит отсюда совсем маленьким, легко поместиться на ладони.

— Красиво. Да? — рядом появляется Макс.

— Не то слово. Спасибо за приглашение. — поворачиваю голову. Он смотрит, как человек срывающий щит с груди — кристально-чистыми глазами, искренне, ничего не тая. Зрачки расширены. Волосы снова растрепались. Он выпил прилично, но держится бодряком.

В голове проносится: «Я люблю тебя, Вера, у тебя будет моя фамилия». И я снова смущаюсь. И он это видит. Перевожу взгляд на город и не знаю, что сказать.

— Потанцуешь со мной?

— Ну как тут отказаться? Ты же именинник.

Мы идем на танцпол. Музыка совсем не подходит для медленного танца. Рядом трясет дредами Рита, и смешно танцует парень в белом джемпере. Он постоянно подмигивает девушке за пультом.

Макс притягивает меня к себе, скользя рукой по спине. Я прикрываю глаза и переступаю с ноги на ногу в неудобных сапогах. Чувствую дыхание Макса на скуле. Он притягивает меня еще ближе.

Когда начинает играть новый бит, я отстраняюсь. Макс продолжает сжимать мою руку, лаская большим пальцем запястье. Поднимаю глаза. Его взгляд откровенный. Слишком. Он не подходит девятнадцатилетнему парню. Я пугаюсь этой откровенности. Едва не отступаю на каблуках.

Ближе к полуночи. Меня пробирает усталость. Я решаю, что положенное время я здесь провела. Было хорошо, но я хочу домой. Смотреть по-старчески телевизор и принять горячий душ. Нужно попрощаться, но Макс разговаривает с девушкой-администратором, поэтому я решаю не мешать и уйти по-английски.

Осторожно забираю сумочку и пальто. Выхожу в коридор и вызываю лифт.

— Уже уходишь? — голос Лебедева звучит осуждающе.

— Пойду, поздно уже. — поворачиваюсь к нему и извиняюще улыбаюсь. Он стоит посреди коридора. Взгляд растерянный. — Еще раз с Днем рождения.

— Мы еще в боулинг хотим, потом в клуб. Погнали вместе? — не обращает внимания на мои слова.

— Спасибо, но я устала. — захожу в лифт, собираясь помахать ему на прощание, но Макс заходит со мной. Он так и не снял футболку.

— Я провожу. — стоит напротив, сунув руки в карманы.

Не знаю куда смотреть. Взгляд хаотично носится по стенам лифта, отражению в зеркале и его плечам. Выше я смотреть не решаюсь.

«Господи, да давай ты уже ползи быстрее!», — злюсь на ни в чем не повинный лифт.

И тут происходит то, чего я боялась, но ждала на протяжении всего праздника. Женщины всегда чувствуют такие вещи. Макс делает шаг ко мне. Он обхватывает металлические перила по обе стороны от меня и стремительно наклоняется к лицу. Не целует. Скользит носом по щеке, вызывая мурашки.

— Ты такая красивая. Знаешь какая у тебя походка. — шепчет, обдавая дыханием виски. — Она сводит с ума. Поехали ко мне, слышишь? Я сейчас что угодно готов сделать, чтобы ты согласилась. Я сдохнуть готов. — стягивает пальто с плеча и целует его через ткань платья.

Макс скользит ладонями по талии, ребрам, задевает грудь и гладит шею. У него ледяные

руки. Он переключается на шею. Покрывает ее поцелуями снизу вверх, до мочки уха. Шумно дышит. Если я опущу взгляд вниз, то увижу его возбуждение.

— Поехали ко мне. — повторяет снова.

Паника захлестывает меня с ног до головы. Теряюсь в ощущениях. Макс прижимает меня к себе. Почему первый секс — это так страшно. Неважно, сколько тебе лет.

Пульс стучит в голове, мешая думать. Макс заполняет собой все пространство вокруг. Чувствую только его руки и губы. Запах его парфюма не дает сделать вдох. Известная фраза гласит, что нужно бояться своих желаний. Месяц назад я мечтала хватать ртом запах парня — пожалуйста, как и заказывали. Правда, думала я в тот момент о другом.

Двери лифта разъезжаются. В холле ни души. Макс отступает на полшага и смотрит мне в глаза. Его взгляд затуманен. Словно под гипнозом, я киваю. Его кадык дергается, он берет меня за руку и тянет на выход.

— Макс, а куртка? — едва поспеваю за ним.

— Хрен с ней, Кир заберет.

Мы выскакиваем в морозную ночь. Ветер улегся. Снег скрипит под ногами.

Макс не успевает взмахнуть рукой, как перед нами останавливается такси. Он открывает передо мной дверь, и я ныряю в пахнувший синтетическим ароматизатором салон. Печка работает на полную. Чувствую, как горит лицо. Макс садится следом и называет адрес.

Мне очень стыдно перед водителем, периодически посматривающим в зеркало, потому что Лебедев набрасывается на мой рот. Он ныряет под полы расстёгнутого пальто и шарит руками по спине. Он жадный, нетерпеливый. Чувствую давление языка. Глажу руками его щеки, зарываюсь в волосы. Они мягкие, легко струятся сквозь пальцы. Привыкаю к его губам и смелее отвечаю на поцелуй.

Мелькающие фонари бросают желтый свет на его лицо. Ведомая ощущениями, слепо жмусь к нему. В голове пустота. Макс тихо стонет мне в губы, и это возбуждает.

Покашливание водителя возвращает нас в реальность. Лебедев достает телефон и расплывается с водителем. Выхожу, не дожидаясь его. Голая шея покрывается мурашками от холода. Я забыла шарф в «Мяте». Рассматриваю его дом, и мне становится еще страшнее. Хочется бежать, но одновременно с этим, хочется остаться.

Макс выходит из машины. Его глаза блестят, дыхание все еще прерывистое. Меня оставляют последние сомнения, и я следую за ним.

В квартире он снова целует меня. Сумочка кинематографично падает на пол, за ней пальто. Обувь мы неряшливо бросаем рядом с обувницей. Макс подхватывает меня под ягодицы. Я даже через ткань платья чувствую, какие у него холодные руки. Он замерз без куртки.

Преодолев коридор, он кладет меня на кровать. Синее покрывало пахнет, ставшим привычным, лавандовым ополаскивателем. Макс торопливо стягивает водолазку вместе с футболкой. Наблюдаю за ним. У него мужественное тело, контрастирующее с лицом мальчишки. Небольшая поросль волос на груди.

Поднимаюсь на локтях. Он становится одним коленом на край кровати и делает рывок ко мне. Между нашими лицами считанные миллиметры. Он рассматривает меня. Зрачки расширены, как у плотно сидящего на наркоте торчка.

Наверное, я красная. Часто дышу. Он снова целует меня, опуская на кровать. Руки ныряют под подол, скользят по тонким колготкам. Его губы требовательные. Комната

наполняется характерным звуком, который издают целующиеся парочки в общественных местах. Раньше это бесило меня, а теперь возбуждает.

— Я хочу тебя. — шепчет мне в губы.

Я сама это чувствую, и меня накрывает новый приступ паники. Всегда думала, что я смелее.

— Расстегни платье. — шепчу, чтобы пути назад уже не было.

Макс садиться на колени. Я неловко поворачиваюсь спиной, и он расстегивает молнию. Стягивает платье с плеч. Целует лопатки и позвоночник. От неожиданности дергаюсь. Он продолжает целовать, оставляя влажные следы.

На мне не сексуальное хлопковое белье разного цвета. Еще несколько часов назад я и допустить не могла, что вечер закончится вот так. Я и Макс.

Он помогает мне снять платье. Путаюсь в рукавах и отползаю к изголовью кровати. Под его взглядом стягиваю колготки. Есть ли в мире женщина, способная сделать это эротично?

Макс гладит пальцами ребра, целует живот.

Мои предплечья в мушашках. Жмурюсь и мну покрывало. Он стягивает через голову спортивный лифчик и целует грудь. Порочно обводит языком сосок, глядя мне в глаза. Отслеживает реакцию.

Меня пронзает удовольствие, вытесняя смущение. Страх мельтешит где-то на задворках сознания. Мне очень хорошо.

Отпускаю осточертевший контроль. Глажу его шею. Прижимаюсь всем телом. Трусь. Ерзаю.

Он приподнимается и тянется к тумбочке, достает презерватив. Открывает его зубами и стягивает брюки вместе с бельём.

Я современная девушка — знаю теорию, но мне совершенно незнакома практика. Не могу опустить взгляд и, уж тем более, дотронуться. Я не такая смелая и раскрепощенная, поэтому смотрю в окно на ночной город, слушаю рваное дыхание Макса и фиксирую собственное сердцебиение.

Не думала, что секс — это так цинично... и возбуждающе.

Когда он стягивает с меня трусы, хочется малодушно вцепиться в них. Выдыхаю и тут же тяну его на себя, чтобы не смущаться под его взглядом.

— Тише, тише. — улыбается мне в висок и ведет языком к мочке уха.

Целует ключицы и снова возвращается к груди. Я стону и бормочу что-то невнятное.

Макс резко входит.

Дура, нужно было предупредить. Низ живота пронзает боль. Не смертельно, но очень ощутимо.

Его слишком много. Макс везде. Сейчас он — воздух, небо, земля. Я теряюсь в пространстве. Существует только наше шумное дыхание и жадность его прикосновений. Инстинктивно обхватываю его ногами.

Я — неопытная девчонка, а Макс — мальчишка, дорвавшийся до тела.

— Медленнее, пожалуйста. — морщусь.

Он замирает. Приподнимается на локтях и заглядывает мне в глаза:

— Ты что, никогда не трахалась?

Боже, этот вопрос можно было задать тысячей разных способов, но он формулирует так пошло.

Прикрываю глаза.

«Представь себе, идиот», — думаю про себя. Мне стыдно озвучить очевидный ответ.

Он замедляется, целует шею. Но долго не выдерживает и ускоряется. Его несчастная кровать крипит и стучит о стену. Я громко стону, хватаю ртом воздух, бьюсь ему навстречу. Вцепляюсь в плечи.

Его тело сотрясает дрожь. Он сдавленно матерится. Часто дышит и убирает волосы с моего лица. А затем слизывает с виска капельку пота.

Живот тянет. Макс подключает руку, и я, наконец, испытываю такое желанное наслаждение. Мышцы расслабляются.

Он ложится на спину и притягивает меня к себе. Его грудь вздымается, как будто он пробежал марафон.

Макс гладит моё плечо, я в ответ обнимаю его. Он горячий и потный.

Тяну на себя край покрывала и вырубаясь. Сквозь сон слышу его шаги и звук льющейся воды в душе.

Просьпаюсь, накрытая мягким пледом. Голова болит от недосыпа. За окном еще темно. Макс спит в чёрных боксёрах на животе, смешно сплющив щеку и губы. Челка упала на лоб.

Улыбаюсь и рассматриваю его. Хочется провести пальцем по спинке носа, но я боюсь его разбудить.

Наши вещи разбросаны по комнате, как в лучших ромкомах.

На носочках иду в душ, забирая на ходу свое белье и платье.

Достаю из сумки телефон. Время — шесть тридцать. На дисплее висит осуждающее сообщение от Доры:

«Если ты жива — то я тебя убью. Предупредить нельзя, что по мужикам пошла? Вот родители тебе в свое время мало по жопе давали.»

Сдавленно хрюкаю в кулак и иду в ванную. Я была уверена, что ей не до меня с Гришиной помолвкой. Меня удивляет, что за вчерашний вечер я ни разу о нем не подумала.

Несмотря на головную боль, у меня отличное настроение. Живот почти прошёл, даже не придётся шарить по кухне Лебедева в поисках обезболивающего. Мы классно провели ночь. Макс можно довериться, он страстный и нежный.

Моя щётка так и стоит в прозрачном стакане. Макс её не выбросил. Наверное, забыл.

В ванной чисто, только заляпано зеркало и презерватив, завязанный узлом, лежит в мусорке.

Принимаю душ, надеваю помятое платье. Долго отмываю вчерашний макияж. Собираю волосы в хвост, чёлку закалываю невидимками. Без укладки она не желает лежать и топорщится пятерней.

Тихо возвращаюсь в комнату. Надеваю колготки. Сажусь на край кровати и снова разглядываю Макса. Я собираюсь уйти не попрощавшись. Не хочу вопросов и обсуждений. Не хочу оправдываться и обсуждать произошедшее между нами. Нам было хорошо, и этого достаточно.

О лучшем первом разе я и мечтать не могла.

Ему тоже понравилось. Об этом говорили его нетерпеливые толчки. То, как хаотично он гладил мои икры, сжимал бедра и грудь. Его тихие стоны после оргазма.

Собираюсь встать, но Макс нарушает мои планы. Он резко открывает глаза и дергает меня на себя. Я вскрикиваю от неожиданности.

У него утренний стояк. Опускаю глаза на его боксёры и моментально краснею. Можно даже не смотреть в зеркало. Щеки и уши горят.

Он видит это и специально трется об меня. Засранец. Улыбается и целует, схватив за задницу. От него все ещё слабо пахнет гелем для душа. Взгляд сонный.

Отвечаю на поцелуй, оперевшись ладонями в грудь. Он целует игриво, неспешно, сонно. Отрываюсь от его губ и перевожу взгляд на покрывало рядом. Там красуется свидетельство моего вступления в половую жизнь.

— Я должна тебе химчистку. — прикрываю улыбкой неловкость.

— Брось, — сияет как самовар. Конечно, добился своего. — Брошу в машинку и норм.

Он скользит взглядом по лицу. Наматывает на палец мои волосы и спрашивает:

— Ты как? — мы оба понимаем, о чем он.

— Отлично. Ты был на высоте. — Макс понимает, что я отшучиваюсь, но все равно

довольно улыбается — самомнящее существо.

У него хриплый голос со сна и припухшие губы. Не понимая зачем, я прикасаюсь к ним подушечкой пальца. Его зрачки расширяются, он медленно задирает подол платья.

— Лебедев. — хлопаю его по рукам.

Он наигранно вздыхает и закидывает руки за голову. Я перекатываюсь на бок, а затем сажусь, поджав ноги.

— А ты чего так рано вскочила? — он смотрит в окно. — Темень же еще. Давай поспим, а потом поедим завтрак. А потом, — он делает многозначительную паузу, — я займусь ликвидацией твоей половой безграмотности. А завтра поедим к родителям. У нас запланирован чай с тортом. Все как полагается. — он переворачивается на бок и гладит мое колено. Понизив голос, продолжает. — Мне было охренительно вчера.

Опускаю глаза.

— Макс, ну ты же шутишь про родителей? Ты мне еще пожениться предложи. Ты же спишь со всеми подряд. Я — очередная галочка в списке. — все еще рассматриваю покрывало. Так проще сосредоточиться на своих мыслях и не видеть его реакции. — Зачем унижать друг друга?

— То есть, ты за меня все решила? — он вскакивает и натягивает серые штаны.

— А что, я что-то не так сказала? — стараюсь говорить спокойно. Мне так не хочется скандалить.

— А ты вчера, когда подо мной орала, не могла сразу свою позицию обозначить? — он раздувает ноздри. И продолжает тоненьким голосом, изображая меня. — Максик, это разовая акция. Потрахаемся и разбежимся.

— А я не пойму, чего ты злишься? Еще скажи, что ты встречаться со мной хочешь. — вскакиваю с кровати. — Ты с другими не так поступал? Георгиева три месяца рыдала и за тобой таскалась.

— Да при чем здесь другие! — он срывается на крик.

— Да при том! — ору в ответ. — Чем твой поступок по отношению к ним отличается от моего?

— Я им ничего не обещал! У нас с тобой другое!

— Да кто тебе сказал?! — хлопаю себя по бокам.

Я бью его словами наотмашь. Все вышло из-под контроля. Я не думала, что Макс, получив желаемое, воспримет все так серьезно. Магия вчерашней ночи развеялась, оставив после себя мусор и пожухлые блестки.

Делаю вдох и пытаюсь снова добиться его понимания. Он стоит ко мне спиной и смотрит в окно. Даже в полумраке комнаты я вижу, как напряжены его плечи. Руки вытянуты вдоль тела. Он напоминает натянутую струну.

— Макс, ты не любишь меня, потому что совсем не знаешь. Ты что-то сам себе нафантазировал и теперь злишься на меня. Почему нельзя быть в нормальных, приятельских отношениях? Мы вместе учимся, в конце концов. — говорю все это и ощущаю накачивающую безнадежность. Так было, когда я последний раз говорила с отцом.

Лебедев поворачивается. Я его не узнаю. Взгляд чужой, в нем ненависть и боль. А еще я вижу проблески обиды.

— Нет, дорогая, зря надеешься, друзьями мы с тобой не останемся. — он скалится, — Я предлагал тебе свою любовь, но она тебе на хрен не сдалась. Так что теперь не обессудь. У тебя получилось вытоптать мне всю душу. До тебя ни у кого не выходило. — он произносит

это, как потасканный жизнью взрослый, а не молодой парень.

Внутри все обрывается. Господи, ну что я за дура. Делаю шаг к нему на встречу. Он смотрит не в глаза, а прямо в душу. Я знаю, что за злостью скрывается боль и отчаяние.

— Прости. — пытаюсь дотронуться до его щеки.

— Пошла на хрен отсюда. — выговаривает по слогам, как будто я умственно отсталая.

Меня накрывает паника. Сердце подпрыгивает к горлу, срывается и летит вниз. Я понимаю его и сожалею. Меньше всего я хотела сделать ему больно. Я уверена, что лучше сразу расставить все точки над и. Мне нужна ясность. Мне тоже больно и страшно.

Что нас ждет с Максом? Месяц, два? А потом мы набьем оскомину друг другу.

Я продолжаю стоять столбом. Макс подходит ко мне вплотную.

— Не попадайся мне на пути, дорогая. — смотрит в глаза. У меня мороз по коже. В голове всплывают Дорины слова «... есть в нем мужская ярость». Она была права.

Макс толкает меня в плечо.

— Вали отсюда. — ноги приросли к полу. — Вали! — орет не своим голосом.

От страха я пячусь в коридор. Натягиваю пальто. Хватаю телефон и сумочку. Перед тем, как выскочить за дверь слышу грохот и звук бьющегося стекла.

Захлопываю дверь и сталкиваюсь с пожилой женщиной из соседней квартиры. Она ведет на прогулку шпица.

— У вас ночью было шумно. — она осуждающе качает головой.

— Извините. — бормочу тихо и бегу вниз по лестнице.

По щекам текут слезы. Грудь сдавило так, что я не могу дышать. Не могу себя контролировать, громко всхлипываю. Хвост от ветра хлещет меня по лицу. Запахиваю пальто и бреду к остановке.

Неделю спустя.

— Максим снова тусу за городом устраивает. — обсуждают девчонки в раздевалке. — Пойдем? Скучно точно не будет.

— Он вроде с Настей сейчас. — отвечает невпопад Диана, стягивает свитер, демонстрируя леопардовый лифчик.

— Я тебя умоляю. — хмыкает Оксана. — Он с ней пару раз зажёг и все. Это же Лебедев.

Завязываю шнурки на кроссовках и прислушиваюсь к их разговору. Мне не нравится небрежность в голосе Оксаны. Она сама бы не прочь, занять место в постели Макса, только ей точно не светит.

Я видела в соцсетях фотографии и видео с вечеринок. То Макс сосетя с какой-то блондинкой лет на десять старше его, то пьёт десять шотов на скорость с каким-то мужиком в кожаной жилетке на голое пузо.

Он выбрал примитивный способ забыться. Не думала, что его так ранит произошедшее между нами.

На занятиях он появлялся исправно, меня игнорировал или смотрел как на кровного врага. У него, оказывается, тяжёлый взгляд, выносить который не так-то просто.

Оксана натягивает леггинсы, и они идут в зал. Сегодня у нас отдельное занятие. Парни играют в баскетбол, готовясь к соревнованиям, а мы занимаемся в тренажёрном зале.

Последней выхожу из раздевалки. На ходу собираю волосы в пучок.

— Маслова! — поворачиваюсь.

Ко мне быстрым шагом идёт Кирилл Логунов. Его оклик проносится эхом по пустынному коридору. Останавливаюсь и жду его.

— Что у вас с Максом произошло? — он широко расставляет ноги, вцепившись в меня взглядом.

Я вопросительно поднимаю брови.

— В смысле?

— В прямом. Дурочку из себя не строй. А то я не знаю, что он из-за тебя на тренировки не ходит и бухает. Мы с Олегом задолбались, его из клубов в хлам выносить.

— Логунов, от меня ты что хочешь? Я ему мать, что-ли? — злюсь, не понимая смысла этого разговора. — Могу номер Надежды Викторовны дать.

— Ты его кошмарить завязывай. — злится Кирилл. — Либо встречался с ним, либо не лезь.

— Я к нему не лезу. А ты не лезь ко мне, хорошо? — разворачиваюсь и иду в сторону зала.

— Дура, он тебя любит! — кричит мне вслед.

— Сам дурак! — бросаю, не глядя на него.

Я не знаю, что мне делать. Макс же не маленький, перебесится.

Хотя, признаюсь, когда я увидела, как перегидрольная лижется с Максом, в груди неприятно кольнуло. Очень захотелось приложить её мордой о стол.

В зал можно попасть только перейдя баскетбольное поле. Игра уже началась. Кирилл заходит следом за мной.

Макс в белой футболке стучит мячом о пол и пасаует Олегу. Отбегает вперёд,

освобождая ему дорогу. Наши взгляды пересекаются.

«Какая же ты дрянь, Маслова», — читается в его глазах. Эта фраза звучит его голосом в голове. Следом в памяти воскресает рука, сжимающая моё голое бедро. У него белая кожа и вздутые вены. Синее покрывало. Он зубами, бесконечно порочно, открывает презерватив.

Из воспоминаний меня вырывает удар. Я едва не падаю. Не сразу понимаю, что произошло. Плечо ноет.

— Олег, я тебе башку оторву! — рявкает Макс.

— Сорян. — кричит Митрошенко. Злорадно смотрит на меня. — Брось мяч, Маслова. будь другом.

— Да пошёл ты! — огрызаюсь в ответ и тру плечо.

Будет огромный синяк. Козел. Пинаю мяч и иду дальше. Ещё один защитник нашелся.

Физрук появляется в зале и свистит:

— Чего замерли! Спать дома будете!

— Доча, возвращайся домой. Я буду рада. Посмотрим вместе «Десятое королевство» и будем есть пиццу.

— Я подумаю, мамуль. — перед глазами тут же встаёт картина, как мама одиноко бродит по огромному дому. Заплаканная и исхудавшая. — Мне пора. Я тебя завтра по видео наберу, хорошо?

— Хорошо. Целую.

— И я тебя.

Мне очень хочется вернуться к маме, но я не знаю, как уйти от Доры. Я привязалась к ней. Получила от неё такое долгожданное внимание и неподдельный интерес к своей жизни. Она заполнила в душе дыру, забрав ощущение ненужности. Последнее время она даже перестала слушать по утрам оперу. Принесла мне кучу советских учебников по юриспруденции. Понятия не имею, где она их нашла.

Убираю телефон в рюкзак. Аня завязывает черный фартук.

— Точно решила уходить? Чаевые хорошие и график для студента идеальный. Ну и пофиг, что на кухне. Оставайся, Вер. — моет руки и смотрит на меня в зеркало.

— Нет, Ань. Я решила. Мне ещё четыре смены отработать и все. — конечно, она не знает истинной причины моего ухода.

В ответ она вздыхает.

— Может хоть кофе вместе попьём на неделе?

— Конечно. — улыбаюсь и иду на кухню.

Гриша с Юрой готовят первые заказы.

Илья режет лук. Перед ним стоит огромная кастрюля, уже заполненная наполовину. Он поднимает на меня полные слез глаза и делает страдальческую рожицу. Смеюсь и успокаивающе хлопаю его по плечу. Ловлю на себе Гришин взгляд. Выражение непонятное.

В ответ дурашливо делаю реверанс и приступаю к наполнению контейнеров с овощами.

Макс вытеснил мои страдания. Неужели мои чувства к Грише так быстро исчезли? Мне хватило месяца. Я была очарована его желанием помочь. Безвозмездно. Он действительно ничего не ждал в ответ.

Я уважаю его бабушку. Несмотря на внешнюю жёсткость, она душевный и ранимый человек, но, наверное, пришло время прощаться. Теперь я нужна маме. Представляю, как ей сейчас непросто.

Я убеждаю себя в том, что поступила правильно, прояснив все с Максом. Только тяжесть никуда не уходит. Говорят, что, если поступаешь правильно — обретаешь легкость. Врут.

Рядом появляется Гриша.

— Не так. — он забирает у меня нож. Наши ладони соприкасаются. Он придвигает к себе доску с перцем и показывает, как нужно резать.

Он стоит так близко, что я чувствую, исходящий от него запах лосьона после бритья.

«Зачем мне это, я уйду через несколько дней», — думаю про себя, но вслух ничего не говорю.

Он возвращает мне нож. Я пытаюсь повторить за ним. Ставлю пальцы, как он показал, и режу перец на небольшие кусочки. Чувствую на щеке его взгляд.

— Гриша! — на кухню заходит Кира и осекается, глядя на нас.

Он вытирает руки и идёт ей на встречу.

— Там Нина пришла. Мне заказ через кассу пробить?

Я напрягаюсь и продолжаю прислушиваться.

— Нет, не нужно. — Гриша смотрит в блокнот, а потом поворачивается к Юре. — Сделай рибай, овощи на гриле и двойной бургер. Вера, с тебя салат с оливками. Вино я сам принесу.

Я механически собираю салат. Слишком много еды на одного. Нина могла прийти с подругой, но я уверена, что ее сопровождение — мой отец.

Как только Гриша уходит из кухни, я несусь к маленькому окошку в двери, ведущей в зал.

Как я и думала. От этой картины неприятно ворочается сердце.

Нина стоит у бара в красном платье и черном пиджаке. Волосы выпрямлены и убраны назад, открывая крупные серьги. На ногах сапожки-чулки, визуальнo делающие её ноги короче. Все-таки у неё дерьмовый вкус.

Рядом стоит отец в черном костюме и очках в роговой оправе.

Они выглядят здесь инородным телами, не вписываясь в обстановку.

Гриша подходит к ним с бутылкой вина. Целует мать в щеку. Жмет руку моему отцу. Тот в ответ улыбается, что-то говорит и по-приятельски хлопает Гришу по плечу.

Стоп. Они что знакомы? Гриша знает, что он женат? Знает, что я его дочь? Вопросы хаотично кружат в голове.

Отец рассматривает бар, поворачивает голову и за секунду до того, как он увидит меня, я отскакиваю и приваливаюсь спиной к стене.

Мимо меня проходит Аня и забирает ароматный стейк и бургер с плавленым сыром.

Когда я снова выглядываю в зал, отец с Ниной уже сидят в углу на диване. Там, где сидел Лебедев с друзьями.

Гриша разливает вино по бокалом. Нина хохочет, откинув голову назад. Отец улыбается. В этот момент я снова думаю о маме. Она сейчас совсем одна в огромном доме, где никогда не было любви.

Чувствую исходящую изнутри горечь. Сжимаю кулаки. Решаю дождаться конца смены и вытрясти из Гриши всю душу.

Всю смену я словно на иголках. Злость затмевает разум, мешает работать. Я постоянно что-то роняю и не успеваю с заказами, поэтому получаю колкие комментарии от Юры и удивленные взгляды Гриши.

— Можешь, идти, — говорит мне около одиннадцати Гриша. — Мы с Ильей закончим и приберем.

Кухня работает еще час. У Юры сегодня короткая смена. К моей радости, он свалил еще в десятом часу.

— Нет, я останусь. Надо поговорить. — смотрю на него, сжав зубы.

Гриша напрягается, но не спорит.

Отец с Ниной давно ушли. Я слышала, как она причитала по поводу «восхитительно-приготовленного стейка».

В зале остался бармен и пара официантов. Аня тоже ушла готовиться к семинару. Она заскочила на кухню перед тем, как уходить и засунула мне в фартук пятьсот рублей.

— Ань, ты что, не надо. — шиплю на нее.

— У меня сегодня был хороший день и щедрые гости, — шепчет в ответ. — главное, чтобы во мне ночью не проснулась «шальная императрица», которая кучу фигни в интернете заказывает. — смеется Аня.

Но тут на кухню приперлась Кира и цыкнула на Аню, и она побежала переодеваться.

Сажусь на маленький стульчик. Ноги отваливаются. Я вынесла мусор и домыла рабочую поверхность.

— А я говорил, — смотрит на меня Гриша. — иди домой.

Поднимаю на него глаза и спрашиваю без лишних предисловий:

— Ты знаешь с кем приходила твоя мать?

— С твоим отцом. — он подходит ко мне, упираясь носками кед в мои тапочки. — Я, кстати, удивился, что ты не вышла поздороваться, хотя видела его.

Он что идиот? Не понимает меня?

— И как давно ты это знаешь? — смотрю снизу вверх.

— С посиделок у бабушки. Отец, услышав твою фамилию, сразу понял, чья ты дочь. — смотрит непонимающе, как будто я спрашиваю у него очевидные вещи.

В голове всплывает лицо Александра Федоровича: «Вера, напомните, как Вашк Фамилия...».

Теперь понятно откуда отец знает о месте моего проживания и подработке, а я-то думала, что он искал меня по своим каналам. А ему банально все рассказал Гриша.

— Гриш, а тебя не смущает, что мой отец женат? — поднимаюсь, упираясь взглядом ему в грудь.

— А почему меня должно это смущать? Они взрослые люди разберутся сами. Твой отец разводится. Они сейчас живут с мамой вместе. — он все еще не соображает, что я от него хочу. — Это обычная ситуация. Что здесь такого?

— Гриша, ты debil? — вскакиваю и толкаю его в грудь. Он оступает, не ожидая моего толчка, и отступает на несколько шагов.

Я не выдерживаю и повышаю голос:

— Ты себя слышишь вообще?! Твоя мать разрушила мою семью. Мою! Понимаешь? Она ведет себя как шлюха! — я хочу еще много чего сказать, но он хватает меня за горло. Не больно, но унизительно и шипит, приблизив лицо:

— Не смей ее так называть. Не смей. — выговаривает по слогам. — А ты была лучше, когда полезла ко мне, зная, что у меня есть девушка. Скажи, лучше? — последние слова он выговаривает почти мне в губы.

История в подъезде меня ничему не научила, потому что я отталкиваю его от себя и замахиваюсь, но Гриша успевает перехватить мою руку. — смотрит в глаза, а потом вгрызается в мои губы.

Я слышала, что ссора может перейти в секс, но никогда не думала, что это может произойти со мной.

Гриша отрывается от моих губ, толкает меня к островку по среди кухни и сажает на только что отмытую мной поверхность. Он вовсе не милый и бескорыстный парень, каким я считала его первые дни.

Я хватаю его за плечи. Он покрывает нетерпеливыми поцелуями мою шею. Я глажу в ответ его грудь. Часто дышу. Злость еще бурлит во мне и требует выхода, поэтому я яростно сжимаю его бедра коленями. Гриша ныряет ладонями под футболку и больно сжимает грудь.

— Нас могут увидеть. — шепчу ему на ухо и глажу волосы. Они другие: жесткие и

короткие. Их не получается пропустить через пальцы.

— Тебя тоже это заводит? — шепчет на ухо и прикусывает мочку уха. Колет щеку щетиной.

Когда он наваливается всем весом и тянется к пуговице на ширинке, я понимаю неправильность происходящего. Не потому, что не хочу быть похожей на Нину или думаю о Ксюше, а потому что Гриша ощущается мне чужим. Я не чувствую того, что ощущала рядом с Лебедевым. Нет его запаха, дыхания, прикосновений. Нет доверия. И вообще, это — не Макс. Меня пронзает насквозь эта мысль, причиняя боль. Что-то припоздало мое озарение.

— Гриша, не надо. Пожалуйста, не надо. — перехватываю его руки.

Поворачиваю голову, чувствуя легкое дуновение воздуха. Мне показалось или дверь, ведущая в зал качнулась?

Снова смотрю на Гришу. У него изумрудные глаза, в которых плещется непонимание.

— Ты чего? Ты же сама хотела. — он заправляет майку за пояс и непонимающе взъерошивает волосы,

— Ты поговорил с Ксюшей? — задаю вопрос из любопытства и вижу очевидный ответ. — Не надо было все это начинать. — сползаю по гладкой поверхности нержавеющей стали.

— Я не пойму, ты мне мстишь что ли? — злится он, понимая, что я не набиваю себе цену. — Ну и вали. — толкает ногой табурет, на котором сидела я.

— Пока. — толкаю дверь и выхожу из кухни.

Утро началось с ада, а точнее, с сообщения Вики:

«Не думала, что ты способна на такое. Ты знаешь, что Ксюха из-за тебя загремела в больницу?». Следом прикреплено фото: я сижу на кухонном островке, Гриша стоит между моих бедер и целует меня, зарывшись руками в растрепанный пучок. Я обнимаю его за плечи.

— Твою мать! — подскакиваю в постели.

Сон моментально слетает с меня. Приближаю снимок. Так и есть, судя по ракурсу, снимали около двери, ведущей в зал. И я, кажется, знаю кто это сделал. Хватило ночи, чтобы эта хрень разлетелась вокруг.

Сердце колотится, как будто у меня тахикардия. Набираю Викин номер. Слушаю гудки.

— Давай... — приговариваю вслух. — Викусь, бери трубку. Давай.

— Алло. — отвечает Вика, когда я уже собираюсь отключаться. Ее голос чужой.

— Вик, что случилось?

— Ты еще спрашиваешь? Фотки не хватило? Тебе разжевать? — ее голос звенит от возмущения. — Ты зажималась с чужим мужиком. Мало тебе пацанов вокруг? Вон Лебедев за тобой носится, но нет, тебе без пяти минут женатика подавай. У них свадьба на следующий год, ты не в курсе? Ну что, он тебя разложил на столе?

Мое сердце бьется где-то в горле. Во рту пересохло. Меня охватывает паника. Моя Вика не может такое говорить. Она мой близкий человек. Вика любит меня.

— Викусь, у нас ничего не было. — говорю тихо.

— Да? А фотки другое говорят. Ты знаешь, что Ксюха беременна: три недели. Ее Оля ночью в больницу отвезла. Они с Кирой всю ночь там проторчали!

Я хорошо знаю Вику. Она сейчас в ярости.

Значит, это все-таки была Кира. Вот сучка.

Я хожу по комнате. Внутри ворочается страх и вина. Как бы Ксюша меня не бесила — я боюсь, что с ней или ребенком может произойти что-то плохое.

Гриша знал? Нет, он на такое не способен. Господи, какой ужас. В груди холодно. Ставлю телефон на громкую связь и обнимаю себя руками.

— Я не знала, Вик. Мне так жаль. — не выдерживаю и плачу.

— Что тебе жаль? — продолжает добивать меня Вика. — А со мной бы ты так же поступила? Для тебя это нормально?

— Нет, конечно, ты же знаешь. Давай встретимся сегодня и спокойно поговорим. Выпьем кофе. — дышу и убеждаю себя, что все еще можно исправить. Мне ведь действительно ничего не нужно от Гриши.

— Маслова, ты дура? Какой на хрен кофе. У Ксюхи нервный срыв был, ты меня слышишь? Они с Олей уже платье подыскивали. Она планы строила, семью хотела. Чем ты лучше той, к кому ушел твой отец? — использует Вика запрещенный метод. — Я тебя видеть не хочу.

Она отключается. Я обнимаю руками колени и плачу, как маленькая, навзрыд. Внутри что-то мается и ноет.

Вспоминаю, как Вика перевелась в нашу школу. Как мы красились в туалете, а химичка потом орала на нас. Как Вика захлеб делилась со мной подробностями первого поцелуя со

старшеклассником с одиннадцатого «Б». Вспоминаю душевную тетю Леру с лучшими в мире пирожками и смешные усы дяди Васи. И снова плачу.

Самое горькое, что Вика не дала мне шанса. Она не посчитала нужным меня выслушать и перевесила всю вину на меня.

Смотрю на лысый парк и думаю, всегда виноваты двое, что в их отношения смог просочиться третий. Наверное, так было и с моими родителями.

В институт плетусь разбитой развалиной.

Очень хочу встретить Вику в коридоре и также сильно боюсь этого.

До лекции ещё пятнадцать минут. Я прихожу пораньше, чтобы Алевтина Ивановна не истерила и не цеплялась ко мне по привычке.

Захожу в старый зал с высоченными потолками и бесконечными рядами. Я всегда кажусь себе здесь песчинкой.

Половина студентов уже на месте. Кто-то уткнулся в телефон, кто-то просто болтает. Девчонки с параллельной группы смеются и бурно что-то обсуждают.

Я осознаю, что ищу глазами Макса. Он сидит с Кириллом и Настей на любимом месте — на галерке возле стены. Олега нет.

Макс в белой толстовке. Челка, как всегда, живёт своей жизнью.

Он смотрит прямо на меня. Наши взгляды схлестываются в поединке. Я не могу отвести глаз. Я не сражаюсь. Моя душа беззащитна перед ним. Жаль, что я осознала это так поздно, а он вовсе этого не понимает. Макс слишком далеко, чтобы я могла детально рассмотреть его лицо.

Он разворачивается всем корпусом к Насте, сгребает её в охапку и выразительно целует.

У меня ноет внутри. В носу начинает предательски щипать. Отворачиваюсь и достаю тетрадь из рюкзака.

Надеюсь, ему стало легче после этой выходки. Некрасиво использовать Настю. Вспоминаю, как она старалась в клубе произвести впечатление на Макса.

Чувствую себя бесконечно одинокой.

Когда я увидела отца с Ниной, то думала, что хуже уже точно не может быть, но я ошибалась.

Вика игнорирует мои сообщения. Гриша не отвечает на звонки.

С трудом отсиживаю лекцию. Семинар решаю прогулять. Не хочу сидеть с Максом в маленькой комнате. Сейчас он пытается нарочно причинить мне боль, чтобы я осознала, как ему плохо. Только это лишнее.

Находясь среди большого скопления людей, чувствую себя уязвимой.

Когда я выхожу в заснеженный двор, смартфон вибрирует в кармане пальто. Мне звонит Гриша.

— Слушаю.

— Я в сквере рядом с твоим институтом. — Гришин голос звучит глухо. — Сможешь подойти?

— Сейчас буду. — отвечаю, гадая что привело его сюда, и почему мы не могли поговорить по телефону.

Иду к аллее, ведущей в сквер. За последние пару дней сильно намело. Снег хрустит под ногами. По веткам голых деревьев скачут воробьи и галки.

В голове звенит Викин голос полный яда, а перед глазами — Макс, целующий Усманову. Что он чувствует, прикасаясь к ней? Чем пахнут её волосы? Сравнивает ли он нас? Наверняка, это ведь происходит непроизвольно.

Последние дни Настя много улыбалась и при любой возможности жалась к Лебедеву. В группе даже стали пошептываться, не встречаются ли они.

Подхожу к скамейкам, расположенным по кругу, и осматриваюсь. Замечаю Гришину машину на противоположной стороне улицы.

Он хлопает дверью и быстрым шагом пересекает дорогу, спеша в мою сторону. На нем чёрная шапка и короткая косуха, напоминающая дубленку. Небритые щеки, взгляд отсутствующий. Он выглядит измотанным, как будто эта ночь далась ему с трудом.

— Привет. — держится отстраненно.

— Привет. — продолжаю рассматривать его. — Мы здесь разговаривать будем? Может в кофейню зайдём? — в пешей доступности их здесь расположено с десятков.

— У меня мало времени. — он качает головой и достает из кармана пачку сигарет.

Молчит. Обводит глазами пространство вокруг. Гриша не подает вида, но я вижу, что он нервничает. Чувствую кожей напряжение, окутавшее нас. Прячу руки в карманы. Вокруг тихо, как будто мы находимся вдали от города. Мимо бредет сгорбленная старушка, замотанная в тёплый платок.

Наблюдаю за клубами дыма и решаюсь задать вопрос:

— Как она? — живот сводит от напряжения.

Боюсь услышать что-то вроде: «У неё открылось кровотечение на нервной почве. Или она потеряла ребёнка.» Не знаю, что именно грозит здоровью беременных в такой ситуации, но мне очень страшно. Незнание часто порождает страх.

Гриша вскидывает на меня глаза. Он мается от угрызений совести. Закусывает губы, трет подбородок большим пальцем.

— Ты уже знаешь. — выдыхает утвердительно и затягивается. — С ней все будет хорошо. И с ребёнком тоже. — кивает, как бы подтверждая свои слова.

— Я рада. — испытываю истинное облегчение. Расслабляю мышцы плеч. Кажется булыжник на себе таскала.

Топчусь на месте и не знаю что еще сказать. В чем смысл нашей встречи?

Зачем я хочу заполнить гнетущее молчание? Глупо все как-то вышло. Неловко и неуместно. Отличные слова, чтобы описать мою жизнь в общем.

Вспоминаю, как Гриша называл меня кошкой. Во мне все трепетало в эти моменты. Сейчас же вызывает только досаду.

Он отводит глаза в сторону и продолжает:

— Ксюша меня любит. Мы решили пожениться, несмотря на это недоразумение, и сохранить все, что пережили за пять лет. — его голос звучит тихо, но убедительно. Я интуитивно ожидаю, что последует за этой фразой. — Но у нее было условие: ты должна исчезнуть из моей жизни. — он смотрит на меня, выпускает последнюю струю дыма в сторону и бросает окурок под ноги.

Смотрю как он шипит на снегу, умирая. Из него высосали все, что он мог дать, и бросили на холодный снег.

Я не спрашиваю, любит ли Гриша её. Меня это больше не касается. Я чувствую боль и... смятение? Эта история стоила мне дружбы с Викой.

— Это значит, что я должна больше не появляться в ресторане, я правильно понимаю? — всматриваюсь в майскую зелень его глаз и ничего не вижу.

— И у бабушки тоже. — Гриша выглядит отстраненным, как будто не он вчера облизывал мою шею и ласкал языком нёбо. — Я обещал ей, Вер.

Молчу, перевариваю сказанное.

— Бабушка привязалась к тебе, я знаю, но так будет лучше.

«Для кого лучше?» — хочется спросить мне.

Гриша продолжает:

— Мы познакомились, когда у Ксюхи были большие проблемы с деньгами. Мы вместе пережили смерть её отца. Объездили полмира. Она скупала мне посуду и кулинарные книги. Верила, что я смогу заниматься любимым делом, и это будет нужно другим, не только мне. Понимаешь? — он подходит чуть ближе. — Я не хочу предавать ее.

На душе паршиво.

— Успеешь собраться за пару дней? Я позвонил сегодня в агентство. Они уже нашли пару кандидатур для бабушки.

«Как Дора будет без моих супов?» — проносится в голове.

Конечно, найдется хороший человек, кто не будет воровать её пудру и будет восторгаться ужасными картинками. Я уверена в этом, но мне все равно тоскливо.

Неприятно, что Дора будет ассоциироваться у меня с этой историей, оставившей горькое послевкусие.

Что я могу сказать Грише? Что она сама должна решать, кто будет работать на нее? Так я и сама не хочу его больше видеть. И маме я нужна. Ей сейчас плохо.

— Хорошо. — отвечаю наконец. — Я успею. Жду остаток денег на карту. Я могу не отрабатывать последние несколько смен, верно? — Гриша кивает и смотрит выжидающе, как будто пытается понять, что я чувствую.

Я не могу отказать себе в возможности высказаться:

— Твоя мать живёт с моим отцом, — произношу насмешливо, хотя мне бы хотелось говорить спокойно, — я никогда до конца не исчезну из твоей жизни. Ксюше придётся с этим смириться. Это Нина ворвалась туда, где ей были не рады. Я была бы счастлива, не знать вас. — он хмурится. — Прости, что очаровалась тобой тогда. Мы оба виноваты. Я надеюсь, что ты будешь хорошим отцом. Лучше, чем женихом. Прощай, Гриша. — хлопаю его по плечу и иду в сторону остановки.

— Вера! — оглядываюсь. — Мне жаль! — Гриша снова достал сигареты.

Сойдёт за извинение. Киваю и кричу в ответ.

— Вари Доротее Аркадьевне супы, ладно?

Он улыбается.

Выхожу на оживленный проспект. На душе пусто. Как большинству людей, мне трудно выдерживать неприятные эмоции. Пустоту тут же хочется чем-нибудь заполнить. Снова думаю о Максе.

Начинается снегопад. Крупные хлопья падают на тротуар, оседают на волосах, торчащих из-под капюшона пальто, и ресницах. Снег убаюкивает город, накрывая его одеялом.

Зайду я, пожалуй, в кофейню за рафом. Сойдёт, чтобы согреться.

— Ну и куда ты теперь? — спрашивает Дора, как будто я прибилась к ней с улицы, как бездомный щенок.

Она ходит вокруг меня, шурша платьем, пока я собираю вещи. Уже всю комнату задымила.

— Домой, Доротея Аркадьевна. — запихиваю пижаму в боковой карман сумки. — Прекратите курить, я Вас умоляю. Вы меня задушите своими сигаретами.

— Горя — идиота кусок. Все своими яйками испортил. — садится на мою кровать. — Вы с ним спали? — смотрит, приподняв бровь и игнорирует мою просьбу, продолжая курить.

— Господи, прекратите так говорить. Это ужасно. — морщусь и открываю окно, запуская холодный воздух в комнату. Смотрю на парк. Я буду скучать за этим видом.

— Вот где я теперь путную девку найду. Оставайся, а? — она делает жалобные глаза. — Я тебе платить больше буду. Сколько ты хочешь?

У меня рвётся сердце. Смотрю на ее сухие руки и выцветшие голубые глаза. Ощущение, как будто я бросаю свою родную бабушку на верную смерть. Старость — беззащитна.

— Доротея Аркадьевна, мы же с Вами все решили. — складываю скромный набор косметики в косметичку. — Гриша найдет Вам новую помощницу. Не переживайте. А если она Вам не понравится, Вы ее изживете. Я в Вас верю.

— Вот только не надо мне сейчас про Горю. — она сердито машет рукой, звякнув браслетами, хотя сама только что пыталась обсуждать со мной его гениталии. — Вот так просто возьмешь и вернёшься домой? Чтобы тебя потом тыкали, что ты не самостоятельная и ни на что не способная? — заходит с другой стороны эта манипуляторша.

— Возьму и вернусь. Тот, кто мог бы мне тыкать, теперь там не живёт. — пыхчу в ответ, пытаюсь застегнуть молнию сумки.

Картина, полученная в подарок от Доры, уже стоит запакованная на входе. Обязательно повешу ее у себя и буду пугаться, глядя на нее.

Беру сумку и выношу её в коридор. Осматриваюсь, как будто покидаю родные стены. Два месяца, проведённые здесь, пошли мне на пользу, но пора возвращаться.

— Давай, хоть кофе выпьем на дорожку. — грустно приговаривает Дора, следуя за мной.

Мы уютно устраивается на кухне напротив друг друга. Сегодня мы негласно решаем отбросить условности, вроде посиделок в гостинной.

За окном снова идет снег. Наблюдаю в окно за редкими прохожими. Дора сама решила накрыть на стол. Она выставила свои любимые, белые чашки, черный шоколад, свежий зефир и молоко. Это все куплено для меня, потому что сахар она не ест. Исключение — Гришины профитроли.

— Все-таки залетела вертихвостка от Гришки. Он поэтому и жениться решил. — наливает мне кофе.

— Он раньше ей предложение сделал. — подпираю щеку рукой, наблюдая за темной струйкой кофе.

Я, конечно, не сказала, что уйду, потому что так хочет Ксюша. Сказала, что нам было сложно с Гришей вместе работать, и я решила уйти. Не сошлись характерами, и все такое, но

Дора поняла, в чем причина. Если бы я не знала, что она работала на заводе, то решила бы, что она была следователем с ее наблюдательностью и чуйкой.

— Ой все! Не хочу о ней говорить.

— У Вас будет правнук. — пробую кофе. — Здорово ведь.

— Здорово. — соглашается со мной. — Или правнучка.

Меня уже ждет такси. Я шикую, как в старые добрые времена. Мама хотела сама приехать за мной, но я отказалась выдергивать ее из-за города. Последний раз мы виделись две недели назад, и я сильно соскучилась. Предвкушаю встречу с ней.

За расставаньем следует встреча, за встречей — расставанье. Придется смириться.

Дора неожиданно обнимает меня на прощанье. Я едва достаю ей до груди. Чувствую торчащие лопатки под тканью платья. От нее пахнет табаком и фруктовым шампунем. Осторожно отстраняюсь и глядя ей в глаза говорю:

— У Вас есть мой номер. Спасибо за все, Доротея Аркадьевна. — еще раз обвожу взглядом прихожую и подхватываю вещи.

— Береги себя, Вера. — улыбается печально и добавляет. — Не таскайся по мужикам и к Максиму присмотришься.

Киваю и улыбаюсь ей. Выхожу. Дверь за мной закрывается. На душе светло и печально. Спускаюсь по лестнице, вспоминая, как мы приехали сюда с Гришей первый раз. Я боялась зачета и снова отказала Максиму.

Я буду скучать за совместным просмотром документалок и ворчанию Доры.

Водитель забирает у меня сумку. Картину беру с собой в салон. Открываю дверь машины и поднимаю глаза. Дора стоит у кухонного окна. Машу ей и сажусь в машину.

Подхожу к Викиному подъезду. Сегодня воскресенье: буду надеяться, что она дома.

Вика продолжает игнорировать меня. Галочки, окрашенные в синий — единственная реакция, полученная мной за последние две недели.

— Кто? — отзывается домофон голосом тёти Леры.

— Тетя Лера, здравствуйте, это Вера. — немного наклоняюсь к домофону, чтобы ей было лучше слышно.

После небольшой паузы слышу писк, и тяну железную дверь на себя. Здравуюсь с соседом и взбегаю вверх по лестнице.

По обыкновению, дверь квартиры уже открыта. Тетя Лера стоит на пороге в махровом халате, на голове тюрбан из коричневого полотенца.

Вика скорее всего учится или смотрит сериал. Из квартиры пахнет борщом. Уютное, семейное воскресенье. Я хочу продолжать чувствовать принадлежность этому месту. Мне страшно, стать чужой.

Сердце сжимается от неизвестности.

— Здравствуйте! — снова приветствую тётю Леру и протягиваю ей золотой, подарочный пакетик.

В благодарность за предоставленный ночлег, я купила тете Лере французский крем для лица, а дяде Васе — гель для бритья. Мой отец пользуется таким. Он пахнет морозным утром.

Я полдня пробыла в магазине, придирчиво рассматривая разные баночки и флакончики.

— Вика дома? — улыбаюсь, но не дожидаясь ответного дружелюбия.

Тетя Лера берет подарки, отводит глаза и продолжает стоять на пороге, не пропуская меня в квартиру. Тревога тут же обвивает ноги и сковывает грудь.

— Спасибо, Верочка, — я чувствую неискренность в ее обращении, — но не стоило тебе приходить к нам. Некрасиво ты с Ксюшкой поступила. Девочка еле в себя пришла. Не ожидала от тебя такого.

Стыд мгновенно хлещет меня по лицу. Руки мерзнут от сквозняка на лестничной клетке.

Она тоже в курсе? Неужели все копошатся в этой куче грязного белья. Откуда она узнала?

Вика умеет хранить секреты. Хотя какой это секрет, если о нем знает уйма народа. Оля? Точно, скорее всего, это была Оля. Если она любит Ксюшу так, как я — Вику, то её негодование и желание говорить обо мне плохо, можно понять.

Прочищаю горло, пытаюсь проглотить отвратительное осуждение.

— Тетя Лера, Вика дома? — повторяю вопрос. — Мне поговорить с ней нужно. Это правда очень важно.

Она вздыхает и поворачивается боком, пропуская меня.

Захожу в квартиру и разуваюсь. Ощущение теплоты от квартиры исчезло. В голове бьётся мысль, что мне здесь больше не рады. Не дожидаясь приглашения, я иду по коридору к Викиной комнате, на ходу убеждая себя, что ошибку нужно и можно исправить.

Дяди Васи нет дома.

Из Викиной комнаты доносится тихая музыка. Дверь чуть приоткрыта. Легонько стучу по стеклянной вставке на двери и открываю ее шире.

Вика не ожидала меня увидеть. Темные брови взлетают вверх, а глаза становятся чуть шире.

Она сидит на разложенном диване в клетчатой пижаме. Рядом лежит открытая, общая тетрадь и разбросанные маркеры.

— Ты что здесь забыла? — тут же ощетинивается она.

Я чувствую вину, досаду и раздражение, но призываю себя к терпению. Я пришла, чтобы помириться, а значит, мне придётся не принимать её слова и упрёки близко к сердцу.

— Привет, — прямо в пальто сажусь рядом, — ты не отвечала на мои сообщения: я пришла поговорить.

— Нам не о чем говорить. — она поднимается и встает напротив меня, привалившись спиной к стенке. — Я тебе уже все сказала.

— А я? Почему ты даже не дала мне шанса высказаться? — горло давит от обиды. Ее игнор ранил меня.

Рассматриваю родинку над губой, тугую косичку и маленькие гвоздики в ушах. Мне не хватало Александровой.

— Валяй. — она складывает руки на груди.

Чувствую исходящую от нее агрессию. Тяжело говорить, когда ты уже заведомо враг.

— Мне жаль, что все так получилось. — зажимаю ладони коленями. — Гриша мне нравился. Он был внимательным, отзывчивым, добрым. Оказалось, что мне много не надо, чтобы запасть на парня. Пары прикосновений и красивых слов — достаточно. Я не снимаю с себя вины, но у нас ничего не было. То, что ты видела на фото — вырванный из контекста кусок, клянусь.

— А чего тебе тогда пары красивых слов Лебедева не хватило?

— Ты знаешь, какие о нем слухи ходят. — морщусь: ее бестактный вопрос рвет душу в клочья.

Вика скептически смотрит на меня. Я не узнаю свою подругу. Как бы поступила я, будь на её месте?

Мне хочется продолжить свое оправдание. Рассказать, что на фоне властного, не принимающего меня отца, Гриша выглядел надёжной пристанью, в отличии от Макса.

Я не выбирала, к кому привязываться. Но слова не желают складываться в предложения.

Я снова думаю о том, что никогда не достучусь до папы. Теперь я точно знаю это.

Сама не замечаю, как щеки становятся мокрыми. Только теперь плачу я — взрослая Вера, а не маленькая девочка во мне.

В Викиных глазах проскальзывает что-то из прошлого. Так она смотрела, когда у меня в девятом классе на перемене украли дорогуший телефон, и я плакала от обиды. Вика обнимала меня и гладила по спине.

Ее глаза снова становятся холодными.

— Маслова, вот только не надо мне на жалость давить, лады? Дело не только в Ксюхе. Главная проблема в тебе, как ты не понимаешь? Ты поступила подло по отношению к человеку. Подло и низко.

— Вик, а ты не думала, что там уже были проблемы, если между ними встала я? Почему ты всецело перекладываешь вину на меня? Гриша сомневался пять лет, а это немалый срок. Что ему мешало сделать предложение раньше? — начинаю закипать. Сжимаю мокрый от снега пояс.

— А если у меня с парнем будут проблемы, то там тоже появишься ты? — повышает

Голос.

— Да при чем здесь ты и твой парень?! У тебя его даже нет. — рывкаю я, хлопнув по дивану так, что маркеры подскакивают.

— Мне друзья предатели не нужны! — кричит Вика.

У неё красные глаза, как будто она вот-вот заплачет. Раздувает ноздри и отворачивается.

Я замираю, оглушенная ее категоричностью.

Эту фразу я запомню надолго. Как бы я не старалась, я не смогу понять, что творится в Викиной голове.

Как можно перечеркнуть нашу дружбу одним махом?

Она правда убеждена, что я лицемерка, которая когда-нибудь воткнет ей нож в спину? Получается, она никогда меня по-настоящему не знала? Ведь если бы знала, то не заклеила меня одним неправильным поступком.

Оглушенная болью, я встаю. Вспоминаю свои слова о том, что мы были сёстрами в прошлой жизни. Видно в этой не судьба.

— Пока, Вик. — встаю. — В таком случае, можешь удалить мой номер.

Выхожу из комнаты и слышу, как она плачет. Тетя Лера делает вид, что поливает цветы на кухне.

— Не провожайте, — обращаюсь к ней, — я знаю, где выход.

В подъезде я плачу, уткнувшись в холодные ладони. Почему терять так больно. Как я буду без Вики. У меня больше нет подруг.

Что же за зима такая в этом году?

Какое-то время брожу по Викиному двору.

В душе я надеюсь, что она остановит меня: напишет, позвонит, высунется из окна, в конце концов, и прокричит мне в след, чтобы я не уходила. Скажет, что ей ужасно меня не хватало, но телефон молчит, а в окнах её комнаты продолжает мигать гирлянда.

Домой приезжаю под вечер. Несколько часов я слонялась по городу, разглядывая прохожих и витрины магазинов. Я не заметила, как окончена. Зуб на зуб не попадает.

В такси снова просматриваю соцсети Лебедева. Он совсем затих. Последнюю неделю он вообще ничего не выкладывал. У Митрошенко и Логунова тоже ни намёка на его тусовочную жизнь. Я даже залезла на странички Риты и Насти Усмановой, и снова ноль.

Мама дома.

Она почти сразу продала отцу свою часть фирмы, поэтому в город она теперь выбирается только за продуктами. Практикантка в белой блузке не врала.

Мама сидит в перед телевизором в спортивном костюме с бокалом вина. Она даже дома продолжает укладывать волосы. Я знаю, что это делается лишь для того, чтобы совсем не утонуть в пучине отчаяния.

— Что смотришь? — плюхаюсь рядом с ней и кладу голову ей на плечо.

Мама целует меня в лоб и глади по щеке.

— Какую-то чушь про моду и стиль. Здесь нет ни одного, ни другого. — отвечает глядя на экран.

— Я такая голодная. Поужинаем?

— Давай. — мама смотрит на меня. Я почти привыкла к грусти в ее глазах. — Только холодильник пустой. Закажешь еду?

— Окей, — достаю телефон из заднего кармана джинс, — ты что хочешь?

— Давай пасту. Под вино самое то.

Делаю заказ и оплачиваю приличную сумму за доставку. Ждать минут сокорок, пока курьер доберётся за город.

Оставляю маму в гостиной и иду наверх переодеваться.

Дом прекрасно отражает мое состояние души. Везде стоят коробки. На кухне лежат рулоны бумаги для упаковки посуды. Часть мебели отсутствует. Например, мама продала свой роскошный стол, поэтому едим мы с ней теперь перед телевизором.

Дом выставлен на продажу. Изредка здесь появляется риелтор — смешливая, рыжая девушка, похожая на белочку. Она показывает наш дом потенциальным покупателям.

Отец звонил мне пару раз, спрашивал про дела и учёбу. Он был рад, что я вернулась домой. Мы не говорили ни по маму, ни про Нину.

Наш разговор длился не больше пяти минут, и это меня абсолютно устроило.

Я принимаю горячий душ. Стою под струями, пока тело не становится красным. Слышу звонок и иду встречать курьера.

Мы с мамой поужинали под старый, советский фильм и, тепло одевшись, пошли гулять по поселку. Больше молчали. Каждый думал о своем.

По ночам я часто плакала.

Когда спускалась ночью в туалет, то не единожды заставляла маму курящей у окна. Она не спала по ночам, а потом отсыпалась днем. Это совсем на нее не похоже. Мама — человек

распорядка и железной дисциплины.

Одним словом, мы с ней рухнули в яму под гордым названием депрессия. Каждый проживал свои потери и разочарования, как мог.

Я стопками читала детективы, ела шоколад и забила на учёбу. В какой-то момент просто перестала туда ходить, без объяснения причин.

На удивление мама меня не трогала. Не заставляла ходить в институт и даже ничего не спрашивала.

Мы поставили нашу жизнь на паузу.

Я удивлялась, что меня не отчислили. Хотя чему здесь удивляться? Этого еще не сделали исключительно из-за отца, вернее денег, которые он платит, а не из-за великодушия и желания сохранить столь «талантливую студентку». Мой отец платит запредельно много, чтобы я стала юристом.

Отец позвонил мне спустя пару недель прогулов:

— Ты чем думаешь? — перешёл сразу к сути. — Вера, на кону твое будущее. Возьми академ, если нужно. Я договорюсь. — говорит с нажимом. — Доучись, хоть на тройки, но закончи ты этот сраный институт.

Слушаю его, глядя, как по двору скачет соседский кот.

— Пап, прости меня. — говорю твердо. — Я не буду там больше учиться. Когда смогу — заберу документы. — отключаюсь и перевожу телефон на беззвучный режим.

Мне искренне жаль, что деньги за обучение были выброшены на ветер, и я не оправдала надежд. Но это моя жизнь. Несуразная, полная неверных решений, но моя.

Я ждала скандала, давления, оскорблений, но их не последовало. Я снова осталась в своём безопасном мире.

Мне звонил Макс, но я не взяла трубку. Не потому что хочу что-то ему доказать или проучить, просто не было сил.

Конец февраля сменил март, а затем пришёл апрель. Весна в этом году запоздала. Растаял снег, земля высохла, но первая зелень пока так и не пробилась.

Дом все ещё не нашёл покупателей.

Я решила, наконец, забрать документы. Выбрала субботу. После обеда я позвонила в деканат, чтобы убедиться, что сотрудники ещё на месте, и моя поездка не будет безуспешной.

Я специально выбрала это время. Не хочу никого видеть. Университет должен быть полупустым. В это время открыты, как правило, только бассейн и библиотека.

Я обильно нанесла консилер и уложила брови. Волосы оставляю распущенными, челка сильно отросла и спряталась в волосах. Надеваю большой свитер, напоминающий теплое одеяло, и джинсы. Сейчас я хочу только комфорта.

Мне не очень везёт: в коридоре встречаю Кирилла. Он стоит уткнувшись в телефон, на голове капюшон черной толстовки. Я даже не сразу узнала его. Наверное, приехал на тренировку. У нашей группы нет занятий в субботу в этом семестре.

Он поднимает голову, долго смотрит на меня и кивает. Я улыбаюсь ему, и ответив кивком, иду на второй этаж, все еще чувствуя спиной его взгляд.

На кафедре только старшекурсница, пьющая чай с вафлями. Нет ни декана, ни заведующей.

Не дожидаясь приглашения, сажусь на стул и осматриваюсь. На ноутбуке с яркими наклейками открыта вкладка с дипломной работой.

— Валер, я перезвоню. — она откладывает телефон в сторону.

— Фамилию свою ещё раз назови. — обращается ко мне, игнорируя приветствие.

— Маслова Вера Андреевна.

— Точно. Мне Валентина Семёновна говорила, что ты зайдёшь. — она вырывает куда-то под стол и достаёт папку. На обложке розовый стикер с моей фамилией.

С документами проблем не возникает: ставлю несколько подписей в графах, куда указывает тонкий палец с облупившимся лаком. Убираю в сумку школьный аттестат, а справки кладу в файл.

— А чего ты уходить решила? Перевелась бы на другой факультет. — смотрит с любопытством. — Вафли хочешь? — протягивает вазочку.

— Нет, спасибо. — поднимаюсь. — Не моё это просто. Удачи с дипломом.

Снимаю сумку со спинки стула, прощаюсь и закрываю за собой дверь.

На душе легко. Иду по пустым коридорам. Большинство аудиторий закрыты. Последний раз беру кофе в автомате и выпиваю его глядя во двор.

Ощущение свободы придаёт лёгкости ногам. Я как будто сбросила с плеч тяжеленный рюкзак и снова могу двигаться вперёд, не задыхаясь на каждом шагу.

Прощайте, серые стены, мы больше не увидимся. Пусть здесь учатся те, кому по душе кодексы и составление нормативных актов.

Выхожу на улицу и дышу полной грудью. Пахнет весной. Солнце лениво отбрасывает лучи на асфальт.

Ничего, все пройдёт.

Жизнь — хаос, и чем сильнее я старалась все контролировать, тем хуже становилось. Пора расслабиться. Я слишком сильно старалась, и меня отбросило назад, чтобы я могла заново присмотреться к происходящему.

Решаю пройти через сквер. Делаю пару шагов в направлении аллеи, ведущей к лавочкам, но вдруг чувствую на себе чужой взгляд. Поднимаю голову и останавливаюсь.

Сердце вот-вот вынесет ребра и побежит по дорожке, потому что на входе в сквер стоит Макс. Он одет по-весеннему: бежевые брюки и шоколадный свитер. Спрятал руки в карманы брюк. Выглядит расслабленно, словно просто вышел прогуляться по парку. Ему не хватает стаканчика кофе для полноты картины.

Макс ждал меня. Я точно это знаю. Отсюда отлично видно выход из старого коруса.

Он просто стоит и смотрит. Я тоже смотрю на него. Слушаю щебет птиц и чувствую тепло в груди.

Опомнившись, иду ему на встречу. Не выдерживаю и ускоряю шаг. Макс раскидывает руки в стороны, и я срываюсь на бег. Встречный ветер ласкает лицо. Меня окутывает ощущение полной свободы. Сумка, перекинутая через грудь, бьёт по бедру.

Я едва не сбиваю его с ног. Обнимаю за талию и прижимаюсь щекой к груди. Он обнимает меня в ответ, как тогда в прихожей. Комкаю ткань его свитера на спине.

Он целует волосы и зарывается в них носом. Крепче прижимает меня к себе.

Оказывается, счастье ощущается именно так и пахнет парфюмом, подаренным мной.

— Макс, я такая дура. — плачу и тычусь лицом ему в шею, как слепой котёнок. — Прости меня. Прости меня, пожалуйста. Я так скучала. Думала о тебе. — мне важно, чтобы он понял.

— Тише... тише, — он гладит меня по спине, — это я дурак. Нужно было поговорить с тобой. Набраться терпения, а не устраивать этот цирк. Ты меня довела, коза упрямая. — невесомо целует уголок губ.

Поднимаю глаза и тыльной стороной ладони глажу его щеку.

Он перехватывает руку и старомодно целует запястье, глядя мне в душу. Стирает большими пальцами слезы, а я не могу остановиться. Они текут солёными дорожками по лицу, забирая с собой напряжение прошедших месяцев.

— Я так тебя люблю. — впиваюсь ногтями в его плечи. — Я так скучала, Макс.

Он целует мокрые щеки, лоб, глаза. Внутри растекается облегчение вместе с ощущением правильности происходящего. Обнимать его — также естественно, как дышать. Трусь носом о его нос. Макс смеётся.

— Я сильнее люблю тебя, Маслова. Я не могу без тебя. Пробовал — не получилось. Ты снилась мне постоянно. Я спать стал на два часа больше, чтобы побыть с тобой.

На самом деле, открываться не так уж и страшно. У Макса хватило мужества первым обнажить душу передо мной. И он делал это не раз.

— Откуда ты здесь? — спрашиваю, заранее зная ответ.

— Мне Кир позвонил. Сказал, что ты пришла в универ. Вот я и примчался. До тебя не дозвониться, сообщения ты не читаешь. В поселок ваш меня не пустили. Мужик на входе заладил «не положено». Типа меня нет в списке.

Я снова прижимаюсь щекой к груди и слушаю стук его сердца. Мы молчим, вслушиваясь в дыхание друг друга.

— Чего ты боишься, Вер? — говорит мне в макушку.

Я замираю и не разу решаюсь ответить. Собираюсь с мыслями и тихо произношу:

— Боюсь, что ты причинишь мне боль или я — тебе. Боюсь, разочаровать тебя. Вдруг спустя время ты поймёшь, что сам себе придумал идеальный образ, который не соответствует действительности. — отстраняюсь и сталкиваюсь с ним глазами. — Боюсь, что однажды мы станем друг другу чужими, как мои родители. Где гарантии, что все будет хорошо?

Макс смотрит с нежностью. «Дурочка», — читается во взгляде.

— В жизни вообще нет гарантий. — он ныряет пальцами в волосы и слегка массирует затылок. Прикрываю глаза. — Но у нас есть выход — открыто говорить о том, что беспокоит и где болит. И если наступит день, когда мы станем чужими, то это тоже нужно будет честно озвучить.

Он улыбается и продолжает:

— Только я все равно тебя не отпущу. Я же говорил, что у тебя будет моя фамилия. Лебедева Вера — звучит?

— Звучит. — соглашаюсь я.

Ладони Макса ныряют под свитер. Он гладит позвоночник и игриво произносит:

— Я тут живу рядом, если ты не забыла. Может зайдёшь в гости?

— Ты должен мне первое свидание, Лебедев. Я хочу в кино.

Ещё не открыв глаза, я чувствую руки Макса на своём животе. Он нежно скользит кончиками пальцев по коже, целует в плечо оттянув ворот футболки.

Открываю глаза и потягиваюсь. Улыбаюсь, чувствуя себя абсолютно счастливой.

— Макс, ты свинья. Из-за тебя я уснула под утро. Дай поспать. — утыкаюсь в подушку. Серая наволочка все так же пахнет лавандой. Натягиваю повыше одеяло, но это не помогает.

Он смеётся и притягивает меня к себе. Чувствую жар, исходящий от его тела после сна. Переворачиваюсь на другой бок и встречаюсь с ним глазами. Он выглядит бодрым, как будто проспал полноценные восемь часов.

Макс рассматривает меня, словно видит впервые. Я не могу привыкнуть к его вниманию. Он смотрит на меня в кафе, когда мы обедаем или дома, когда я чищу зубы. Наблюдает, как я убираю посуду в посудомоечную машину или сушу волосы.

— Ты такая красивая, Маслова. Когда первый раз увидел тебя на лекции, чуть не умер.

Он так легко и открыто выражает свои чувства. Мне ещё учиться и учиться.

— Что ты болтаешь? — убираю чёлку с лица, демонстрируя нерушимое спокойствие, хотя внутри все замирает от наслаждения.

— Ты помнишь, — он мечтательно улыбается, — как опоздала на лекцию, и Алевтина сразу же докопалась до тебя. Ты злилась и молчала. Так яростно сжимала лямки рюкзака, что я думал, ты их оторвешь. На тебе было короткое, жёлтое платье и белые конверсы. В сентябре народ ещё ломился на лекции, особенно на первые ряды, поэтому ты прошла назад и села рядом с Олегом. Даже через него я чувствовал, как вкусно пахнут твои волосы. — он гладит пальцами мои губы и подбородок.

Прикрываю глаза от удовольствия, наощупь скольжу руками по его груди.

Тот день был ужасным для меня. Болел живот, я бегала в аптеку за таблетками и поэтому опоздала. Алевтина проехала танком по моему внешнему виду и воспитанию. Я долго не могла найти аудиторию. Спросила у старшекурсника и отхватила похабную шутку. Потом пролила сок на те самые белые кеды.

Макс запомнил этот день иначе. Как по-разному люди видят мир.

Я первая целую его, зарываясь руками в мягкие волосы. Его губы стали родными. Я знаю каждый изгиб, каждую линию, вкус и упругость.

Макс перекачивается на спину, прихватив меня за бедро. Увлекает за собой. Я оказываюсь сидящей на нем. Он смотрит снизу вверх. Его дыхание учащаяся.

Я все ещё не привыкла к власти, которую имею над ним. Она пьянит. Извлекает из недр души то, на что, казалось, ты совершенно не способен.

Мне хочется быть частью его жизни. Хочется, чтобы он был счастлив.

Мы не в силах заглянуть вперёд и предугадать наше будущее, но у нас есть настоящее, которое мы делим на двоих.

Наверное, это и называется любовью.

Макс скользит ладонями по талии и тянет края футболки вверх. Прикрываю глаза и помогаю ему стянуть её.

Я почти перестала смущаться. Макс хорошо меня чувствует, и это помогает раскрепоститься. Первая неловкость бесследно исчезла.

Оказывается, чтобы влюбиться: нужно знать человека. Мне не хватило первого взгляда,

чтобы понять, что он — мой приют.

Серые глаза теперь моя слабость, особенно, если в них жажда и нетерпение.

Я наклоняюсь и снова целую его, обхватив руками лицо. Скольжу языком по губам, распаяясь все сильнее. Он тихо стонет мне в губы и толкается навстречу.

Терпение — не самая сильная сторона Макса. Он жадно сжимает грудь, бедра, задницу, словно хочет все и сразу. Слегка оттягивает волосы, открывая шею и скользить по ней губами. Гладит плечо.

Я люблю его громкое дыхание и гладкость кожи.

— Хочешь меня? — шепчу ему в губы, провоцируя.

Ответом мне служит череда более интенсивных толчков. Макс открыт в сексе также, как в проявлении своих чувств. Знает, чего хочет.

Я выпрямляюсь и отпускаю себя, потому что природа берет свое.

Весенний ветер от открытого окна приятно холодит спину. Царапаю его грудь и хватаюсь за спинку кровати.

«Бедная соседка со шпичем», — последнее, что я успеваю подумать, перед накрывшей меня лавиной, отключившей разум.

Макс гладит моё бедро.

— Переезжай ко мне. — говорит через какое-то время, глядя, как я пытаюсь отдышаться.

Рассматриваю солнечные зайчики на потолке. Подавляю приступ тревоги и поворачиваю голову.

— Ты прикалываешься? Мы всего неделю вместе. У нас типа конфетно-букетный период, свидания, прогулки, все дела.

— Не совсем, — в его глазах пляшут смешинки, — мы его уже успешно прошли, если ты не заметила.

— Эх, а я думала подинамить тебя еще немного. — неумело флиртую, но Максу нравится. Он заливисто смеётся.

— Я обещаю тебе покататься на теплоходе и сходить в музей или на выставку. Куда ты там хотела? — он тянется за телефоном. — А ещё Олег с Ритой зовут нас на двойное свидание.

— Да пошёл твой Олег. — тут же раздражаюсь я. — Он меня чуть плеча не лишил.

— Он защищал мою честь, как верный друг, хотя я его об этом не просил, и больше он такого не выкинет, обещаю. И вообще, с темы не съезжай. — он щёлкает меня по носу. — У меня твоя плойка, несколько платьев, босоножки и шкафчик в ванной захвачен твоими пузырьками и баночками. — перечисляет он. — На вид они, кстати, все одинаковые. Привози все остальное и оставайся. Носки я не разбрасываю, клянусь. — он прикладывает руку к груди.

— И стульчак будешь опускать? — пытаюсь разыграть подозрение во взгляде.

— Посмотрим на твое поведение. — он широко улыбается, и я люблюсь им.

Мне постоянно хочется говорить ему комплименты: по поводу волос, фигуры, голоса.

Макс целует ладонь, лежащую на подушке, и снова тянет меня на себя.

Думаю, мама не расстроится. Она потихоньку возвращается к жизни. Уже несколько недель занимается с психологом и пошла в спортзал. Мама думает, чем заниматься дальше. Насколько я поняла, она снова хочет работать на себя.

Когда я спросила, не жаль ли ей было продавать свою часть фирмы, в которую она

вложила столько лет и сил, она ответила:

— Иногда со старым нужно уметь прощаться, даже если это досталось с большим трудом. — и я с ней согласна.

Только отпустив старое, можно впустить что-то новое в свою жизнь.

Мама нашла симпатичную двушку в центре, решив не дожидаться продажи дома. Из гостиной открывается чудесный вид на набережную.

Я кочую от неё к Максиму и наоборот. Когда я ночую дома, мы завтракаем в кафе рядом с домом и по вечерам смотрим старый американский ситком.

Жизнь идёт своим чередом. И мне это нравится.

— Спасибо, Анастасия Васильевна. Увидимся в среду. До свидания. — застегиваю босоножки.

— До свидания, Верочка. Обязательно повтори все упражнения дома, как я показала. И перед зеркалом.

— Хорошо. — выпрямляюсь, забираю сумочку и улыбаюсь ей на прощание.

Дверь, обтянутая дерматином, закрывается.

Уже два месяца, трижды в неделю я прилежно хожу на занятия к Анастасии Васильевне — педагогу по вокалу. Она уже благополучно вышла на пенсию и вступила в тот возраст, когда женщина с удовольствием возится с рассадой и нянчит внуков.

Она строгий и удивительно-талантливый преподаватель старой закалки. От неё я, как правило, выползаю еле живая: болят щеки, челюсть, горло и даже лёгкие.

Я готовлюсь к поступлению на вокально-джазовое отделение. Боюсь ли я пролететь? Не то слово! Но я чётко решила, что буду пробовать, пока у меня не получится.

Я стану студенткой Университета Культуры, даже если мне придётся поступать сто раз или разбить палатку рядом с деканатом.

В моей жизни произошли изменения.

Я съехала с Максом, хожу вместе с Ритой на стретчинг. Аня стала моей постоянной компанией для выставок современного искусства и музеев, что заставило Макса спокойно вздохнуть. До этого ему приходилось разглядывать со мной сомнительные, с его точки зрения, картины.

Я сознательно сократила общение с отцом. Мы созваниваемся примерно раз в месяц, и это нас устраивает. Иногда заменяем телефонный разговор на беглую встречу. Перестав ждать его одобрения, я стала свободной, а он, почувствовав это, перестал насаждать на меня и распоряжаться моей жизнью. Теплее наши отношения не стали, но я перестала чувствовать себя несчастной.

Тяжелее всего я переживала утрату Вики. Я долго надеялась, что она выйдет на связь, переосмыслив произошедшее, но этого так и не случилось. У нас больше не было точек соприкосновения: школьные годы прошли, я отчислилась, и наша дружба самоликвидировалась. Когда-нибудь я сохраню в памяти все самое лучшее, связывающее нас, но пока у меня еще болит.

В городе стоит аномальная жара. Асфальт плавится. Чтобы избежать пробок, я добираюсь на метро.

Я направляюсь в цветочный магазин Нины. Да-да, именно туда. Не потому, что я жажду её увидеть.

По близости есть все: кафе, рестораны, бутики, химчистка, книжный. Но, к сожалению, нет ни одного приличного магазина цветов, кроме ее.

Я уже опаздываю на День рождения Надежды Викторовны. Мы договорились, что Макс привезет наш подарок, а я куплю по дороге цветы.

Свое семидесятипяtilетие она празднует в новом ресторане в центре. Вернее, это было желание родителей Макса, а Надежда Викторовна упиралась, как могла. Но столик был забронирован, и ей пришлось согласиться.

Захожу в магазин. Внутри работает кондиционер.

На мне легкое платье без бретелей. Плечи и ноги тут же покрываются мурашками.

Я сразу же жалею, что пришла.

Балда, нужно было заказать доставку цветов в ресторан, и все дела.

Нины нет на месте. У кассы стоят Гриша с Ксюшей, и что-то активно обсуждают с продавцом.

Они оба поворачивается на стук каблуков. Светленькая девочка с бейджем тут же дежурно мне улыбается.

Ксюша хорошо выглядит в белом комбинезоне, подчеркивающим уже заметный живот. Пучок и отсутствие макияжа делают её похожей на старшеклассницу. На ногах удобные бежевые сандалии, вместо привычных шпилек, и идеальный педикюр.

У Гриши снова отрасли волосы. На нем широкие джинсовые шорты и черная майка с принтом известного анимационного сериала.

Он тепло мне улыбается, как будто мы старые друзья. Я здороваюсь. Ксюша продолжает нарочито громко разговаривать с продавцом.

Пока я брожу по магазину, понимаю, что они выбирают цветы для предстоящей свадьбы. Прислушиваюсь к себе и ничего не чувствую, кроме смазанной неловкости.

Мне безразлично, что они думают обо мне. Оказывается, если тебя по-настоящему любят — ты становишься спокоен и нерушим. Даже, если жизнь даст под дых, тебе есть куда вернуться вечером.

Решаю долго не копаться и беру кремовые розы. Красиво и благородно. Пока продавец упаковывает цветы, чувствую на себе взгляд.

Отдаю приличную сумму за букет и спешу в ресторан.

Смотрю на экран телефона. Идти минут десять: успею. Букет оттягивает руки. Смотрюсь в витрину, чтобы убедиться, что волосы лежат хорошо.

У входа в ресторан в лиловом платье и смешном ободке с вуалью курит Доротея Аркадьевна. Проходящие мимо девчонки косятся на нее.

— Ваше величество, — чинно киваю ей, — здравствуйте.

— Не умничай! Сама платье небось у куртизанки отобрала. — тушит недокуренную сигарету о железный каркас мусорки и улыбается. — Иди обниму.

Ныряю в, ставший чужим, запах крепкого табака и прижимаю ее одной рукой к себе. Мы обе знали, что приглашены. Не знаю, как она, но я очень сильно ждала эту встречу.

— Как дела, Доротея Аркадьевна? Нашли помощницу. — рассматриваю ее макияж.

— Работает у меня одна. Постарше тебя будет, но такая же дурочка. С парнем своим на днях поругалась и чуть квартиру мне слезами не затопила. — в голосе Доры проскальзывают нотки нежности, и я радостно улыбаюсь. Поправляю сумочку на плече и спрашиваю:

— Идем? Не знаете, уже все на месте?

— Все, только Рената задерживается в пробке. Коля это чудовище с собой притащил, поэтому нас посадили на веранду.

Нас приветствует официант в белой рубашке и провожает к столику.

Мы празднуем небольшим составом: Надежда Викторовна, Дора, Анна Петровна, Макс его родители и я.

Не хватает только мамы Макса, застрявшей в пробке. Именинница восседает во главе стола в зелёной блузке с большим бантом.

Здороваюсь со всеми. Вручаю Надежде Викторовне букет. Жульен радостно облизывает мне руки и пальцы на ногах. Смеюсь и слегка треплю его по загривку.

Занимаю место рядом с Максом. Он тут же обнимает меня за плечи.

— Я тебе уже кофе со льдом заказал. Сейчас принесут. — он гладит мое бедро под столом.

Я накрываю его руку своей. Жмурюсь на солнце и чувствую себя бесконечно счастливой. Вокруг царит праздничная суета. Официант приносит вазу. Стучат приборы, смеются люди. Надежда Викторонва снова вспоминает мужа с его мотоциклом. Я уже знаю, что это ее любимая тема на всех семейных застольях.

Я нашла свой путь. Знаю, что он будет полон сомнений и ошибок, но мне больше не страшно. Перевожу взгляд на Макса, и он словно почувствовав это, смотрит на меня.

Пусть наши чувства никогда не проходят.

«Я тебя люблю», — произносит одними губами. Шум города и музыка заглушают его слова, но я и так все понимаю и сжимаю его ладонь под столом.

Больше книг на сайте - Knigoed.net